

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 3, 1974 май — июнь

В номере:

К 250-летию Академии наук СССР

Ф. М. Березин. Академия наук и русский язык
(от М. В. Ломоносова до А. А. Шахматова)	3
В. Н. Виноградова. Русский язык в Отделении
литературы и языка Академии наук СССР	13

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина

И. Б. Голуб. О звукописи произведений А. С. Пушкина	25
Л. М. Шелгунова. Язык пушкинских персонажей	34
Е. П. Ходакова. Словесная шутка	40
В. А. Плотикина. Из наблюдений над рукописями А. С. Пушкина	49
В. Н. Айдарова. Работа Куприна над текстом
статьи «Памяти А. П. Чехова»	56
Г. Н. Щеглова. Речевые характеристики в пьесе
Л. М. Леонова «Унтиловск»	65
Л. П. Сухаревская. Чем дорог мне Леонов	72
Н. Г. Михайловская. Не просто детектив	74

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Н. В. Соловьев. Скорая лингвистическая	80
Л. Н. Кузнецова. Служба языка	83
К. С. Горбачевич. Вершить судьбы (судьбами)	87

ГРАММАТИКА. СТИЛИСТИКА

В. В. Колесов. Стекло, оловянный, деревянный	90
Л. И. Еремина. Мне грустно и легко	95
-

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Ж. Ж. Варбет. Какого происхождения слово <i>ораз</i>	100
В. М. Мокнянко. При царе Горохе	104

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Л. П. Жуковская. Инициалы в древнерусских рукописных книгах	108
Б. В. Сапунов. О почитании книжном	124

ШКОЛА

Ю. А. Гвоздарев. Образование фразеологизмов	128
Л. Н. Шердакова, Н. И. Соболева. Риторический вопрос в публицистическом стиле	132

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

Э. П. Короткова. Речь дошкольника	136
---	-----

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Т. В. Напольнова. Любите и знайте русское слово	140
---	-----

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

В. Е. Сталтмане. Лания и Ланиньш	145
--	-----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Грамматическая правильность русской речи	149
--	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Северная Пальмира	21
Медое; Самолюбие — себялюбие; Сказать — подсказать; Преумножить и приумножить; Буткарь или бушкар?	152

*На обложке памятник А. С. Пушкину в Ленинграде.
Скульптура работы М. Аникушина.
Рисунок Ю. Космынина.*

К 250-летию
Академии
наук
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК И РУССКИЙ ЯЗЫК

(от М. В. Ломоносова
до А. А. Шахматова)

250-летие Академии наук советские языковеды отмечают как смотр достижений советской науки, внесшей большой вклад в дело построения социализма в СССР. С деятельностью Академии и ее выдающихся русских и советских языковедов многое связано в летописи нашего отечественного языковедения, в изучении русского языка. Русский язык в научной деятельности Академии наук всегда занимал большее место, поэтому неслучайно в старейшем уставе Академии специальным пунктом вменялось ей в обязанность изучение «российского языка, наблюдение за чистотой его, составление грамматики его и словаря».

Научный подход к изучению русского языка связан прежде всего с именем первого русского академика Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765). С детства памятливы его хрестоматийные строки: «Кари Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично.

Но если бы он русскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». Как бы через века Ломоносов предвидел ту великую роль, которую русский язык займет в современном мире в полной силе, красоте и богатстве своем.

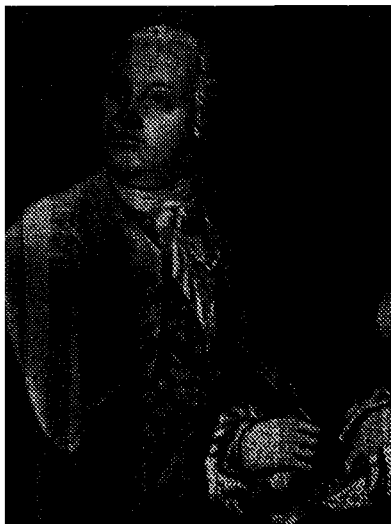
Перу Ломоносова принадлежит «Российская грамматика» (1755), первое нормативное пособие по грамматике русского языка того времени, предусматривавшее употребление того или иного слова, тех или иных грамматических конструкций. Внимание Ломоносова к грамматике не было случайным, ибо, как говорил он, «тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики». При тогдашней хаотической неразмежеванности разговорных и литературных норм речи, Ломоносов всегда активно вмешивался в их выбор и со всевозможной объективностью указывал, какое употребление «приличнее или пристойнее», а какое «дик и слуху несносно», какое «неправедно» или «весьма развратно». Отмечая устаревшие формы, он смело закрепляет в своей грамматике живые нормы словоупотребления. Четкость построения, разнообразие и продуманность примеров, тонкость языковых наблюдений сделали ломоносовскую грамматику самым популярным руководством своего времени.

Ломоносов страстно боролся за чистоту русского языка. «Довольство российского слова и собственным достатком велико», — утверждал он, а поэтому составной частью русского литературного языка, по его мнению, должна быть письменная и разговорная речь широких слоев народа, а не «дикие и странные слова, нелепости, входящие к нам из чужих языков».

Известная ломоносовская теория «трех стилей» открыла путь, по словам Пушкина, «счастливому слиянию» всех живых сил русского литературного языка, обеспечившему расцвет великой русской литературы.

Вместе с тем Ломоносов высказывает интересные мысли об устойчивости основного словарного фонда русского языка, который за «семьсот лет не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было», и о большей спаянности диалектов русского языка, чем диалектов, например, немецкого языка, когда «баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все ж того немецкого народа».

В основе всех лингвистических работ Ломоносова лежала страстная патриотическая идея — мобилизовать все живые силы русского национального языка, сделать русский литературный

язык доступным широким слоям народа, обеспечить внедрение литературного языка в национальный быт. В работах: «Письмо о правилах российского стихотворства» (1739), «Материалы к трудам по филологии» (1744—1757), «Российская грамматика» (1755), «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (1756), «Предисловие о пользе книг церковных» (1757) — содержится программа академического изучения русского языка, которая в дальнейшем практически осуществлялась крупными русскими языковедами — академиками и членами-корреспондентами Российской Академии.

Академик Александр Христофорович Востоков (1781—1864), один из основоположников сравнительно-исторического языкознания в России, продолжая ломоносовские традиции, впервые в истории синтаксических учений установил, что для русского языка является характерным преобладание двучленного построения предложения. «Всякое предложение, — говорил он, — состоит из двух частей, называемых подлежащим и сказуемым», например: Солнце сияет; Науки полезны; Праздность есть порок. В этих предложениях подлежащими являются *солнце, науки, праздность*, а сказуемыми — *сияет, полезны, есть порок*. Установление этого факта было значительным открытием в области синтаксиса, так как в то время господствовала так называемая логическая точка зрения, согласно которой три члена предложения (субъект — предикат —

связка) обязательно должны соответствовать трем членам логического суждения. В своей «Сокращенной русской грамматике для употребления в высших учебных заведениях» (1834) и «Русской грамматике по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенной» (1834) Востоков смело порывает с такой формально-логической схемой рассмотрения грамматических явлений.

Вслед за Ломоносовым Востоков тщательно сопоставляет и детально изучает факты живой разговорной речи народа и литературные стили. Выделяя в самостоятельную часть речи имя прилагательное, он различает качественное прилагательное, притягательное (относительное) и числительное прилагательное, показывающее счет, то есть о скольких предметах и о котором из нескольких предметов говорится. Говоря о типах связи слов в предложении, Востоков выделяет согласование и управление. Впервые в русском языке он обратил внимание на особое семантико-синтаксическое значение слов: *лора, жалъ, (не) досуг, лень* и других.

Обе «Грамматики» Востокова исследовали специфические особенности русского национального языка. В. Г. Белинский считал «Русскую грамматику» Востокова «лучшей из всех доныне изданных». Синтаксические взгляды Востокова оказали большое влияние на последующих исследователей синтаксиса русского языка.

В трудах Ломоносова имеются указания на необходимость исторического изучения языков. Впервые вопросы истории русского языка стал подробно изучать академик Измаил Иванович Срезневский (1812—1880), который писал в своей теоретической работе «Мысли об истории русского языка» (1849): «История языка, неразрывная с историей народа, должна входить в народную науку как ее необходимая часть». Изучение истории русского языка, по мнению Срезневского, нужно проводить в тесной связи с изучением истории всех других славянских языков. Срезневский выступил инициатором сравнительно-исторического изучения русского языка, четко определил задачи такого исследования.

Говоря о сравнении русского языка с другими родственными славянскими языками, прежде необходимо, как полагал Срезневский, изучить лексику, грамматику каждого древнего памятника русского языка, описать каждое наречие и каждый говор; научно описать в грамматическом, лексическом и стилистическом отношении современный русский литературный язык и язык писателей, а затем уже изучать славянские языки в сравнительно-историческом плане. Особое значение Срезневский придавал лексике как наиболее подвижной части языка, отражающей в своем развитии различные изменения в жизни народа. «Каждое слово для историка, — писал ученый, — есть свидетельство, памятник, факт жизни». Результаты своих исследований древнерусской лексики он обобщил в

трехтомной работе «Материалы для словаря древнерусского языка», вышедшей в свет уже после смерти автора, в 1912 году. Эта работа до сих пор является наиболее систематическим исследованием древнерусского словарного состава.

Будучи членом русского географического общества, Срезневский поместил в трудах этого общества ряд ценных статей о географическом распространении русского языка, таких как «Русь угорская, отрывок из опыта географии русского языка», «Замечания о материалах для географии русского языка» (1851). Тщательное описание диалектов русского языка, материалы о географическом распространении фонетических и грамматических особенностей русского языка с полным основанием дают право назвать Срезневского основоположником лингвистической географии в русском языкознании.

Историческое изучение русского языка было продолжено академиком Федором Ивановичем Буслаевым (1818—1897) в его работах «О преподавании отечественного языка» (1844) и «Историческая грамматика русского языка» (1858). Как преподаватель русского языка, Буслаев знал, что практическая грамматика ставит себе целью научить учащегося правильно говорить и писать; историческая же грамматика помогает понять смысл каждого слова, каждой грамматической формы. Чтобы отчетливо объяснить себе грамматические формы современного

*Александр Христофорович
Восток*

*Измаил Иванович
Срезневский*

русского языка, говорил он, необходимо исторически рассматривать их первоначальный вид и позднейшие изменения, подводя то и другое под общие законы. Изучение русского языка, по мнению Буслаева, должно быть сравнительно-историческим. Много внимания исследователь уделяет выяснению вопроса, «в какой связи состоит история языка русского с сравнительною грамматикой языков индоевропейских». Он был убежден, что русский язык как живое целое может быть понят только в связи с другими индоевропейскими языками и что историческое изучение русского языка не должно ограничиваться только литературным языком. Поскольку «господствующее, центральное наречие не могло оставаться чуждым влиянию областных», то Буслаев и говорит о необходимости исследования «провинциализмов» (диалектов). История диалектов, так же как и история языка вообще, утверждал Буслаев, находится в связи с историей народа. Вслед за Срезневским он обращает внимание на необходимость изучения говоров, на развитие русской диалектологии. Диалекты служат источником пополнения литературного языка, и изучение их помогает понять функционирование русского языка на всей нашей необъятной территории.

Труды Буслаева появились в то время, когда он не имел предшественников по созданию исторической грамматики русского языка. О Буслаеве даже говорилось, что он по своим трудам и влиянию в языкознании может быть назван вторым Ломоносовым.

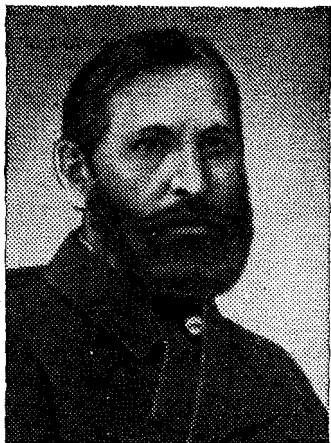
За все время своего существования Академия наук с известной периодичностью осуществляла работу над академическими словарями русского языка. Эти словари носили нормативный характер: они не просто фиксировали особенности словарного состава в определенную эпоху, но отмечали те его черты, которые соответствовали нормам литературного языка на данном отрезке времени. Таковы «Словарь Академии «Российской» (1789—1794), «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный» (1805—1822), «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением императорской Академии наук» (1847). Нормативный характер академических словарей высоко ценил Пушкин.

В истории составления словарей русского языка в середине XIX века исключительное место принадлежит известному лексикографу, почетному академику Владимиру Ивановичу Далю (1801—1872), удостоенному этого высокого звания за «Толковый словарь живого великорусского языка» (первое издание в 1861—1866 годах). Словарь Даля содержит около 200 тысяч слов русского языка, около 30 тысяч пословиц и поговорок. «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный», — указывал Даль. И в своем Словаре он блестяще разрешил задачу объединения литературного и народного языков.

Цель и смысл Словаря Даля — борьба за исконно русский живой язык. В. И. Бонч-Бруевич, бывший управляющий делами Совнаркома, вспоминает, что Словарь Даля стоял на этажерке рядом с письменным столом В. И. Ленина и Владимир Ильич постоянно изучал Словарь Даля, читал его как увлекательную книгу и высказывал свое восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и другими образными выражениями русского языка.

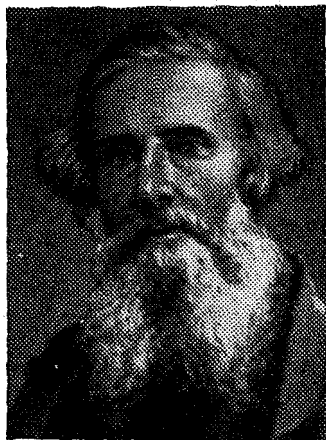
Если Буслаев и Срезневский выдвинули требование исторического изучения русского языка, то конкретное приложение этого требования в области синтаксиса мы находим в трудах выдающегося теоретика русского языкознания члена-корреспондента Академии наук Александра Афанасьевича Потебни (1835—1891). По истории русского языка и диалектологии Потебне принадлежат работы «Два исследования о звуках русского языка» (1866) и «К истории звуков русского языка» (1876). Небольшая часть синтаксических исследований Потебни была опубликована под скромным названием «Из записок по русской грамматике» (ч. I—II, 1875; ч. III, 1894; ч. IV, 1941).

Стремясь дать ответ на вопрос, как развивалось предложение в русском языке, Потебня выделяет две стадии в его развитии — именную и глагольную. На ранней именной стадии гораздо чаще в русском языке были распростра-

*Федор Иванович
Буслаев*

*Владимир Иванович
Даль*

невы предложения типа *Он — рыбак*, в котором существительное *рыбак* выступает как часть именного составного сказуемого, содержащего в себе и признаки существительного и признаки глагола. Для этой же стадии характерным было употребление существительного в функции определения (*рубаша-парень, бой-баба*). Сравнивая обороты *я не ездок, жалоба моя с оборотами не есжу, не жалуюсь*, Потебня считает первые более древними. Сочетания слов на этой стадии развития предложения — паратактические, то есть такие, в которых не указаны отношения зависимостей (сравните, например, сказочные и былинные зачины: и пришла к нему рыбка и молвила человеческим голосом; и пришла к нему красная девица и сказала...). Временное отношение, выражаемое подчинительным союзом *когда*, здесь отсутствует.

На глагольной, более поздней стадии развития появляются предложения, состоящие из конструкций с составным сказуемым — предикативным действительным причастием настоящего или прошедшего времени на *-щий, -чий, -вший, -тый* (типа «есть церкви та стоящи в Корсуне граде» — «*церковь стоит*»). В этот период происходит разложение составного сказуемого на сказуемое с придаточным предложением, разграничение существительного и прилагательного, появляются различные придаточные предложения.

Как теоретик языка, занимавшийся философскими проблемами языкознания, Потебня стремился воссоздать этапы развития мышления. Эволюция мышления, считал он, ярче всего прослеживается на примере эволюции грамматических категорий как основных категорий мышления. Конечно, нельзя делать вывод о развитии мышления на основании развития предложения, но значение работ Потебни для современного языкознания заключается в том, что он выдвинул принцип исторической изменчивости синтаксических категорий и принцип историзма в осмыслении синтаксической системы русского языка.

В конце XIX и начале XX века много внимания изучению русского языка уделял академик Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914), глава Московской лингвистической школы.

Будучи известным ученым в области сравнительно-исторического языкознания, Фортунатов посвятил ряд исследований русскому языку: «О залогох русского глагола» (1903), «О преподавании грамматики русского языка в средней школе» (1904). На конкретном материале русского языка он делал важные теоретические выводы, в частности развил свое учение о том, что такое форма слова. Возьмем слово *стекло*. Оно нам кажется состоящим как бы из двух частей: *стекл-* и *-о*. Происходит это потому, что мы невольно, сами того не сознавая, сравниваем слово *стекло* с другими словами, на него похожими. Так, мы сравниваем его со словами *стен-*

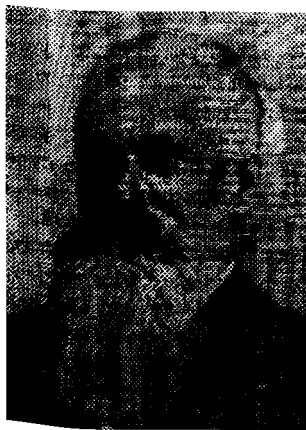
ла, стеклу, стеклом, стеклянно, стеклянный, застеклить, стекляшка и т. д. В результате этого сравнения выделяем сходную во всех этих словах часть *стекла*. В то же время мы можем сравнить слово *стекло* с такими словами, как *вессло, помело, волотно, сукно* и т. д. От этого сравнения у нас выделяется общая часть *-о*. Таким образом, слово *стекло* и распадается на *стекла + -о*. Вот эту способность слова выделить из себя для сознания говорящих формальную (*-о*) и оснóвную (*стекла*) принадлежность слова Фортунатов и называет формой слова. Или иначе — «присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формой».

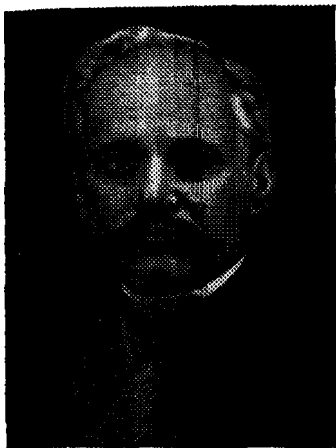
Форма, по Фортунатову, может быть не только положительной (то есть иметь звуковое выражение: *-ом* в *стекла-ом*), но и отрицательной (не иметь этого звукового выражения). Фортунатов говорит, что самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может само осознаваться говорящим как формальная принадлежность этого слова... Например, в русском языке слова *дом, человек* заключают в себе известную форму, называемую именительным падежом, причем «формальной их принадлежностью в данной форме является самое отсутствие в них какой-либо положительной формальной принадлежности». Можно сказать, что эти слова как бы распадаются на *дом + 0, чело-*

Александр Афанасьевич
Потебня

Филипп Федорович
Фортунатов

*Александр Александрович
Шахматов*

очередь, он разделяет на слова с формами склонения (существительные), формами спряжения (глаголы), формами согласования в роде (прилагательные). К словам, не имеющим никакой формы, он относил наречие и отдельные числительные.

Фортунов продолжил уже наметившуюся в русском языковедении линию признания тесной связи между языком и обществом. Сам он подробно этого вопроса не анализировал. Зато его ученик академик Александр Александрович Шахматов (1864—1920) в своих работах «Курс истории русского языка» (1910), «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915), «Древнейшие судьбы русского племени» (1919) и многих других вскрывает неразрывную связь между историей русского народа и историей русского языка. Эта проблема, а также происхождение русского языка и его наречий в связи с общей проблемой происхождения всего славянства, и восточного в частности,— таков был предмет исследований, которому Шахматов посвятил всю свою жизнь.

Кроме того, Шахматова очень интересовало установление определенных фонетических закономерностей в истории русского языка, изучение самого процесса развития от общерусского праязыка к современному языку с его литературной нормой и диалектами. Рассматривая вопрос о так называемом «аканьи» в южных говорах русского языка и в белорусском языке, Шахматов приходит к выводу, что диалектное дробление в древнерусскую эпоху не совпадало

с $+0$ и т. д. Вот по этим-то «нулям» мы и узнаем форму. Про такие слова можно сказать, что они имеют нулевую формальную принадлежность. Это отсутствие формы, по мнению Фортунатова, выполняет в языке определенную функцию — показывает соотношение этого слова в именительном или винительном падежах к другим словам в косвенных падежах.

Фортунов предложил свою классификацию частей речи, основанную на наличии или отсутствии в слове формы. Он рассматривает части речи как чисто формальные классы слов, выделяет слова, имеющие формы словоизменения, и слова, не имеющие такой формы. Первые, в свою

с современным членением восточнославянских наречий. Изучение Шахматовым фонетических особенностей общерусского произношения, русского языка, его диалектных особенностей преследовало одну цель — разработку проблемы возникновения и становления русского народа и его культуры в отражении языка и письменности. Шахматов выступал не только как исследователь русского языка, но и как историк России. Его историко-лингвистические исследования многое прояснили в наших представлениях о политической жизни Древней Руси, о передвижении русских племен, о происхождении русского языка и народности. Труды выдающихся русских языковедов, названные выше, составили целую эпоху в изучении русского языка — его истории, фонетики, грамматики и лексики.

В своем очерке мы назвали главные труды тех выдающихся ученых-русистов, деятельность которых протекала в дореволюционное время или почти исключительно до Великой Октябрьской социалистической революции.

*Профессор Ф. М. ВЕРЕЗИН,
доктор филологических наук*

РУССКИЙ ЯЗЫК В ОТДЕЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Создание Академии наук явилось как бы завершением преобразовательной деятельности Петра I. Проект об основании в России Академии наук был им утвержден 22 января 1724 года, но первое научное собрание академиков состоялось в ноябре 1725 года. Хотя Петербургская Академия наук не включала филологического отделения, она стала центром филологической науки благодаря деятельности М. В. Ломоносова, который в 1724 году стал адъюнктом физического класса Академии, а в 1745 году получил

звание профессора хинки (что соответствовало современному званию действительного члена Академии наук). Одновременно с ним В. К. Тредиаковский стал профессором элоквенции (красноречия). Это были первые русские академики — до этого членами Академии были лишь иностранцы. (Интересно, что само слово *академик* впервые зафиксировано в сочинениях Ломоносова.) С 1757 года Ломоносов был назначен советником Академической канцелярии, то есть получил возможность официально руководить научной деятельностью Академии.

В 1735 году при Академии наук в Петербурге было создано первое филологическое научное общество — Российское собрание любителей русского слова, имевшее целью «радеть о возможном дополнении российского языка и о его чистоте, красоте и желаемом потом совершенстве». Оно должно было наблюдать за деятельностью переводчиков научной литературы. Собрание открылось речью Тредиаковского «О чистоте российского слова». В Российском собрании состоялось также обсуждение «Письма о правилах российского стихотворства», в котором Ломоносов предвосхитил пути развития русского стихосложения, указывая, что «русские стихи надлежит сочинять по народному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить». Ломоносов неустанно ратовал за введение в русскую художественную и научную литературу общедоступного современного русского языка, без чего был невозможен дальнейший прогресс русской культуры и науки. Свои теоретические положения он подкреплял и собственной — литературной, поэтической, научной, педагогической практикой (Ломоносов первый в Академии наук стал читать лекции по-русски).

Замечательные работы Ломоносова — «Краткое руководство к красноречию» (1748), «Российская грамматика» (1755), «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758), многочисленные работы, выступления, рецензии, заметки по вопросам русского литературного языка, стилистики, лексикографии и лексикологии, этимологии, истории и родства языков надолго определили развитие филологической науки в России. Академия же после смерти Ломоносова перестает быть центром филологической науки.

*

В 1783 году при Екатерине II была учреждена Российская Академия, которая представляла собой не государственное учреждение, а общество ученых и писателей.

Большой заслугой этой Академии было создание первого толкового словаря русского языка, осуществленное в чрезвычай-

но короткий срок (1783—1794), что оказалось возможным благодаря развитым лексикографическим традициям, использованию ряда отечественных словарей — П. Берияды, Ф. Полиарцова, П. Алексеева, двуязычных словарей, а также рукописных словарных материалов Ломоносова, Алексеева и др. Источниками словаря были произведения современных писателей и ученых, памятники древнерусской письменности, церковные книги. Введены были (с ограничениями) простонародные и областные слова. Толкования снабжены стилистическими пометами, опирающимися на ломоносовское учение о трех стилях. Это способствовало закреплению литературной нормы словоупотребления. Первый «Словарь Академии Российской, произвольным порядком расположенный», в шести частях (1789—1794), содержал свыше 43 тысяч слов.

В числе его составителей не было профессиональных филологов. Он был создан писателями и учеными-натуралистами. В выработке инструкции для составления особенно велика заслуга Д. И. Фонвизина, И. Н. Болтина и И. И. Лепехина.

В 1806—1822 годах Российская Академия выпустила в несколько более полном виде тот же Словарь, отличающийся от первого главным образом порядком расположения слов («Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», в шести частях).

В 1802 году вышла «Российская грамматика, сочиненная Российской Академией», труд в основном П. И. и Д. М. Соколовых, в 1811 году — «Наука стихотворства» И. Рязского.

С 1813 года президентом Российской Академии становится ретроград в области литературы и лингвистики — вице-адмирал А. С. Шишков (1813—1841), боровшийся против новшеств в языке, против языковых реформ Н. М. Карамзина и его школы, за сохранение церковнославянской лексической основы. Среди достижений этого периода следует отметить выпуск «Русской грамматики» А. Х. Востокова (1831), «Илиады» в переводе Н. И. Гнедича (1839) и некоторых археографических изданий, например «Собрания государственных грамот и договоров».

*

После закрытия в 1841 году Российской Академии некоторые наиболее видные ее члены В. А. Жуковский, И. А. Крылов, П. А. Вяземский и другие были введены в состав Отделения русского языка и словесности, вновь организованного Второго отделения Академии наук.

Первоочередной задачей этого Отделения являлся выпуск Словаря. «Работа над словарем русского языка всегда считалась

одной из главных задач в деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук. На протяжении более полутора столетий в Академии почти непрерывно велась словарная работа. И каждый из числа изданных Академией словарей русского языка был большим событием в культурной жизни России» (С. Г. Бархударов. Русская лексикография. М., 1967).

В 1847 году были изданы четыре тома «Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением императорской Академии наук». Наряду с современной лексикой здесь получила отражение лексика церковнославянская и древнерусская; включены были также наиболее популярные термины наук и искусств, иностранные слова и диалектизмы, если они называли предметы, не имеющие наименования в литературном языке. Этот словарь представлял собой большой шаг вперед в деле разработки лингвистических приемов подачи значений, уточнения грамматических и стилистических помет, чему особенно способствовало участие в нем академика Востокова (см.: И. Т. Сергеев. — «Русская речь», 1970, № 5), труды которого сыграли громадную роль в развитии русистики и славистики. В работе «Рассуждение о славянском языке» (1820) Востоков предвосхитил основные положения сравнительно-исторического метода в исследовании языков, определив особенности старославянского языка в сравнении с древнерусским и другими славянскими языками. Его «Русская грамматика» (1831) и первое научное комментированное издание письменного памятника — Остромирова евангелия (1843) не потеряли своего значения до сих пор.

Традицией русской филологической науки было совмещение разработки лингвистических проблем с лексикографической работой — это характерно для А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Я. К. Грота, А. А. Шахматова.

В 1856 году Востоков завершил свой сорокалетний труд — двухтомный «Словарь церковнославянского языка», основанный на тщательном изучении более 130 рукописей XI—XVIII веков (издан в 1858—1861).

В 1852 году вышел академический «Опыт областного великорусского словаря» под редакцией Востокова. В нем было объединено множество рукописных собраний слов (труды в основном уездных учителей, к которым Отделение языка и словесности в 1845 году обратилось с просьбой о присылке списков местных слов). В 1858 году было выпущено «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». Оба диалектных академических словаря сыграли огромную роль в деле научения народной речи и вызвали к жизни большое количество словарей отдельных говоров русского языка.

Следует упомянуть также, что замечательный «Толковый словарь живого великорусского языка», вышедший первым изданием в 1863—1866 годах, итог 53-летней самоотверженной работы В. И. Даля, несмотря на значительные расхождения лексикографических установок писателя с позициями ученых-языковедов и их критические замечания, был в целом высоко оценен в Академии — в 1870 году Далию была присуждена Ломоносовская премия и он был избран почетным академиком.

Во второй половине XIX века в составе Академии работали замечательные ученые-филологи А. X. Востоков, И. И. Срезневский, Я. К. Грот, Ф. И. Буслаев, А. Ф. Бычков, П. П. Пекарский, М. И. Сухомлинов, А. Н. Веселовский, И. В. Ягич. Основные направления научных работ этого времени — издание памятников письменности русского и славянских языков, сравнительное изучение славянских языков, истории русского языка, народного творчества.

Срезневский много лет посвятил изучению древнерусских и старославянских письменных памятников, издавал целые серии новых источников, внес огромный вклад в историческое изучение русского языка. Наиболее известна его работа «Мысли об истории русского языка» (1849). Следует отметить, что по инициативе Срезневского и при его участии выходили «Известия» и «Ученые записки» Отделения русского языка и словесности, ставшие центром славяноведческой науки. Более 40 лет он посвятил собиранию материалов для исторического словаря древнерусского языка. Даже напечатанные в незаконченном виде «Материалы для словаря древнерусского языка» (т. I, 1893; т. II, 1902; т. III, 1912) сохранили свое огромное научное значение до наших дней.

Буслаев написал ряд исследований по истории древнерусской литературы и искусства, истории русского языка, тесно связывая ее с развитием русской культуры и народной поэзией. Большое значение в изучении литературного языка имела его «Историческая грамматика русского языка» (1858). Грот опубликовал исследования по вопросам грамматики, исторической лексикологии, языка русских писателей, русского ударения и правописания. Его труд «Русское правописание» (1885) сыграл огромную роль в унификации русского письма.

Ягич — крупнейший филолог-славист, автор более 800 научных работ по языкознанию, истории литературы и этнографии славянских народов, опубликовал ряд древнеславянских памят-

ников письменности. был руководителем изданий по славяноведению (наиболее широкой по охвату проблематики была «Энциклопедия славянской филологии»).

В 1877 году в Академию был избран Веселовский, труды которого составили целую эпоху в исследовании всеобщей истории литературы и поэтики.

Членами-корреспондентами Академии наук по Отделению русского языка и словесности были великие русские писатели Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, А. К. Толстой.

В течение 1890—1917 годов академиками были избраны Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский. В трудах этих ученых продолжалось изучение русского языка и древнерусских памятников письменности, а также живых говоров.

Фортунатов, основоположник Московской лингвистической школы, блестящий знаток основных индоевропейских языков, посвятил свои работы фонетике индоевропейских языков, исторической грамматике славянских и балтийских языков, редактировал издания старославянских памятников.

Шахматов — председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук с 1906 по 1920 год, приобрел мировую известность исследованиями по истории русского языка и древней русской литературы, языку отдельных памятников (Общерусские летописные своды XIV и XV вв. 1900—1901), современного литературного языка (Очерк современного русского литературного языка. 1911—1912). По инициативе Шахматова еще в 1903 году Отделение приняло в свой состав диалектологическую комиссию, которая проводила большую работу по собиранию материалов говоров и наречий русского языка.

Деятельность Соболевского была сосредоточена на изучении истории русского языка (Лекции по истории русского языка. 1888), лексики древнерусского языка, диалектологии, фольклора, палеографии.

В конце века вновь возобновилась лексикографическая работа в Отделении. В 80-х годах вице-президенту Академии Гроту было поручено руководство составлением нового академического словаря, который должен был охватить общеупотребительную лексику русского литературного и делового языка со времени Ломоносова до конца XIX века. Широко вводились распространенные заимствования, термины, неологизмы, а неупотребительные церковнославянские, древнерусские и просторечные слова были исключены. Каждое слово сопровождалось определением значений, от первоначального к последующим, а также подробной грамматической и стилистической его характеристикой. Широко в словарные

статьи были включены примеры из произведений разных авторов. Грот успел отредактировать лишь первый том (Буквы А — Д. 1891—1895), но его труд представлял значительное достижение в деле выработки принципов нормативного словаря.

Шахматов, редактировавший словарь в 1895—1907 годах (буквы Е, Ж, З), стремился создать другой тип словаря (thesaurus) — сокровищницу всех богатств русского языка, включая и народную диалектную речь. Работа над этим словарем была продолжена уже в советское время.

В связи с Пушкинским юбилеем 1899 года возникла идея создания Пушкинского дома — учреждения, посвященного изучению жизни и творчества Пушкина. В 1905 году он и был создан. Академик Н. А. Житляревский и член-корреспондент Б. Л. Модзалевский (крупнейший пушкинист) были его основателями.

В 1899 году состоялось учреждение в Академии наук «Разряда изящной словесности», членами которого (почетными академиками) могли избираться писатели и художники. В числе первых почетных академиков были Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, В. В. Стасов и другие. В 1902 году избранный в почетные академики М. Горький по резолюции Николая II («Более, чем оригинально») был лишен этого звания. Чехов и Короленко отказались от звания почетного академика — в истории Академии это был первый случай протеста против вмешательства царского правительства.

После Октябрьской революции В. И. Ленин и Советское правительство рассматривали Академию наук как организацию, способную сгруппировать вокруг себя научные силы страны, постоянно проявляли заботу о ее деятельности и нуждах. Начинаясь поиски новых организационных форм работы — возникают научно-исследовательские институты Академии. Пушкинский Дом, Толстовский музей и Комиссия по изданию сочинений Пушкина были объединены в Институт русской литературы, который возглавил академик А. В. Луначарский, а затем М. Торский.

Перед Академией наук встали новые задачи. В октябре 1918 года была проведена реформа русского правописания, долгие годы подготавливавшаяся педагогами-словесниками и языковедами (среди которых были Фортунатов и Шахматов). В массовом распространении грамотности реформа сыграла огромную роль.

Еще в 1920 году В. И. Лениным была выдвинута задача создать образцовый словарь современного русского литературного языка — «Словарь настоящего русского языка, скажем, словарь

слов, употребляемых теперь и классиками от Пушкина до Горького» (Письмо В. И. Ленина А. В. Луначарскому, 18 января 1920). Выпуски академического словаря, продолжавшие в основном Словарь Шахматова, не отражали изменений языка послереволюционного времени и поэтому в 1937 году работу было решено прекратить.

Первым нормативным словарем, стремившимся выполнить задачу, сформулированную В. И. Лениным, был «Толковый словарь русского языка» (1935—1940) под редакцией профессора Д. Н. Ушакова, отразивший словарный состав русского литературного языка 20—30 годов. В 1957—1961 годах был издан четырехтомный «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, пополненный словами, вошедшими в русский язык в 40—50 годах; сейчас начата работа над новым изданием академического четырехтомного словаря.

Большой популярностью пользуется нормативный однотомный словарь, составленный профессором С. И. Ожеговым (1949); в 1972 году вышло девятое, исправленное и дополненное его издание под редакцией профессора Н. Ю. Шведовой.

Наиболее полным академическим словарем, отражающим лексику русского литературного языка от Пушкина до наших дней, явился семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1949—1965), где наиболее обстоятельно разработаны система значений слова (с указанием первой его фиксации в словарях), произносительные, стилистические, грамматические особенности его употребления. Этот труд получил высокую оценку — за создание этого словаря академику С. П. Обнорскому, членам-корреспондентам АН СССР С. Г. Бархударову, Е. С. Истриной, Ф. П. Филину, В. И. Чернышеву, доктору филологических наук А. М. Бабкину в 1970 году присуждена Ленинская премия.

Большим достижением советской лексикографии явился выход в свет «Словаря языка Пушкина» (1956—1961).

В Институте русского языка интенсивно ведется работа над созданием исторических словарей. С 1965 года вышло восемь выпусков сводного «Словаря русских народных говоров», включающего как словарные, так и рукописные источники. Созданы двухтомный «Словарь синонимов русского языка» (1970—1971), словарь-справочник «Новые слова и значения» (1971) и другие. Следует отметить также ряд нормативных справочников русского языка: «Русское литературное произношение и ударение» (изд. 5-е, 1972), «Орфографический словарь русского языка» (изд. 13-е, 1973), «Слитно или раздельно» (1972), «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (1973).

В кратком обзоре не представляется возможным сколько-нибудь полно даже перечислить те проблемы языкознания, которые ставятся и решаются в трудах членов Отделения русского языка и литературы АН СССР, а также в научно-исследовательских институтах. Следует отметить все возрастающий интерес к изучению современного русского языка, стилистики и истории литературного языка. Этому способствовали опубликованные в советское время работы академиков А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова; ряд коллективных трудов, среди которых такие обобщающие исследования, как двухтомная академическая «Грамматика русского языка» (1952—1954), «Грамматика современного русского литературного языка» (1970); социолого-лингвистическое исследование «Русский язык и советское общество» (1968); исследования по истории русского языка и народных говоров; труды академиков Е. Ф. Карского, Л. В. Щербы, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, В. И. Борковского, членов-корреспондентов Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова, О. Н. Трубачева; работа над составлением диалектологического атласа русского языка; издание памятников русского языка.

Отделение русского языка и литературы АН СССР призвано направлять и объединять научные исследования в области русского языкознания в масштабах всей страны. Ученые Отделения успешно участвуют также в международных работах, конференциях, съездах славистов.

Кандидат филологических наук

В. Н. ВИНОГРАДОВА

ПОЧТА
«РУССКОЙ РЕЧИ»

СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА

Многие читатели, и некоторые ленинградцы (в частности Д. Н. Воробьев), просят объяснить, почему город на Неве, город воды, гранита, мостов, город дворцов и белых ночей, называют Северной Пальмирой. «Что такое Пальмира? — спрашивают они. — И есть ли Южная Пальмира?».

В 1678 году английский купец Галифакс обнаружил в Сирии развалины некогда знаменитого города Пальмиры, столицы одноименного государства, существовавшего две тысячи лет назад. В середине XVIII века развалины города были исследованы и описаны английскими археологами Вудом и Девиксоном. Сравнитель-

но хорошо сохранившиеся древности — развалины храмов, многочисленные колонны портика и даже остатки водопровода — говорили о необычайном великолепии этого города, его богатом архитектурном и скульптурном убранстве.

Слух о красоте Пальмиры достиг и России, где в это время создавалась столь же великолепная, так же богатая архитектурными памятниками столица государства — Петербург, и невольно его красота сравнивалась с красотой Пальмиры. Да и, как бы мы сейчас сказали, стратегическое значение городов было одинаковым. Город Пальмира находился на важных торговых путях между долиной Евфрата и Средиземным морем, на перекрестке дорог из Римской империи на Восток, Петербург же стал «окном в Европу».

Вот почему с конца XVIII века в русской публицистике начало встречаться образное наименование города на Неве — Северная Пальмира, хотя, конечно, пальмовым городом (а именно так объясняют порой значение слова *Пальмира*) северный город назвать нельзя. Это образное наименование стало одним из условных названий нашего города,

таким же как Северная Венеция. Сочетание слов *Северная Пальмира* мы можем встретить и на флаконе духов, выпускаемых Ленинградской парфюмерной фабрикой, и в названии фирменного поезда Октябрьской железной дороги, и в наименовании большого морозильного траулера, бороздящего воды океанов.

Теперь сочетание *Северная Пальмира* иногда воспринимается как образное наименование какого-либо красивого города. Так, газета «Известия» (14 августа 1973) писала: «Растет на берегу Охотского моря новая Северная Пальмира — белокаменный город Магадан». Вряд ли журналист хотел сказать, что город Магадан чем-то похож на Ленинград; он хотел лишь подчеркнуть красоту нового советского города. Однако употребление сочетания *Северная Пальмира* в качестве образного наименования любого красивого города является, безусловно, ошибочным, потому что понятие «красивый, великолепный, процветающий город» передается словом *Пальмира*. В 1944 году вскоре после освобождения Одессы, одного из красивейших городов нашей страны, «Правда» писала: «Скоро Одесса исцелит свои тяжелые раны, восстановит жизнь, а „Южная Пальмира“, подобно Ленинграду, „Северной Пальмире“, займет свое место крепости советской культуры на Черном море» (12 августа 1944).

А какова же судьба настоящей Пальмиры? Расцвет этого города был непродолжительным. Уже в III веке (а впервые он упоминается в римских источниках под 41 годом до нашей эры) город был разрушен римскими войсками, и, несмотря на попытку последующих римских императоров возродить бывшее величие этого города, потерял свое значение на Ближнем Востоке.

Если сейчас посмотреть на карту Сирии, то примерно в 240 километрах к северо-востоку от Дамаска можно увидеть небольшой поселок Тадмор (по-арамейски, кстати, это означает «город пальм»). В нескольких километрах от него и находится развалины одного из красивейших городов в истории человечества — города Пальмиры.

Н. В. Соловьев

Рисунок Ю. Космынина

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...*

А. Пушкин

О ЗВУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

О звукописи Пушкина написано немало. И все-таки до сих пор эта тема справедливо считается недостаточно разработанной. Каждое поэтическое произведение Пушкина, даже наброски, оставшиеся в черновиках, представляют интереснейший материал для наблюдений над фоникой и не перестанут удивлять стилистов совершенством звукового строя.

Точность, с которой поэт «проверял гармонию алгеброй», иногда давала пищу для абстрактного изучения «чистых звуковых узоров» в поэзии Пушкина. Так, пренебрегая фоникой его стихотворения «Буря», можно получить удивительный «рисунок» повторяющихся согласных:

ВВВ
бвбвб
бвбвб
ввббв
ббввбб

Однако современного исследователя не привлекают методы формалистического анализа пушкинской звукописи, он ищет в ней источник выразительности и образности поэтической речи. В стихотворении «Буря», определяя художественное значение фоник, мы любуемся не выстроенными в ряд аллитерациями, а прежде всего замечаем повторение согласных, которые дают нам почувствовать настоящие всплески волн бушующего моря; нас восхищает полифония звуковых повторов: аллитерация на б, сим-

величавый образ бури, обогащается яркой звуковой инструментальной, ее дополняет повторение согласных *р, г, ж*, ассонансы на *у, а*. Аллитерация на *е*, тематически связанная с образом де-вы, соединяется с ассонансом на *е*, придающим стихам особую звучность [цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М., 1956—1958].

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее встало блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

Абстрактное созерцание аллитерирующего звукоряда в «Обвале» не раскрывает изобразительной силы фонетики стихотворения, воспроизводящей динамическим повторением раскатистого *р* грохот обрушившейся в Терек лавины и грозное ахо в горах, настойчиво звучащее в ассонансах на *а*, на *о*; тревожный ропот бора, доносимый в звучании глухих и шипящих согласных, и шум разбиваемых в пыль волн. Эти живые акустические впечатления создает гармоническое слияние звуковой формы произведения с его поэтическим содержанием. Было бы преувеличением относить экспрессивность речи таких стихотворений только на счет фонетики. Она является лишь одним из элементов художественной формы. В создании образа участвуют все средства поэтической речи, вместе взятые. Но звукопись в таких случаях удваивает и утраивает художественную выразительность слова.

Поэзия только тогда достигает совершенства, когда в ней сливаются воедино звук и образ. В предпушкинский период поэтическая речь развивалась в двух направлениях: державинская школа обогатила ее яркими образами, легкая поэзия К. Н. Батюшкова создала гармонию русского стиха, но, как заметил В. М. Жирмунский в «Задачах поэтики», «поэзия образов много была забыта в этой школе и уступала поэзии звуков». И только в творчестве Пушкина эти два начала — образность и благозвучие поэтической речи — соединились.

С самых первых своих шагов в поэзии Пушкин использовал различные виды звуковой инструментальной. В «Воспоминаниях в Царском Селе»: «И тихая луна, как лебедь величавый, Плывет в серебристых облаках; Прекрасный Царскосельский сад; Венча-

лась славою счастливая Россия; В боях воспитанный средь бран-
ных непогод» и т. д. Уже здесь поэт искал в звукописи средство
усиления эмоциональной выразительности поэтических строк:

Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бит — и вскоре новой бранн
Зарделась грозная заря.

Но это была еще дань «громкой» одической поэзии, ее звуча-
ние было далеко от тех интонаций, которыми богат язык жизни.

Ближе к «истине страстей, правдоподобию чувствований в
предполагаемых обстоятельствах» для молодого Пушкина был
звуковой строй легкой поэзии Жуковского и Батюшкова. Пушкин
внимательно изучал гармонию стиха своих предшественников.
На полях «Опытов» Батюшкова он оставил многочисленные за-
метки о звуковой стороне наиболее удачных его произведений:
«Прелесть и совершенство — какая гармония»; «Звуки итальян-
ские! Что за чудотворец этот Батюшков!»; «Последние стихи слав-
ны своей гармонией»; «Слог так и гремит, так и льется — гар-
мония очаровательна»; «Вот батюшковская гармония».

«Сладостное» звучание поэтической речи, дарованное русско-
му языку легкой поэзией, оставило след в фонике Пушкина. Он
не раз декларировал свою приверженность к этой литературной
школе, придавая своим стихам благозвучие в духе романтическо-
го стиха:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет всков завистливую даль...

К портрету Жуковского

Аллитерации на *с, л, н, м*, вместе с соответствующим подбо-
ром лексики, отражали «пленительную сладость» звучания поэзии
Жуковского. Эти аллитерации можно встретить и в звукописи
«Евгения Онегина»: «Взлелеяны в восточной неге, На северном,
печальном снеге. Вы не оставили следов», и в фонике «Цыган»:
«Взгляни: под отдаленным сводом гуляет вольная луна», и в зву-
чании многих поэтических строк других произведений Пушкина.
В его поздней лирике слышатся те же ласкающие слух звуки:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом!

Что в имени тебе моем?

Однако эти звучания явились у Пушкина в иной, свойствен-
ной только его стилю интонации, почеркнутой поэтом из самой
жизни. Звуковая инструментовка в этих произведениях лишь
внешне кажется похожей на звукопись литературных учителей

*Евгений Онегин.
Рисунок
М. Добужинского*

*Медный всадник.
Рисунок А. Бенца.
1923*

Пушкина, а по существу она представляет собой уже элемент новой поэтической формы, подчиненной реалистическому изображению чувства, самых тонких оттенков переживаний, настроений. Для зрелого Пушкина благозвучие, в котором поэты предшествующей поры видели идеал художественности, уже не могло быть единственным критерием мастерства. Великий поэт достиг изящества и легкости в фонике еще в раннем творчестве и стал искать в звукописи средство для решения сложных художественных задач.

Развитие пушкинского стиля от романтизма к реализму шло по пути преодоления монотонии однообразно-сладостного звучания поэтической речи. Пушкинское преобразование фоники русской поэзии выразилось в новой эстетической оценке звуков.

В предпушкинский период представление о «сладкогласии» поэтической речи было связано с эстетизацией ограниченного круга звучаний. Так, Г. Р. Державин, стараясь дать образец благозвучия, намеренно исключал из поэтической речи резкий звук *р*. Чтобы показать свойственные русскому языку «изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований», Державин написал десять стихотворений, в которых старался не использовать буквы *р*. Батюшков и Жуковский не впадали в такую крайность, но они культивировали «нежное», «плавное» звучание, в основе которого были ассо-

нансы и аллитерации на красивые, ласкающие слух звуки — *л, н, о, т* и другие.

Пушкин, со свойственной ему независимостью от любых условий, и в фонике продемонстрировал выразительные возможности самых различных звуков, самых неожиданных звукосочетаний и других средств фонетической выразительности поэтической речи.

Яркая звукопись пушкинского стиха часто обязана повторению звука: «Ей рано нравились романы»; «Простим горячке юных лет и юный жар и юный бред»; «Рвалась и плакала сначала, С супругом чуть не развелась» (Евгений Онегин). Иногда поэт намеренно сталкивал звучание стихов, инструментованных повторением звука, со стихами, в которых отсутствовали слова с согласным *р*: «Бренчат кавалергарда шпоры; Летают ножки милых дам; По их пленительным следам Летают пламенные взоры» (Евгений Онегин). Пушкин любил соединять аллитерацию на *р* с инструментовкой на другие согласные. О высоком мастерстве поэта в применении этого стилистического приема можно судить по фонике известного отрывка из «Полтавы»:

Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон.

На этом примере можно наблюдать, как звукопись сливается с другими средствами речевой экспрессии: звуковая выразительность этих строк достигается не только благодаря аллитерации на *р*, на *к*, *б*, *с*, но и всем ритмико-мелодическим рисунком фраз, подбором коротких, резких слов. Динамику боя передает нагнетание глаголов, скопление номинативных предложений, бессознательное, уступающее в конце многосоюзью... Так звукопись у Пушкина становится конструктивным элементом его стиля.

Поэт любил мажорное звучание сравнительно редких аллитераций на согласные. В фанфике Пушкина значительное место занимает инструментовка на звонкий *б*, подчеркивающая звучание иногда весьма далеких по эмоциональной окраске фраз: «Я был от балов без ума»; «Увы, на разные забавы Я много жизни погубил! Но если *б* не страдала правы, Я балы *б* до сих пор любил»; «И раб судьбу благословил» (Евгений Онегин).

В звукописи Пушкина получили яркую выразительность аллитерации на *ж*, *з*, *с*, *ц*, *ш*, *ч*, то есть на те звуки, которые считались невзфоничными (звфония — благозвучие) и потому нежелательными в поэзии. В пушкинском стихе их звучание могло создавать утонченную музыку:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Под бурями судьбы жестокой
Увял цвущий мой венец;
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?

Я пережил свои желанья

Но чаще эти звуковые повторы использовались поэтом для усиления художественно важных в тексте слов: «Как он явительно влюбился»; «Ни железных ножей, ни голов» (Евгений Онегин).

Необычная аллитерация на *з* оттеняет у Пушкина многие, часто несколько повитческие образы: «Духи в граненом хрустале»; «Почтил он прах патриархальный» (Евгений Онегин). Даже повторение *ц* и неблагозвучного сочетания *цм* поэт использовал в эстетической функции при описании гробниц, «под коим гниют все мертвецы столицы» (Когда за городом, задумчив, и брожу). Только Пушкин мог привлекать звукопись для усиления выразительности таких «непоэтических» строк:

Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могила склизкие, которы так же тут,
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут.

Когда за городом, задумчив, я брожу

В последних строчках этого отрывка наиболее яркая аллитерация на *з* — *ж* подчеркивает самые «неэстетические» слова.

Для Пушкина не было неэстетических слов, поэт использовал все лексические богатства языка, добиваясь желаемой звуковой окраски речи. В его ярких по фонике стихах находим самые неожиданные прозаизмы, например описание крестьянской избы:

Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит...

Утопленник

Звукопись этого отрывка построена на глухих согласных, аллитерации на *з* и заметном сокращении мажорного *р*.

Новаторство Пушкина выразилось в принципиально новом подходе к использованию выразительных возможностей фоники. В предпушкинской поэзии звукопись, как утонченный стилистический прием, несла эстетическую функцию только при описании «высоких» образов, связанных с темами любви, красоты природы, боевой славы оружия. Пушкин расширил диапазон художественного использования звукописи, подчинил ее новой тематике своих произведений. В реалистической поэзии Пушкина фоника усиливает изобразительность строк, рисуя «фламандской школы пестрый сор». Вот описание переезда Ларинных в Москву:

Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обои обычные, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами...

Евгений Онегин

В таких случаях звукопись выполняет композиционную, объединительную функцию: подчеркивает движение мысли, сообщая сходное звучание смысловым отрезкам речи и отличая фонетически каждый из перечисляемых предметов.

Прозаические разговорные и просторечные слова, использование которых часто диктовалось звуковым отбором лексики, Пушкин широко вводит в сатирические зарисовки, которые обычно отличает выразительность фоники: «Довольный праздничным обедом, Сосед сопит перед соседом»; «Всегда довольный сам, собой, своим обедом и женой»; «Их разговор благоразумный О секоносе, о вине, О псарне, о своей родне»; «К покойнику со всех сторон Съезжались недруги и други, Охотники до похорон. Покойника похоронили. Попы и гости ели, пили»; «Обыкновенно подавали Ему донского жеребца, Лишь только вдоль большой дороги За-

слышит их домашни дроги» (Евгений Онегин). В поисках слов нужного звучания Пушкин пренебрег стеснительными рамками традиционных представлений о «непоэтической» лексике. Поэтому пушкинская реформа фоники была по существу частью его большой реформы русского литературного языка, выразившейся в его демократизации.

В основе звуковой организации поэтической речи Пушкина лежало стремление найти для каждого художественного образа определенное реалистическое выражение. У Пушкина звукопись перестала быть внешним средством «украшения» стиха, она рождалась из мысли, чувства и сливалась с живыми интонациями поэтической речи.

С годами Пушкин все требовательнее относился к фонике своих произведений. Чтобы достичь желаемой звуковой окраски стиха, поэт напряженно искал нужные слова, по многу раз исправляя написанное. Об этом мы узнаем из черновых набросков пушкинских произведений, например из «Евгения Онегина».

Первоначальный текст

Любви печальную тревогу
Я слишком, может быть, узнал.

Первый вариант правки

Любви печальную тревогу
Я слишком долго испытал.

Поправки в черновике, перенесенные в беловую рукопись

Любви безумную тревогу
Я слишком сильно испытал.

Печатный текст

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.

Найденное поэтом слово *безотрадно* не только наиболее оправдано по смыслу, но и очень выразительно фонетически: в нем повторились основные созвучия предыдущей строки, и это сообщило стихам особую звучность.

Можно привести много примеров авторедактирования Пушкина, отражающих его неустанный поиск наиболее яркого звукового выражения мысли [в скобках даны слова, зачеркнутые Пушкиным во время работы над рукописью]: «Незримый (И тайный) хранитель могущему дан»; «И горек был небратский (холодный) их привет»; «Услышишь суд глупца и смех толпы холодной (и черни смех холодный)»; «Сквозь волягистые (печальные) туманы пробирается луна»; «Ты им доволен ли, взыскательный художник [И ты доволен им, божественный (увенчанный, разборчивый, взыскательный) художник]».

Достигнув гармонии, поэт дорожил каждым звуком поэтической речи, понимая, что перестановка слов, замена синонимов губит фоникку. Поручая П. А. Вяземскому издание поэмы «Бахчи-

сарайский фонтан», Пушкин настойчиво просит его «отгрызаться за каждый стих», не уступать цензуре ни одного слова. Поэту легче было исключить из произведения целые отрывки («любовный бред»), чем согласиться на выборочную правку отдельных строк, которая разрушила бы звукопись.

Изучение рукописей Пушкина дает и такие примеры, когда поэт пожертвовал звучанием во имя точности словоупотребления. Поддавшись соблазну соединить созвучные слова в строчке «Над гордой главою кургана», поэт все же потом зачеркивает неудачное определение, считая, что оно не подходит по смыслу, несмотря на его фонетическую выразительность. И в окончательной редакции «Песни о вещем Олеге» эта строчка выглядит так: «Над славной главою кургана».

В письме к П. А. Вяземскому (14—15 августа 1825), анализируя его стихотворение «Водопад», Пушкин подчеркнул зависимость звукописи от содержания, критикуя строку «Сердитый влаги властелин». Пушкин пишет: «Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, например, сказать о молнии властительница небесного огня? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь стремнин, вершин и тому подобное». То есть, рекомендуя Вяземскому переделать текст, Пушкин предлагает выразительные в фонетическом отношении слова, которые можно было бы использовать в стихотворении, не нарушая логики речи.

В своем творчестве Пушкин добивался единства слова и образа. Об этом он сам сказал так: «Свободен, вновь ищу союза Волшебных звуков, чувств и дум» (Евгений Онегин).

В поэзии Пушкина художественная форма никогда не вступала в противоречие с содержанием. Мастерство поэта в звуковой организации речи было настолько совершенно, что мы не замечаем намеренного звукового подбора слов, воспринимая виртуозные по звукописи строки как единственно возможное выражение мысли.

Руслан и Людмила.
Рисунок И. Билибина. 1908

И. Б. ГОЛУВ

ЯЗЫК ПУШКИНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

А. С. Пушкин придавал чрезвычайно большое значение языку своих персонажей, используя его не только как средство характерологическое, но и как средство композиционное и очень часто как средство, «разоблачающее» так называемое «самозванство» героев. Такого рода осмысление и включение языка персонажей в систему оценок автора-рассказчика не наблюдалось в русской литературе до Пушкина. В этом приеме можно видеть важнейший принцип стилистики реализма, сформулированный Пушкиным.

В повести «Барышня-крестьянка» Лиза Муромская решается на свидание с молодым помещиком-соседом, так сказать, инкогнито. Перед Алексеем Берестовым — крестьянская девушка, одетая в лапти и сарафан и «прекрасно» говорящая на «крестьянском наречии» с соответствующими жестами и мимикой: «Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и несколько раз потом качала головою... говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом, и заслужила полное одобрение Насти» [цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М., 1937—1949].

Но сквозь «крестьянское наречие» Лизы-Акулины неоднократно и довольно яростно проглядывает язык «благовоспитанной барышни». Это сначала Алексея только удивляет: «Кто тебя научил этой премудрости? Уж не Настенька ли... девушка барышни вашей?» и интригует — Акулина кажется ему «странный крестьянкой», потом Акулина нравится ему все больше и больше, его поражают и восхищают в ней «мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке», наконец он решает жениться на Акулине.

Следует отметить, что Лиза Муромская дважды меняет «маску», и оба раза непременно условием ее нового облика является язык. В первый раз — в сценах свиданий с Берестовым; ее «крестьянское наречие» несколько нарочито и ненадежно: «Лиза

почувствовала, что вышла было из своей роли». Во второй раз она уже играет самое себя, уездную барышню в утрированном и смешном виде. И снова дело не только в наряде, фальшивых локонах и белилах с сурьмой, но и в характере ее речи: «Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспев, и только по-французски». Алексей не узнает в «смешной и блестящей барышне» своей милой Акулины и Лиза Муромская ему «вовсе не нравится».

В той же «Барышне-крестьянке» Акулина разоблачает Алексея Берестова, пытавшегося выдать себя за камердинера молодого тугиловского барина, объясняя это так: «баишь иначе», «собаку кличешь не по-нашему».

В «Дубровском» Дефорж-Дубровский — языком Владимира Дубровского — говорит: «Я не слыхивал о медведе, но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения». Синтаксический строй, структура фразы, обороты, лексика — все это не соответствует скромному званию учителя, о котором говорит Дефорж-Дубровский. И вот результат: «Маша смотрела на него с изумлением... Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час

*Барышня-крестьянка.
Рисунок М. Добужинского. 1923*

*Капитанская дочка.
Рисунок А. Бенца. 1919*

Выстрел.
Рисунок Д. Шмаринова.
1946

Пиковая дама.
Рисунок А. Бенуа.
1911

от часу становилось все внимательнее... Читателю уже нетрудно догадаться, что Маша в него влюбилась, сама еще в том не признаваясь». А ведь сначала «Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических пред-
рассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною».

Число примеров подобного рода из художественной прозы Пушкина можно без труда увеличить.

Однако язык пушкинских персонажей (или некоторые особенности их языка) не только выполняет «разоблачительную» роль или таит в себе возможность разоблачения «самозванцев». Иногда автор использует его с другими композиционными задачами: для построения важных в композиционном отношении диалогов, для создания напряженнейших и ответственных в структуре целого произведений ситуаций, для показа своего, авторского, отношения к изображаемому.

Особенно показательна в этом отношении роль родного языка персонажей, языка иного, чем русский, например молдавского — в повести «Кирджали».

После объявления приговора (выдать Кирджали турецким властям, что было равнозначно смертному приговору) Кирджали на

молдавском языке обращается к читавшему приговор полицейскому чиновнику с какой-то просьбой. При этом «голос его дрожал, лицо изменилось»; он, мужественный человек, «заплакал и повалился в ноги полицейского чиновника, загремев своими цепями».

Читатель узнает о сущности просьбы Кирджали из весьма вольного перевода на русский, сделанного тем же самым полицейским чиновником, перевода, снабженного к тому же (и это очень важно) его собственными комментариями:

— Что это говорил вам Кирджали? — спросил молодой чиновник у полицейского.

— Он, видите-с, просил меня, — отвечал, смеясь, полицейский, — чтоб я позаботился о его жене и ребенке, которые живут недалеко от Килии в болгарской деревне, — он боится, чтоб и они из-за него не пострадали. Народ глупый-с.

Впечатление от таким образом поданного эпизода несравненно сильнее, чем если бы вся сцена прошла без «вмешательства» нерусского языка. Далее сразу же после описанной сцены читаем: «Рассказ молодого чиновника сильно меня тронул. Мне было жаль бедного Кирджали».

А вот сцена допроса «башкирца» с «возмутительными листами» от Пугачева в «Капитанской дочке». На вопрос капитана Миронова, сделанный по-русски, башкирец ничего не отвечает. Тогда

Иван Кузмич предостерегает: «Что же ты читаешь? Ах, бессмысленно по-русски не разумеешь!». Вопрос повторился на татарском языке. Результат тот же. Командант спрашивает читать Басмачида. И тогда оказывается, что тот не может отвечать: у него сломан язык! Эта ужасная сцена — пример даже следующего обращения к читателю: «Молодой человек! Если записки мои попадутся тебе в руки, вспомни, что лучшее и драгоценнее драгоценнее есть то, которое происходит от улучшения нравов, без всяких насильственных изощрений».

Факты использования языка или отдельных особенностей языка персонажей в прозе сюжетных, композиционных многочисленны в художественной прозе Пушкина. Писатель часто специально обращает внимание читателей на речь своих героев (Роман в письмах; Арап Петра Великого; Рославлев).

В «Романе в письмах» Владимир в письме своему другу недоброжелательно отзывается о димах света. Главный недостаток, в котором он их обвиняет и который часто, как он говорит, привел к тому, что он в них разочаровывался, — неумение «слушать и понимать», понимать «тонкую шутку» или «поэтическое приветствие».

«Часто самую тонкую шутку, самое поэтическое приветствие они принимают или за какальную эниграмму, или неблагопристойную плоскость... Это испытал я с Еленой, в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность; она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало». Владимир увлекается Лизой именно потому, что она непохожа на этих светских дам! «Она слушает и понимает — редкое достоинство в наших женщинах».

В «Арапе Петра Великого»: «Разговор его [Ибрагима] был прост и важен; он понравился графине Д., которой надоели вечные шутки и тонкие намеки французского остроумия. Ибрагим часто бывал у ней».

В «Рославлеве» Полина (главная и «положительная» героиня романа) чрезвычайно огорчена и раздосадована тем обстоятельством, что московское общество, по-видимому, не понравилось приезжей азнаменности, мадам де Сталь. А объяснение следующее: «Как ниточно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщине! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимают, для которых блестящее замечание, сильное движение сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла к увлекательному разговору высшей образованности. А здесь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова в течение трех часов!».

Очень часто Пушкин не дает образцов речи своих персонажей, а просто «сам» говорит об ее особенностях.

Письмо Германа «было слово в слово взято из немецкого романа» (Пиковая дама); «Воззвание [Пугачева] написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей»; «Я... решился... писать батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе...»; «Слух о моем аресте поразил все мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца» (Капитанская дочка); «Разговор его, свободный и любезный, вскоре рассеял мою одичалую застенчивость» (Выстрел); «К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и по-русски объявил, что...» (Станционный смотритель) и т. д.

Рассмотренное явление — важнейшее завоевание А. С. Пушкина, реформатора русского литературного языка и языка художественной литературы.

Л. М. ШЕЛГУНОВА

ПУШКИН О ЯЗЫКЕ

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка.

Опровержение на критики. 1836

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат.

Из чернового наброска статьи «О прозе». 1822

Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка.

Возражение на статью «Агения».

Черновая статья. 1828

Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Опровержение на критики. 1830

СЛОВЕСНАЯ ШУТКА

Издавна известны многочисленные приемы, посредством которых придается речи выразительность, эмоциональность. Немаловажное значение в этом отношении принадлежит разного рода шуткам. Есть шутки, построенные на игре, остроумии самой мысли, шутки, эффект которых достигается комической ситуацией, и шутки, создаваемые определенными словесными средствами. С языковой точки зрения интерес представляют последние. Это прием характеристики лица через его фамилию, нарушение обычной сочетаемости слов, шутливые индивидуальные новообразования, каламбуры, включение «высокой» лексики и фразеологии в сниженный контекст, употребление в близком соседстве в составе одной фразы слов, имеющих антонимичное значение или противопоставленных друг другу по обозначаемым понятиям и т. д.

В истории литературы такие приемы имеют свои традиции: они с давних пор употреблялись художниками слова в творчестве и переписке. Рассмотрим некоторые из них на материале из произведений писателей первой трети XIX века (прежде всего Пушкина), включая в речевые средства комического и те приемы, которые служат созданию шутливой экспрессии, и те, которые направлены на иронию или сатиру (по своему построению они не различаются).

Во вкусе «легкой» поэзии того времени, продолжавшей традицию «легкого» стиха XVIII века, была «игра» рифменными и созвучиями (буриме). Особой склонностью к ней отличался дядя Пушкина — Василий Львович, считавший себя, как говорят современники, «первым докою на *bouts-rimés* и экспромты» (С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955). Любители этой забавы изощрялись в подборе для рифм слов, близких или совпадающих по звуковому составу. Отдавая дань моде, Пушкин также иногда «играет» сходством звучания разных слов, отмечая им концы рифмующихся строк. Проиллюстрируем это следующими

стихотворными отрывками, где, пронизируя над литературными шаблонами, поэт играет привычными рифменными ассоциациями [цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.— Л., 1937—1949].

И вот уже трещат *морозы*
И серебрятся *среди полей...*
(Читатель ждет уж *рифмы розы*;
На, вот возьми ее *скорей!*)

Мечты, мечты! где ваша *сладость*
Где, вечная к ней *рифма, младость?*

Евгений Онегин

Изредка обращался Пушкин к словесной игре, строящейся на использовании омоформы в рифмах (совпадений в рифмах по звуковому составу двух слов или, с одной стороны, слова, а, с другой — группы слов):

И прерывал его меж *тем*
Разумный толк без *пошлых тем...*

И не заботился о *том*,
Какой у дочки *тайный том*
Дремал до утра под *подушкой...*

Евгений Онегин

Эффект здесь достигается чисто звуковой игрой: значения слов никак не переплетаются между собой. Вместе с тем, пушкинские созвучия в рифмах — не внешнее украшение стихотворных строчек, но элемент стиха, органически с ним связанный. Они направлены на выражение необходимого в данном контексте содержания. Звуковое совпадение подчеркивает семантическое различие рифмующихся слов, а также их принадлежность к разным грамматическим категориям.

Имеются у Пушкина случаи более тонкой игры: рифмуются слова, не только совпадающие по звуковому оформлению, но связанные по смыслу (или по обозначаемому ими понятию):

А что же делает *супруга*
Одна в *отсутствии супруга...*
Граф Нулин
Защитник *вольности и прав*
В сем случае *совсем не прав...*

Евгений Онегин

Объединение в рифмах генетически родственных слов поражает читателя оригинальностью и неожиданностью сопоставления. Способствуя общему художественному впечатлению, подобная рифменная омоформия подчеркивает, заостряет мысль. Иногда же рифменные созвучия художественного значения не имеют и являются просто средством забавы, например стихотворение Пушкина «Когда Потемкину в потемках».

Следует заметить, что поэт не переоценивал значения такой игры. Уместно в этой связи вспомнить его отзыв о «мелочном остроумии» в поэзии трубадуров, «игравших рифмою»: «От сего произошла необходимая натяжка выражения, какое-то жеманство, вовсе неизвестное древним; мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться триолетами» (О поэзии классической и романтической).

Именно такое остроумие культивировалось в 60—70-е годы прошлого столетия. Одним из мастеров его был Д. Миннаев. Характерна омонимическая рифма и для поэтов более позднего времени. В. Фаворин отмечает, что Маяковский считал истинными рифмами только омонимические рифмы: «Именно такие рифмы считаются наиболее художественными, так как застают читателя врасплох, поражают своей оригинальностью, неожиданностью, остротой» (Заметки о языке Маяковского). Однако о художественности омонимических рифм есть в литературе и другое мнение: в рецензии на книгу В. О. Unbegaun'a «Russian versification» Б. В. Томашевский показывает на примере ряда стихов, что иногда такие стихотворные забавы «художественного значения вовсе не имеют».

Подчеркнем попутно, что сам факт совпадения в рифмах двух слов не есть еще доказательство словесной «игры». Привлечение таких созвучий бывает не только в шуточных стихах.

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад...

Пушкин. Не дай мне бог сойти с ума

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Приспистывая точит...

Пушкин. Жванх

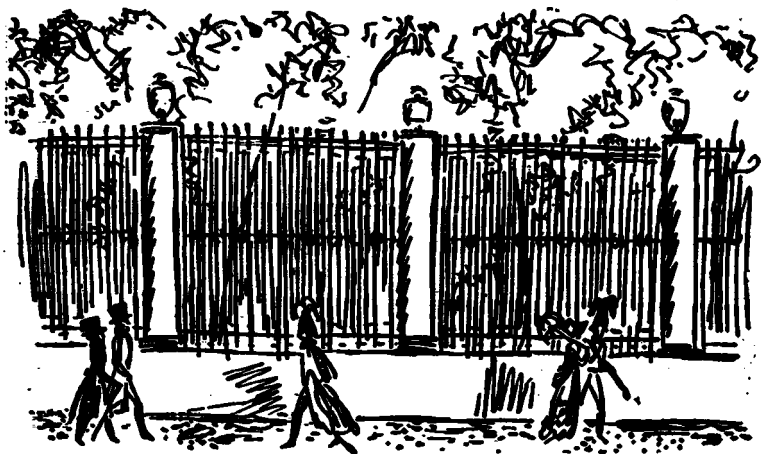
Трудно усмотреть в этих рифменных совпадениях стремление вызвать рифмующимися словами какие-то дополнительные ассоциации. Серьезность авторских раздумий и описываемой ситуации не допускает и тени того, что можно назвать шуткой или сатирой. Скорее здесь можно видеть заботу автора «о блеске техники», как говорит Томашевский, об утонченной рифме, чем намерение позабавить, развлечь читателя неожиданной звуковой игрой.

Сохраняет свою действенность в первой трети XIX века прием, основанный на столкновении совпадающих или близких по звучанию имен собственных и нарицательных (личных имен, фамилий, названий литературных произведений и обществ, наименований городов и др.). Имена собственные, названия, не выражая понятия и будучи лишены значения, как правило, не свя-

ваны с называемыми ими лицами, предметами, явлениями. Обычно мы не разлагаем имена на составляющие их элементы и не задумываемся над их происхождением. Но иногда звуковая оболочка имени обращает на себя внимание говорящего (или пишущего), и он соотносит имя с тем словом, от которого оно произошло (действительно или на основе ошибочно устанавливаемой этимологии), или сопоставляет его с омонимичным или антонимичным именем нарицательным. Этим приемом нередко пользуются писатели. Они заставляют переосмыслить имя собственное, соотнося его с именем нарицательным, с фразеологическими связями этого последнего, а главное — с кругом тех представлений, которые связываются с названным им предметом, явлением. «Как хочешь критикуй мой „Череп“, да и твоя башка никуда не годится» (Вяземский. Письмо А. И. Тургеневу, 27 октября 1821); «Закажи Сверчку прописать мне то, что он о моих стихах думает» (Вяземский. Письмо А. И. Тургеневу, 3 декабря 1818); «Вот тебе несколько эпиграмм; напечатай в „Деснице“, если он не завял совершенно» (Батюшков. Письмо Н. И. Гнедичу, 19 августа 1809).

Распространенные в литературе русского классицизма «значения» имена (типа Скотинин, Простаков) лишь отчасти сохраняются в пушкинское время. У Батюшкова: Балдус (Послание к А. И. Тургеневу), Плаксивин (Послание к стихам моим), Сплетнин (Перевод 1-й сатиры Боало), Тянислов (Послание к А. И. Тургеневу); у Жуковского: Дубыня (К Воейкову); Милон (Роланд Оруженосец), Прелеста (К Нине), Услад (Жалоба). В целом же употребление имен-характеристик заметно затухает в первой трети XIX века. Для Пушкина фамилия героя не важна, «она всегда пуста значением, безразлична, с необычайной легкостью заменяется другой» (Д. П. Якубович. — «Работа классиков над прозой», Л., 1929).

Однако изменение фамилий реальных лиц остается активным приемом словесной «игры» и в это время. Писатели прибегают к нему, чтобы подчеркнуть ту или иную черту носителя имени, намекнуть на какое-либо его качество. Часть фамилии (обычно конечная) присоединяется к основам с отрицательной семантикой. Вновь образованная фамилия, сохраняя звуковое сходство с реальной фамилией (повторяются многие звуки, но в другой сочетаемости), вызывает новые ассоциации. Подвергая изменению реальную фамилию, писатель делает ее как бы семантически значимой. Некоторые из шутливо переделанных фамилий повторяются у ряда писателей. Так, *Булгарин* изменяется на *Фиглярин* (Вяземский. Семь пятниц на неделе; Пушкин. Моя родословная; Пушкин. На Булгарина. «Не то беда, что ты поляк») и *Флюгарин* от *флюгер*, с намеком на беспринципность Булгарина, менявшего свои взгля-

ды в зависимости от того, по словам Вяземского, «как подует» (Вяземский. Семь пятниц на неделе; Пушкин. Эпиграмма «Не то беда, Авдей Флюгарин»). Именование драматурга и режиссера князя А. А. Шаховского *Шутовским* встречается у Дашкова в кантате «Венчание Шутовского», у Вяземского — в стихотворении «Поэтический венок Шутовского» и в письме к А. И. Тургеневу (4 ноября 1815), у Пушкина — в дневниковой записи 1815 года и в полной редакции стихотворения «Дяде, назвавшему сочинителя братом». Фамилия издателя журнала «Телескоп» Н. И. Надеждина меняется Пушкиным на *Невеждина* (Общество московских литераторов), поэта князя П. И. Шаликова высмеивает Пушкин, называя его князем *Шальным* (Тень Фонвизина).

Прием осмысления фамилий сохраняется и в более позднее время.

Одним из средств создания комического эффекта являются шуточные окказионализмы — индивидуальные новообразования, не вошедшие в общепринятое употребление. Такие слова рождались в дружеской среде, особенно арзамасской. Необычайно изобретательным в создании окказионализмов (нередко — каламбурного характера) был Вяземский. Так, в письме к А. И. Тургеневу (10 октября 1821) находим *вышепревосходительствовать, цендура* (из двух частично совпадающих в звучании слов образовано новое, шутовское слово-характеристика, в котором остроумно переплетается смысл обоих слов). Имеются подобные образования у Батюшкова: *одомаратель* (Новый род смерти), *рифмотвор* (Послание к стихам моим). Создавая их, автор обычно не преследует цели ввести свое «изобретение» в общее употребление. Он рас-

Из иллюстраций Н. Кузьмина к «Евгению Онегину».
1933

Из иллюстраций Н. Кузьмина к «Евгению Онегину».
1933

считывает только на то, что оригинальное выражение мысли позабавит читателя (или слушателя) и вызовет его удивление необычностью, новизной слова.

Характерно для этого времени также столкновение слова общего языка и созданного по его образцу созвучного индивидуального новообразования, помещаемого в том же контексте: «У каждого свое честолобие; мое — прослыть *вольнодумцем* в понятии *рабскидумцев*» (Вяземский. Письмо А. И. Тургеневу, март 1821); «Мы с Архаровою не совершенно *одногодки*, но по крайней мере *одноденки*. И она родилась 12-го июля» (Вяземский. Письмо В. Ф. Вяземской, 10 июля 1826); «На днях было у нас *васедаание*, или *надседаание*» (Вяземский. Письмо А. И. Тургеневу, 25 февраля 1817); «Князь Юсупов говорил про него: он не только московский *ловелас*, но московский *ложелаз*. Так прозвал он его потому, что, бывая во всех спектаклях, он никогда ничего не платил за вход, а таскался по ложам знакомых своих барынь» (Вяземский. Старая записная книжка).

Среди пушкинских окказионализмов с шутливой или иронической установкой выделяются, во-первых, конкретные образования, построенные по существующей в языке модели. Так, по типу *госклиный* образует Пушкин *хандрливый* (Письмо А. А. Дельвигу, 4 ноября 1830); по образцу слов *генеральша*, *майорша* употребляет шутливо *вицеканцлерша* (коллективное стихотворение 1833 года «Надо помянуть, непременно помянуть надо»); по аналогии с *женоподобный* создает *дамоподобный* (Разговор о критике). Имеются у Пушкина также случаи, когда общеязыковое слово и индивидуально образованное слово аналогичного образца стоят рядом в контек-

сте: «Что твоя романтическая поэма *Чун?*.. Кстати: Баратынский написал поэму (не прогневайся — про *Чухонку*), и эта чухонка говорит чудо как мила. — А я про *Цыганку*; каков? подавай же нам скорее свою *Чуяку*» (Письмо А. Г. Родзянке, 8 декабря 1824).

Редки у Пушкина образования, созданные по непродуктивной модели, например *стихоткач* (о поэте-ремесленнике) в стихотворении «Городок», *стишистая* торговля в письме к С. А. Соболевскому (ноябрь 1827), а также образования от имен собственных (фамилий): имя становится корневым элементом слова, наделяемого нарицательным значением (по какой-либо характерной черте или поступкам владельца имени), и к нему присоединяется продуктивный суффикс. В письме к С. А. Соболевскому (декабрь 1827): *воейковствовать*, *ольдекопничать* — «поступать как Воейков», «поступать как Ольдекоп» — публиковать произведения без ведома и согласия их автора. В приписываемом Пушкину стихотворении «За ужином обьелся я» встречаем *кюгельбекерно*. Это слово повторяется в письме Пушкина брату Л. С. Пушкину (30 января 1823), в письме П. А. Вяземскому (24—25 июля 1824), в письме В. А. Жуковскому (17 августа 1825). Но даже четыре словопотребления новообразования *кюгельбекерно* не делают его словом общезыковым, оно по-прежнему остается продуктом индивидуального словотворчества.

Подобные слова, имея в своем составе продуктивный суффикс, понятны читателю, хотя их смысловое наполнение разгадывается только теми, кто знает обстоятельства и факты, благодаря которым они возникли. Функции таких слов, естественно, ограничивают сферу их применения шутливыми контекстами.

Выразительным средством, служащим созданию шутливой, иронической или сатирической экспрессии, является также помещение «высокой» лексики и фразеологии, в частности славизмов, в сниженный, обычно — разговорно-просторечный контекст. Ломоносовской теорией трех стилей эта лексика была закреплена только за «высокими» жанрами. Но уже в 60—70-е годы XVIII века она начинает вводиться в круг слов семантически или экспрессивно сниженных (в целях шутки). Так она употребляется в русских ирон-комических поэмах.

Шутливое или пародическое столкновение чуждых друг другу лексических слов позднее используется представителями иного литературного направления, например Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым. Оно находит неоднократное выражение у П. А. Вяземского (в переписке и творчестве): «Князь татарский давал принцу праздник в нашем роде: цыганки *восплясывали и воспевали*» (Письмо А. И. Тургеневу, 2 мая 1825).

Нет спора, что Бобров богов языком пел;
Из смертных бо никто его не разумел...

Вяземский. К портрету Боброва

Нарочитое включение славянизмов в непривычную для них речевую ситуацию наблюдается у Пушкина (преимущественно в письмах к родным и друзьям): «Желаю ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух *смиренномудрия* и терпения» (Письмо А. А. Дельвигу, 23 марта 1821); «С Гречем я стал бы бессовестно торговаться, как со всяким *брадытым ценителем книжного ума*» (Письмо Л. С. Пушкину, 24 января 1822); в художественном тексте: «Ближних соседей около меня не было, кроме двух или трех *горьких*, коих беседа состояла большею частию в икоте и *воздыханиях*» (Выстрел);

[Председатель] И, заварив пиры да балы,
Восславим царские чумы...

Пушкин. Пир во время чумы

Не менее выразительным является использование книжно-архаических, выходящих из употребления слов. Выбирая из синонимического ряда самый «высокий» эквивалент и вводя его в круг бытовых, простых слов и выражений, писатель добивается нужного ему эффекта. В письме Пушкина М. П. Погодину: «Теперь я должен перед вами *зело* извиняться за долгое молчание» (около [не позднее] 17 декабря 1827); в шутилом обращении к П. А. Вяземскому: «Прещай, моя радость. Благослови, *преосвященный владыко Асмодей*» (Письмо П. А. Вяземскому, 15 июля 1824). Изредка Пушкин прибегает к шутило-ироническому применению церковнославянских форм какого-либо нейтрального слова: «Мал *бех* в братии моей, и если мой камышек угодил в медный лоб Голиафу Фиглярину, то слава создателю» (Письмо А. А. Орлову, 24 ноября 1831); «Читал ли ты последние произведения Жуковского, в *боге* почивающего?» (Письмо П. А. Вяземскому, апрель 1820).

Выразительным в создании шутилой экспрессии оказывается употребление в более или менее близком соседстве в составе одной фразы слов, имеющих антонимичное значение или противопоставленных друг другу по обозначаемому ими понятию. В обычной, нейтральной речи говорящему почти не приходится включать в одно высказывание слова с противоположным значением или называющие противоположные явления. Но при специальной установке (на шутку, иронию, сатиру) он прибегает к намеренному столкновению их в одном ряду. У Вяземского: «Василий Львович прислал мне по *тяжелой* почте *легкую* эпиграмму на Шаховского» (Письмо А. И. Тургеневу, 12 апреля 1819).

Всегда он ближнего довольством недоволен,
И, вольный мученик, чужим здоровьем болен...
Вяземский. Послание к М. Т. Каченовскому

У Пушкина в «Евгении Онегине»:

На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна.

«Руслан молокосос, Пленник зелен — и пред поэзией кавказской природы — поэма моя: — Голицынская проза» (Пушкин. Письмо А. А. Бестужеву, 30 ноября 1825).

Мы называли некоторые способы, применяемые в первой трети XIX века (как и раньше) для шуток, иронии или сатиры. Идя вслед за литературными предшественниками и современниками, Пушкин также изредка вводил в свои произведения и переписку отдельные словесные средства, служащие созданию шутиливой, иронической или сатирической экспрессии. «Играя» рифменными созвучиями, прибегая к шутиливо-каламбурной переделке фамилий реальных лиц и намеренному соединению «высокой» и сниженной лексики, создавая каламбуры и шутиливые окказионализмы, Пушкин, очевидно, в значительной степени следовал нормам дворянской речевой культуры эпохи. Пушкинские шутки «без нажима», естественно входят в повествование, являясь обычно средством передачи необходимой в данном контексте мысли.

Е. П. ХОДАКОВА

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ ПУШКИНА

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство...

Его эпитет так отчетлив и смел, что иногда один заменяет целое описание, кисть его летает.

Н. В. Гоголь. Несколько слов о Пушкине

Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выражения, как Пушкин, так не смотрел осторожно за самим собою, чтобы не сказать неумеренного и лишнего, пугаясь приторности и того и другого...

Ни один итальянский поэт не отделял так сонетов своих, как обрабатывал он эти легкие, по-видимому, мгновенные создания. Какая точность во всяком слове! Какая значительность всякого выражения! Как все округлено, окончено и замкнуто!

Н. В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенности

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РУКОПИСЯМИ А. С. ПУШКИНА

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль.

Так писал в 1818 году юный Пушкин о Жуковском. С еще бóльшим правом эти строки могут быть применены к самому Пушкину. В этом году исполняется 175 лет со дня его рождения и уже исполнилось 137 лет со дня его смерти. Но стихи Пушкина продолжают волновать и восхищать всех любителей поэзии живой прелестью поэтических образов. По черновым рукописям Пушкина можно проследить, как работал поэт над своими произведениями, как добивался точности и гармоничности выражения. По несколько раз повторяются строки, изменяется смысл, устраняются отдельные детали и добавляются новые, варьируются средства выражения, одно определение заменяется другим, сравнение — метафорой, перифрастическое (описательное) наименование — прямым названием. Большую роль в процессе создания поэтического текста играли определения-эпитеты.

Поэт часто употреблял в черновых набросках и в окончательном тексте своих сочинений одни и те же определения (характеристики предметов или действия) при разных определяемых. Вариирование определений было различным. В одних случаях определения-прилагательные на разных этапах работы могли сочетаться с разными существительными, не связанными между собой грамматической связью, например, *взаимозамена определений темный пепел и легкие листья* — в вариантах, *легкий пепел и темные листья* — в окончательном тексте. В других случаях прилагательное могло определять попеременно один из двух членов именного сочетания: определение прилагательным *беспечный* каждого из двух членов сочетания *вольность детей* — *беспечной вольности детей* и *беспечных вольности детей*. Цель наших наблюдений по-

Цыгане. Рисунок Пушкина на странице рукописи «Цыган»

казать постоянство значения некоторых определений в процессе создания поэтического произведения. Варьирование определений рассматривается нами как один из творческих методов поэта, который состоит в поисках места для конкретного определения, необходимого автору в силу каких-либо поэтических ассоциаций.

В черновой и белой рукописях «Цыган» стихи основного текста имеют ряд вариантов [цитируем по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1949].

Встречал я посреди степен
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил...

В черновой редакции им соответствует:

Встречал я посреди степен
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Беспечной вольности детей —
Под их убогими шатрами
Гостеприимство находил.

В беловых вариантах на месте стиха «Смиренной вольности детей» находим: а) Беспечной Вольности детей; б) Беспечных Вольности детей; в) Ленивых Вольности детей; г) Ленивой Вольности детей; д) Убогой Вольности детей.

Стих «За их ленивыми толпами» первоначально читался:

- а) Под их убогими шатрами;
б) За их беспечными толпами.

Таким образом, в указанных вариантах стихов определения *беспечный, ленивый и убогий* прикреплялись к одним и тем же определяемым: *беспечной вольности, беспечных детей и беспечными толпами, ленивой вольности, ленивых детей*; в основном тексте — *ленивыми толпами, убогой вольности и убогими шатрами*.

Если сопоставить варьирующие определения и учесть употребление этих же прилагательных-определений в окончательном тексте поэмы, то окажется, что и в вариантах, и в основном тексте они выступают при описании цыган, их жизни, привычек, быта и выполняют одну и ту же функцию эпитета-характеристики, отвечающую их основному, метафорическому значению: *ленивая вольность* — в вариантах и *ленивые толпы, упоение вечной лени* — в основном тексте; *убогая вольность, убогие шатры* — в вариантах и *убогий ужин, убогий ковер* — в основном тексте.

В творчестве Пушкина постоянно встречаются примеры, когда слово по своему смыслу сочетается не только и не столько со своим непосредственным соседом, но и с содержанием четверостишия, строфы, а то и целого произведения, с поэтическим образом.

Онегин

Рисунки Пушкина на страницах
рукописи «Евгения Онегина»

Ленский

Первая строфа стихотворения «Наполеон» имеет несколько вариантов. В основном тексте читаем:

Чудесный жребий совершился;
Угас великой человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.

В черновиках стихи 3 и 4 варьируются:

В пустыне мрачной закатился
Наполеонов грозный век...

и далее:

- б) мрачно закатился
Наполеонов грозный век....
- в) В молчаньи мрачном закатился
Наполеонов шумный век...

О чем говорится в этом торжественном четверостишии? О смерти Наполеона в изгнании (на острове св. Елены). И только. Но как поэтически здесь представлены Наполеон и его судьба? В соответствии с поэтической традицией 20-х годов XIX века Наполеон изображается как романтический герой с необычной судьбой (чудесным жребием), трагической смертью (В неволе мрачной закатился) и жизнью, полной бурных событий и потрясений (Наполеона грозный век).

Пушкин последовательно сопровождает эти темы эмоциональным определением: *мрачная неволя* (заточение, ссылка) или *мрачная пустыня* (место ссылки — пустынный остров). В тех же вариантах, где характеризуется смерть Наполеона, поэт употребляет наречие *мрачно* или сочетание *в молчаньи мрачном*. И в вариантах, и в основном тексте прилагательное *мрачный* и наречие *мрачно* не только определяют данное конкретное слово, но и дают эмоциональную оценку судьбы Наполеона, которая оказывается сильнее лишенных авторского отношения определений *дальный* и *пустынный*, выступающих в составе поэтических наименований острова св. Елены в поправках белого автографа: В пустыне дальней закатился; Среди волн пустынных закатился.

Определение *мрачный*, которое, судя по вариантам, было найдено раньше, чем слово *неволя*, по-видимому, оказало влияние на выбор определяемого. В окончательном тексте сочетание *мрачная неволя* заменило поэтическую перифразу. Однако варьирующиеся в автографах поэтические обозначения острова св. Елены не исчезли бесследно, их можно обнаружить в строфах, содержащих описание места заточения Наполеона. Во второй строфе стих 12: «Почил среди пустынных волн» и в строфе 14 стих 109: «Где иногда, в своей пустыне».

Работая над текстом, Пушкин неоднократно возвращался к одному и тому же месту. Отказываясь от одного выражения в пользу нового, лучшего, поэт часто не отбрасывал, а сохранял ранее найденное слово, хотя и помещал его в другое окружение (как было выше показано при рассмотрении вариантов стихотворения «Наполеон»). Чаще это касалось прилагательного-определения, но могло распространяться и на глаголы. В вариантах первой песни «Полтавы» встретилось объединение глагола *клонить* с существительным *дружины*: «Взметая и клоня дружины», где речь идет о стремительном движении войск Карла XII. Соответственно в основном тексте поэмы, где военные действия Карла сравниваются с вихрем, читаем:

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву...

Как видим, Пушкин отказался от сдвоенных деепричастий — *взметая и клоня*, но сохранил глагол *клонить* в сравнении: «Как вихорь... клонит пыльную траву».

В первоначальном сочетании *клоня дружины* нет метафоризации глагола, здесь, на наш взгляд, произошло совмещение двух планов — реального (изложение событий — поход Карла) и образного (то, чему событие уподобляется — вихрь, ветер), возможное в процессе создания произведения. Подобное совмещение вообще встречается в произведениях Пушкина: «Терек играет в свирепом веселье; Играет и воет, как зверь молодой, Завидевший пищу из клетки железной» (Кавказ).

В окончательном тексте «Полтавы» совмещение реального и образного планов отражено в деепричастии *взметая* (взметая русские дружины), грамматически характеризующем действие (шел взметая), но семантически связанном не с действием, а с образным его представлением — вихрем (взметая русские дружины, как вихорь...). Сохранение в окончательном тексте именно деепричастия *взметая*, возможно, вызвано распространенностью сочетания *взметать прах (пыль)*, имеющего своим источником Псалтырь: «Но они, как прах, взметаемый ветром [с лица земли]» (о роли церковнославянской лексики и символики в поэме «Полтава» смотрите: В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М. — Л., 1935).

Поиски слова и места для него, имеющие целью объединение определения со своим лучшим определяемым, могут и не сопровождаться созданием непривычных сочетаний. В стихотворении «Сожженное письмо» несколько вариантов имеют последние 5 стихов (особенно стихи 11 и 12). В основном тексте читаем:

Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют...

В беловом автографе на месте этих стихов находим:

Свет гаснет — потемнев, свернулись листы,
Их пепел сохранил чуть видные черты
Белеют...

И далее:

- а) Все гаснет — потемнев, свернулись листы
- б) Свершилось: (милые) легкие свернулись листы...
(На верном) На темном пепле их угасшие черты
Белеют...

В двух приведенных стихах варьируются три определения: *темный* (а также *потемнев*), *угасший* (а также *гаснет*), *легкий*; *угасшие черты* и *свет гаснет, все гаснет*; *темный пепел, темные листы* и *потемнев, свернулись листы*; *легкие листы* и *легкий пепел*. В набросках появляются еще определения *милые* (листы) и *верный* (пепел).

И в вариантах, и в беловом автографе поэтическое изображение сожженного письма строится на двух представлениях: действии (угасание огня — все гаснет; свет гаснет) и его результате (угасшие черты; потемнев, свернулись листы; темные свернулись листы; темный пепел; легкие свернулись листы).

В основном тексте действие уже не называется, есть только указание на его завершение: *Свершилось!* Поэтому вся группа слов, связанных с описанием действия, отсутствует, а внимание сосредоточено на результате действия: «*Темные свернулись листы; На легком пепле их заветные черты Белеют...*»

В поэтическом изображении результата действия варьирующиеся в черновых набросках определения поменялись определяемыми (в вариантах — *легкие листы* и *темный пепел*, в окончательном тексте — *темные листы* и *легкий пепел*).

Интересно отметить, что встретившиеся в вариантах 11 и 12 стихов определения *милый* (милые листы) и *верный* (верный пепел) не закрепились в этих стихах, хотя и нашли себе место в стихотворении в целом (*пепел милый* — в 13 стихе и *уж перстня верного* утрата впечатленья — в 9 стихе, где прилагательное *верный* выступает, правда, в ином значении — 'точный, подлинный').

Победа конкретных прилагательных (темный, легкий) над эмоционально оценочными, возможно, определяется тем, что все связанное с судьбой самого письма, изображено очень конкретно: листы... пылают; растопленный сургуч кипит; темные свернулись листы; на легком пепле.

Эта конкретность подчеркивает эмоциональную оценку происходящего: «О providенье! Грудь моя стеснилась; пепел милый; отрада бедная в судьбе моей унылой; на горестной груди», — сообщая ей, а также всему стихотворению в целом большую силу и напряженность.

Наблюдения над употреблением в вариантах определений-прилагательных наводят на мысль, что вначале Пушкин как бы намечал каркас произведения, набрасывал общую картину изображаемого, в которой существенная роль отводилась определениям предметов и действий, их образному восприятию и представлению. Определения объединялись с разными определяемыми, сочетания варьировались, менялись местами, от некоторых из сочетаний поэт отказывался, другие видоизменял, и они входили в окончательный текст с новым определением и определяемым, причем последние подвергались заменам в окончательном тексте чаще, чем определения. Поэт стремился сохранить определения, найденные им в начале работы над поэтическим произведением, до его завершения. Очевидно, это относится не ко всем определениям, а только к тем из них, которые последовательно принимали участие в характеристике персонажей или в создании общего эмоционального и стилистического тона произведения.

В. А. ПЛОТНИКОВА

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ ПУШКИНА

Как верна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство и всякое ощущение, так верен у него и всякий оборот, каждая фраза, каждое слово. Все на своем месте, все полно, ничего недоконченного, темного, неточного, неопределенного. Определенность есть свойство великих поэтов, и Пушкин вполне обладал этим свойством... Из русского языка Пушкин сделал чудо... Он ввел в употребление новые слова, старым дал новую жизнь; его эпитет столько же смел, оригинален, как резко-точен, математически-определен...

**В. Г. Белинский. Русская литература
в 1841 году**

Пушкин не любил щеголять эпитетами, не бросался ни в сентиментальность, ни в таинственность, ни в надутость, ни в пустословие; он жив и стремителен в рассказе, употребляет слова в надлежащем их смысле, наблюдает умную соразмерность в разделении мыслей: все это действительно составляло неотъемлемые качества пушкинской поэзии, и качества великие.

**В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина.
Статья шестая**

**Работа
Куприна
над
текстом
статьи
«Памяти
А. П. Чехова»**

Современники А. П. Чехова и последующие поколения в своих высказываниях о языковом мастерстве писателя отмечали исключительную его талантливость, способность писать просто, кратко, музыкально, умение немногими словами, но очень образно рисовать целые картины, создавать выпуклые характеристики.

Восхищаясь языковым мастерством Чехова, М. Горький отметил, что «будущий историк литературы, говоря о росте русского литературного языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов». (По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге»).

Александр Иванович Куприн высоко ценил художественное мастерство Чехова, с большой благодарностью и охотой пользовался его советами, а иногда, по приглашению Антона Павловича, жил и работал на его даче, в Ялте.

Смерть Чехова глубоко потрясла писателя. Для сборника, посвященного памяти Чехова, от него ждали статью. Но Куприн, тяжело переживая случившееся, никак не мог заставить себя взяться за перо. Он понимал и ответственность возложенной на него миссии и то, что для объективности описания ему необходимо подготовить себя психологически, обдумать все пережитое, виденное, слышанное.

Только в октябре 1904 года статья была завершена и послана в издательство «Знание».

Статья Куприна, интересная реалистичностью описания фактов из личной жизни Чехова, была «криком души» человека, понимающего всю горечь и невозвратимость утраты. Написанная рукой одаренного, тонкого писателя, статья эта была высоко оценена современниками и заняла достойное место среди многочисленных воспоминаний о Чехове.

Интерес вызывает работа Куприна над черновым вариантом статьи. Конкретный анализ поправок говорит не только о неоднократно подчеркиваемой исследователями общности лингвостилистических воззрений Чехова и Куприна, о схожести их индивидуальной творческой манеры, но и дает повод сказать о намеренном желании Куприна быть похожим на Чехова, о его сознательном стремлении приблизить текст рукописи к стилиевой манере Учителя. Это сказывается в приемах организации и построения материала, в целенаправленной работе над отбором лексических средств с повтором специфически чеховских слов и выражений.

Индивидуальный стиль и жизненно правдивый тон речи Чехова, характерное для него употребление в разговоре «отчасти нарочно, отчасти инстинктивно» «обыкновенных, средних, общих выражений» последовательно передается Куприным при воспроизведении речевого портрета писателя. Подчеркнув, что Чехов «умел слушать и расспрашивать, как никто», Куприн отмечает склонность Чехова к быстрой смене темы беседы — детали, получившей более яркое отображение при исправлении рукописи [цитируется по изданию: А. И. Куприн. Собрание сочинений. М., 1964; черновые варианты — по рукописи, хранящейся в ЦГАЛИ].

Черновой вариант

Только что говорили и еще продолжают говорить о художественном театре, а он вдруг спрашивает: «Послушайте, вы никогда не были на конском заводе?».

И вдруг, обрывая этот рассказ, точно увлекаемый новой, интересной мыслью, А. П. прибавлял оживленно...

Окончательный текст

Только что говорили и еще продолжают говорить о немарксистах, а он вдруг спрашивает: «Послушайте, вы никогда не были на конском заводе?».

И вдруг, быстро обрывая этот рассказ, точно увлекаемый новой, интересной мыслью, А. П. прибавлял оживленно...

С этой внутренней особенностью Чехова связываются

и повторяемые Куприным излюбленные фразы Чехова с глаголами-обращениями: послушайте, знаете, вообразите, представьте, понимаете, попробуйте и другими.

Знаете ли, через триста-четырееста лет вся земля обратится в цветущий сад; Знаете, Москва — самый характерный город; Послушайте, при мне здесь посажено каждое дерево...

Стремясь сохранить характерную чеховскую точность выражений, Куприн делает ряд стилистических замен:

— А ведь никто не знает,
что самое главное в этом человеке.

А ведь никто не догадывается,
что самое характерное
в этом человеке.

Аналогичное имеем в других отрывках: вместо «напишите заглавие попроще», автор вводит «поставьте заглавие попроще», вместо «Не надо записывать сравнений, метких черточек, подробностей явлений природы», Куприн пишет «картин природы».

Отмечает автор и характерный для чеховской речи повтор слов при подчеркивании категоричности некоторых суждений:

Только спаси вас бог читать кому-нибудь свои произведения, пока они не напечатаны. Даже в корректуре не читайте.

Стараясь передать близость чеховской речи к разговорной, писатель воспроизводит характерные для Чехова частицы *ведь*, *-ка*, *уже*, *ли*, *лишь*, *только*:

Ведь в России через десять лет будет конституция; Послушайте же, ведь вы на двадцать лет меня старше. Ведь вы же раньше писали под псевдонимом Нестор Кукольник; Если я надолго оставлю рассказ, то уже не могу потом приняться за его окончание; Знаете ли, — прибавлял он вдруг с серьезным лицом; Не хотите ли, подарю пса?; Это она лишь притворяется больными...; Нет, вы попробуйте только.

Куприн последовательно оттеняет в речи «жившую» в Чехове «боязнь пафоса», «сильных чувств» и «несколько театральных эффектов», заменяя некоторые экспрессивно звучащие слова черновой редакции более нейтральными, иногда меняющими интонацию всего высказывания:

Еще учил он, чтобы писатель оставался равнодушен к радостям и огорчениям своих героев... «Нужно стоять выше этих вещей и знать их хорошо, до отвращения, но глядеть на них как бы с презрением, сверху вниз. И выйдет верно».

Еще учил он, чтобы писатель оставался равнодушен к радостям и огорчениям своих героев... «Нужно стоять вне этих вещей, и хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением, сверху вниз. И выйдет верно».

Чехов любил правду и всегда помнил, как «подрезает слабые крылья» неосторожно сказанное слово, и боялся обидеть слабого.

Эта черта внутренней мягкости писателя оттеняется Куприным в правке:

По убедительной просьбе он высказывался определеннее, пространнее и сильнее.

По убедительной просьбе автора, он высказывался, хотя и с осторожными оговорками, но определеннее, пространнее и правее.

Понимая историческую важность своей миссии, Куприн в описаниях внешности Чехова, его чисто человеческой и творческой индивидуальности, стремится не только к максимальной точности, но и к выпуклости изображения. Он постоянно и намеренно отмечает наиболее характерные особенности облика Антона Павловича, для чего широко пользуется повторяющейся деталью, оттеняя ее за счет повтора слов определенного, нужного автору, логико-семантического ряда.

Так, подчеркивая пристальное внимание Чехова ко всему окружающему, Куприн часто говорит о глазах Чехова, стараясь передать их выражение, цвет:

Многие впоследствии говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до странного общая всем, знавшим его. Глаза у него были темные, почти черные, причем раек правого глаза был окрашен значительно сильнее, что придавало взгляду А. П., при некоторых поворотах головы, выражение рассеянности. Верхние веки несколько нависали над глазами, что так часто наблюдается у художников, охотников, моряков — словом, у людей с сосредоточенным зрением.

Дополняя текст новыми описаниями, Куприн подчеркивает отражающуюся во взгляде Чехова доброту:

Тогда глаза его становились полукруглыми и лучистыми, и весь он тогда напоминал тот юношеский известный портрет, где [А. П.] изображен почти безбородым, с улыбающимся, близоруким и наивным взглядом исподлобья.

Тогда глаза его становились полукруглыми и лучистыми, с добрыми морщинками у наружных углов, и весь он тогда напоминал тот юношеский известный портрет, где он изображен почти безбородым, с улыбающимся, близоруким и наивным взглядом несколько исподлобья.

Систематически отмечает Куприн и характерный для Чехова прищур глаз:

Спускался в сад и сидел там на скамейке... поглядывая... прищуренными глазами; Говорил он, глядя на свой сад прищуренными глазами...

Подбирая определения к такой детали, как смех Чехова, автор останавливается на соответствующих реалистичности изображения семантически близких словах *искренний и ясный*:

Чехов... разражался милым
глубоким смехом.

Захотел своим громким
(задушевым) смехом.

Он... разражался милым,
искренним и глубоким сме-
хом.

Захотел своим громким,
ясным смехом.

Для отображения жизненности, простоты, обыкновенности всего, что писал Чехов, Куприн к имеющимся в тексте определениям *обыкновенный, будничный* добавляет новые *житейский, тяжелый*:

Он требовал от писателей
обыкновенных сюжетов.

Нет, вся сумма его (жиз-
ненного) громадного опыта,
все его огорчения, скорби, ра-
дости и разочарования выра-
зились... в мечте... о счастье.

Он требовал от писателей
обыкновенных житейских
сюжетов.

Нет, вся сумма его большо-
го и тяжелого житейского
опыта, все его огорчения,
скорби, радости и разочаро-
вания выразились... в мечте...
о счастье.

Иногда вновь вводит слово *обыкновенный* (вместо *про-
стой*), более близкое по семантике к слову *будничный*:

Удивительная деликатность,
чуткость и внимание, но ни-
когда не выходящие из ра-
мок простых, но как будто
умышленно будничных отно-
шений.

Удивительная деликатность,
чуткость и внимание, но ни-
когда не выходящая из ра-
мок обыкновенных, как буд-
то умышленно будничных
отношений.

В процессе творческого поиска нужного слова Куприн, как и Чехов, обращал особое внимание на смысловую и художественную ценность слова. Чехов любил образные и меткие определения, которые в «до предела сжатой форме передавали характерные признаки и явления».

Так и Куприн. В своем стремлении к живости и яркости описания он зачастую смело вводил в текст необходимые для «данного употребления» слова и сочетания, чем добивался исключительной образности и сжатости в выделении главного.

Описывая уши Чехова, Куприн использует очень емкие в данном сочетании определения *умные, интеллигентные*:

Другие такие умные, интеллигентные уши я видел еще лишь у одного человека — у Толстого. [Еще внесено при правке.]

Говоря о любви Чехова к людям, Куприн вводит сочетание *нежная и твердая рука*:

Как часто приходилось ему выслушивать тяжелые исповеди, помогать словом и делом, протягивать падающему свою нежную и твердую руку.

Интересно в этом отношении и вставленное позже определение *холостой*, помогающее выделить одну из деталей жизни писателя:

Дальше, по той же стороне, в самом углу — дверь, сквозь которую видна спальня А. П.

Дальше, по той же стороне, в самом углу — дверь, сквозь которую видна холостая спальня Антона Павловича.

Подобное включение максимально емких слов, ведущих к предельно краткому и яркому выражению основной мысли, было, видимо, не случайным для стиля Куприна. Так, выправляя рукопись, Куприн вставляет прилагательное *ворячий*, которое помогло ему рассказать о мучившей Чехова болезни:

Помнится мне теперь очень живо пожатие его большой, сухой руки.

Помнится мне теперь очень живо пожатие его большой, сухой и горячей руки.

Этот же недуг подчеркивается и вставкой прилагательного *теплый* (к слову *утро*) при описании привычек Чехова:

В хорошие утра его можно было видеть на скамейке за домом.

В хорошие теплые утра его можно было видеть на скамейке за домом.

Выбор лексического материала был мотивирован стремлением к строгой точности выражения, показывающим тонкое понимание семантики слова самим Куприным, что особенно заметно в его работе над лексической синонимией. Подбирая стилистический вариант, Куприн, по завету Чехова, старался быть и точным и максимально сдержанным. Он заменял и несколько сентиментальные определения и не подчеркивающие главного слова и выражения более нейтральными и более убедительными: вместо *нежный* появилось *участливый*, вместо *приятный* — *уставший*, вместо *главный* — *исключительный*.

Он мог быть добрым и щедрым, не любя, ласковым и нежным — без привязанности, — благодетелем, не рассчитывая на признательность.

Он мог быть добрым и щедрым не любя, ласковым и участливым — без привязанности, благодетелем — не считывая на благодарность.

И она сказала приятным слабым голосом:

— Вот, горе-то у нас какое... Нет Антоши...

Приезжал, кажется, с главной целью показать больному тогда А. П-чу постановку его пьесы.

Это стремление к семантически более оправданному варианту, глубже и тоньше отражающему смысловое содержание, было постоянно в центре авторского внимания, что заметно и во многих других исправлениях. Выправляя рукопись, Куприн включил слова: *существование* вместо *жизнь*, *страдание* — *зло*, *речи* — *разговоры*, *складки* — *морщинки*, ярче оттеняющее и глубокие переживания Чехова, его думы об окружающем, и возраст Чехова.

Нет, это не была заочная жажда жизни, идущая от ненасытного человеческого сердца...

Редко сказывался в его разговорах художник и беллетрист.

Этот удивительно нежный человек не причинил... даже самого маленького зла ничему живущему.

Легли между бровями, уперенось, две вертикальные, задумчивые морщинки.

Создавая в какой-то степени произведения и биографического характера, Куприн стремился к логической точности, что влекло за собой включение в текст слов, отображающих обстановку в усадьбе Чехова. Так появились в тексте новые определения — относительные прилагательные, существительные и отдельные сочетания слов:

В саду... стояли качели и скамейка.

Много хороших вещей на письменном столе.

И она сказала усталым, слабым голосом:

— Вот горе-то у нас какое... Нет Антоши...

Приезжал, кажется, с исключительной целью показать больному тогда А. П-чу постановку его пьесы.

Нет, это не была заочная жажда существования, идущая от ненасытного человеческого сердца...

Редко сказывался в его речах художник и беллетрист.

Этот удивительно нежный человек не причинил сознательно даже самого маленького страдания ничему живущему.

Легли между бровями, уперенось, две вертикальные, задумчивые складки.

Посередине его стояли качели и деревянная скамейка.

Много хороших вещей из кости и из дерева на письменном столе...

Уточнялись описания за счет обстоятельств степени и целых оборотов:

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городом.

Вводил Куприн новые слова с качественным оттенком значения, указывая на величину чего-то:

Лежали они (каштаны) обыкновенно маленькой горкой в гостиной на подоконнике.

Вставлял он и местоимения и наречия (несколько, немного, никогда, всегда, давно), более точно передающие впечатления от внешности Чехова, его характера, привычек.

С улыбающимся, близоруким и наивным взглядом несколько исподлобья; Следов болезни в нем тогда не было заметно, если не считать его походки, — слабой и точно на немного согнутых коленях; Мне думается, что он всюду и всегда видел материал для наблюдений, и выходило у него это поневоле, может быть, часто против желания, в силу давно изощренной и никогда неискоренимой привычки вдумываться в людей, анализировать их и обобщать.

В статье наблюдается намеренный отбор лексики, обусловленной социальной направленностью характеристик. Тонкий и наблюдательный художник — Куприн, как и Чехов, вводил в речевой портрет какое-нибудь одно слово, один штрих, и высказывание становилось более ярким и социально звучащим. Куприн вспоминает об этой особенности Чехова:

Не оттого ли у него в рассказах профессор говорит и думает именно как типичный профессор, а бродяга, как истый бродяга?

Не оттого ли у него в рассказах профессор говорит и думает именно как старый профессор, а бродяга — как истый бродяга?

Характеризуя выпренность и претенциозность внутренне невежественных купчих, проявляющих, во имя моды, «внешний» интерес к литературе, Куприн пересказывает их беседы с Чеховым, передавая транскрипцией звучания слова. Так появились «исправления» слов *талантливый, нервный, идеал, принципиально на гинейский, нервный, идея, принципиально*, отчего весь контекст стал более экспрессивным, социально и психологически более значимым.

В статье подчеркивается, что запас слов у Чехова «был необычайно громаден», что Чехов «неустанно работал над собой, обогащая свой прелестный, разнообразный язык отовсюду: из разговоров, из словарей, из каталогов, из ученых сочинений, из священных книг». Куприн вспоминает совет Чехова:

Слушайте: ездите почаще в третьем классе. — Я жалею, что болезнь мешает мне теперь ездить в третьем классе. Там иногда услышишь замечательно интересные вещи.

Помня это наставление Учителя, Куприн в поисках нужного варианта обращался к лексике различных стилистических пластов и часто усиливал экспрессивную сторону высказываний за счет элементов разговорной и народной речи. Так, вместо *бранить* появилось *всячески поносить*, вместо *суматоха* — *сумятица*:

Один самоуверенный штатский генерал... начал... бранить молодого (еще тогда) писателя, громадная известность которого тогда только еще начинала расти.

Был промежуток той суматохи...

Некий самоуверенный штатский генерал... начал... всячески поносить одного молодого писателя, громадная известность которого только еще начинала расти.

Был промежуток той сумятицы...

Текст статьи говорит об осторожном отношении автора к иноязычной лексике. Здесь мало иностранных слов, а если и встречаются, то это слова, свободно и активно используемые, прижившиеся в русском языке.

Помня, что «краткость — сестра таланта», Куприн зачеркнул в рукописи все лишнее, загромождающее: снял излишнюю детализацию в отдельных отрывках, убрал местоимения и частицы, не вносящие ничего нового, упростил синтаксическую конструкцию отдельных предложений.

Лингвистический анализ статьи показывает, что вся текстологическая работа писателя была направлена на более выпуклое изображение главного в слове о Чехове — великом художнике и Человеке. И выполнена эта работа Куприным в традициях и стиле чеховской школы.

В. Н. АЙДАРОВА

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ ПУШКИНА

...Заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого.

И. С. Тургенев. Из речи, читанной в публичном заседании Общ-ва любителей российской словесности, по поводу открытия памятника А. С. Пушкину

Речевые характеристики в пьесе Л. М. Леонова «Унтиловск»

Выразительность, узорчатость и многокрасочность леоновской прозы и драматургии была отмечена советской критикой уже в 20-е годы. Его язык, «живой, чуть напевный, размашистый, крепкий и узорный, как старинные русские вышивки» («Красная Нива», 1927, № 6), находили подкупающим.

М. Горький высоко ценил в Леонове художника слова, отмечая в своих письмах и высказываниях языковое богатство и речевую оригинальность его произведений. Он считал необходимым для писателей изучение индивидуальных языковых свойств произведений Леонова.

В начале 30-х годов Леонов был назван основателем своего театра. И это неслучайно: уже в ранних его пьесах (Унтиловск; Провинциальная история; Барсуки; Усмирение Бададошкина) выявилась эта самобытность Леонова-художника в цветистости фразы, выразительности речевых характеристик, в мастерстве индивидуализации речи персонажей.

«Один из путей к созданию емкого образа — емкий язык, — говорит Леонов. — Он может удивительно сокращать и уплотнять ткань повествования. Языковая формула должна быть, как кристалл анилина: бросаешь его в среду, и он дает подцветку. В языке — как и в живописи: вам нужен совсем не тот цвет, но вы берете противоположный оттенок, и он вызывает нужное впечатление» (Е. В. Старикова. — «Знамя», 1961, № 4).

Точность, выразительные свойства языка персонажей, отражение в речи особенностей душевного склада — все это можно показать на языковом материале двух центральных героев ранней драмы Леонова «Унтиловск»: Червако-

за, типа воинствующего, реакционного мещанина, сатирически развенчиваемого автором, и Буслова, персонажа, олицетворяющего силы новой жизни.

Речь Червакова выразительно характеризует данный образ. Писатель просеивая сивоз сито немало языкового песка, оставляя лишь весомые крупницы, заряженные точным смыслом. Даже в случайных репликах Червакова отражено поведение этого персонажа, изнутри, исподтишка пытающегося разрушить душу Буслова, человека, олицетворяющего для крысолова все, что реально угрожает кладбищенски неподвижному уюту Унтиловска. В каждой фразе и реплике Червакова заключен особый смысл, вытекающий из психологии персонажа, его роли в сюжете пьесы и, что особенно важно, социальных функций образа.

Внутренний мир Червакова — это скопище чувств мстительных и злобных. Поэтому ему свойственна желчно-саркастическая интонация, издевательски-пренебрежительные нотки, звучащие при бессмысленном нагромождении слов и претенциозной высокопарности. Так, Гуту, возвратившегося вместе с Раисой в Унтиловск, Черваков встречает паясничая: «Да вы всех уже знаете, Буслов!.. Тот самый, знаете? Взглядом кота может убить... Что-с? Ничего-с? Очень хорошо-с. Ну, потом. 8-е, все люди, одним словом... *(Ко всем)* Почтенное собрание, у скромных врат обители нашей стучит пришелец, жаждая стать унтиловцем» [цитаты даны по изданию: Леонид Леонов. Собрание сочинений. М., 1969—1972].

Леонов не сделал Червакова откровенным невеждой, что определенно снизило бы значение образа. Нет, Черваков не глуп, начитан, образован, речь его образна и даже выразительна. Он умеет вовремя вставить в суждения обывателей остроумную, ироническую реплику, оттеняющую пародийный характер персонажа. Это придает диалогу остродинамический характер. «Сергей Аммонич,— бросает он расхваставшемуся Манюкину,— я, конечно, понимаю: ваши предки отечество там спасали, а сами вы нынче сысьный, сиречь этакое рыля с двумя нулями...». Мещански-индивидуалистическая сущность Червакова выражается в его отношении к другим действующим лицам. Аполлоса он называет в пылу раздражения «амфибией», Семена — «зеленым чертом», Манюкина приветствует: «Знаменитому вралю адептинх мест и поверженному дворянину». Он редко говорит прямо, больше намеками, двусмысленными словечками, паясничая, кривляясь. Отсюда словарная и стилевая разноплановость его языка: употребление наряду с просторечными *намедни, погоди, даве, кличут* высокопарных, старокнижных слов.

Влюбленный в «замороженное» приволье, Черваков много говорит о прелестях Унтиловска, наделяя милый сердцу край оду-

шевлеяемыми чертами и обретая «художественность»: «Да и тишину, зеленоглазую девушку эту... уважаем». Но Черваков беспомощен в своем желании обессмертить Унтиловск, остановить время. Поэтому он беснуется, кричит, особенно когда речь заходит о силах, способных убить унтиловскую тишину, очеловеченную им.

Будущее, угрожающее осквернить нетронутую унтиловскую патриархальность, Черваков представляет ужасным: «Как завизжит эта тишина, запрокинутая, провизженная каким-нибудь там электрическим лучом», там растворится человеческая индивидуальность, поблекнут краски: *лакированные проспекты, электрическая луна*. Он пытается убедить окружающих и самого себя, что это пора скучная, «голый, потухший, самоголейший пшик... великая дырка». Натура истеричная, Черваков часто переходит на крик. Из психологически четких ремарок видно, что он говорит не просто «ехидно», но «кричит», «кричит, беснуясь», «в бешенстве». Отсюда многочисленные возгласы: *о, ой, ах* — и паузы в его фразах. В синтаксическом отношении речь Червакова характеризуется обилием вопросительных и восклицательных предложений, усиливающих экспрессивность.

Языковые характеристики, создаваемые Леоновым, имеют свои, только им присущие свойства. Черваков не сразу выявляет себя как вредный, социально опасный тип. Даже в откровенных монологах перед Раисой, где он, по собственным словам, раскрывается, как лопнувший орех, он говорит настолько отвлеченно, неконкретно, что новья содержание сказанного не просто. Создается эта отвлеченность за счет сложной метафоричности, олицетворений и неожиданных сравнений, эпитетов.

В начале пьесы истинный характер Червакова лишь намечен подтекстом, комментариями других персонажей. Но по мере развития сюжета Черваков все более обнаруживает свою сущность, приоткрывая лицо, мстительное и злое.

Вначале его речь самонадеянная, спокойная, но затем, убедившись в бесплодности своих ухищрений, крысодав начинает бешоваться, истукленно вопить, впадая в состояние, близкое к безумию. О любви своей к Раисе Черваков тоже кричит, кричит надрывно, патетично. Здесь и мольба о взаимности и сочувствии и одновременно признание собственной беспомощности.

Эмоционально-впечатляющую силу увеличивает повтор, частый в языке Червакова: «Жалости, жалости твоей прошу»; «Снега, снега, снега, передуваемые ветром»; «Страшно, страшно, Раисочка... там»; «Свет-то, свет».

Если здесь повторы оттеняют неуравновешенно-болезненное состояние черваковской души, то в начале пьесы, наоборот, этот

же прием подчеркивает самоуверенность его, попытку утвердить прочность в жизни: «Мы всюду, всюду».

Нельзя не признать интересным наблюдение В. А. Сахновского-Панкеева: «...Речи драматического персонажа свойственно... неотъемлемое свойство — она всегда действительна. Ведь герои пьесы не просто беседуют, делятся новостями, обмениваются колкостями или любезностями. Каждая их реплика имеет действительную цель — герой стремится переубедить или обмануть собеседника, внушить определенный взгляд на происходящее и тем самым подтолкнуть к поступку, который он считает целесообразным или выгодным» (О комедии. Л. — М., 1964).

Истинное содержание своих речей философ мещанства пытается затеменить фразами незначительного, бытового содержания. Показные благость и смирение, мнимую доброту драматург подчеркивает елеинь-слащавыми уменьшительными формами речи: пашечка, горка, мышки.

Противоположностью Червакова является Буслов. Буслов — своеобразная фигура в ранней драматургии Леонова. Это еще не положительный герой в окончательно сформировавшемся виде, а рождающаяся новая личность. Буслов и Черваков находятся на противоположных социально-психологических полюсах. Поэтому, если мещанин Черваков до слез умиляется утиловщиной, доказывая ее прочность, то Буслов, напротив, не скрывает своей ненависти ко всему, что связано с утиловским бытом.

Опыт жизни, знание ее законов, уверенность в своей силе и правоте — все это выражается в коротких фразах Буслова, в ярко выраженной афористичности: «Жизнь, Пашка, есть постоянное нарушение тишины»; «Внутренность паука всегда сложнее звездной системы»; «Злобой не живут, жить можно или трудом, или любовью».

В отличие от многословного Червакова, который как бы заговаривает или вернее оболванивает своей речью собеседника, опутывая его словесной паутиной, Буслов, которому, по его собственным словам, скрывать нечего, говорит коротко и ясно, без черваковских языковых ухищрений. Большой, сильный, грубоватый, он не избегает крепких словечек, вульгаризмов: *сожрал*; *черт с тобой*; *дубина*; *мели*; *спятила*, но грубость его чаще добродушная, беззлобая.

Драматург не стремится выделить в Буслове профессионально-церковный колорит (Буслов — поп-расстрига), для писателя важнее оттенить другой источник его речи — фольклорный, бытовой, крестьянский.

О себе Буслов замечает: «Я говорить не мастер», но это не соответствует истине. Буслов умеет красочно, увлекательно расска-

зывать, только его образность совершенно иных свойств, чем художественные качества говоруна Червакова. Если в монологах унтиловского человека с их болезненным надрывом и прорывающимися рыданиями преобладают крикливые до хрипа интонации, то в монологах Буслова, тоже произносимых в состоянии крайнего напряжения, выделена грустно-лирическая стихия. Для стиля монологов-рассказов о прошлом, о несбывшемся семейном счастье Буслова характерна конкретно-бытовая, разговорная лексика: печь пироги; запекать оленину в сухарях; я дрова уходил колоть; отвлеченно-образные выражения: «А скрипка-то играла все слабей, точно повисела в сырости».

Книжные фразы обычно используются Бусловым с ироническим назначением. Так, вспоминая грустную историю измены жены, Буслов не без усмешки над своей судьбой рассказывает о том, что произошло с его любовью: «Ранса бросила консерваторию и поехала с ним... своею нежной лаской приукрашать его безрадостные дни».

В высказываниях о Гуге, который неприятен Буслову не столько как соперник, вставший на пути его семейного счастья, сколько всей никчемностью своего безвольного характера, необычная для стиля Буслова высокопарность придает сказанному насмешливо-иронический оттенок: «Я дрова уходил колоть, пока он ей там расписывал, каким манером должен мир процвести».

Монологи Буслова отличаются разнообразием интонационных средств. Сдержанно, без видимых эмоций повествует Буслов о своей неудачной любви. И только там, где речь заходит о Гуге, спокойствие изменяет ему. Появляется резкая интонация, бранные определения: «Жук, ублюдок жука, такие в мебели живут, с усами!!!». Откровения, вырванные из прошлого неумолимой памятью, стоят Буслову большого душевного напряжения. Тупая, сдерживаемая боль прорывается резким: «Эх, не скался, Илья! Тут про жизнь человека идет... Не скался...»; «Вы — мелочь, вот я ковырю вас словами, и вы безмолвствуете?», и совсем горькое: «Васка, поди, обними меня... Пожалей, Васка, Виктора Буслова».

В этой части монологов волнение героя, крайне нервное возбуждение подчеркнуты ремарками «шатко переходит к панино», «с маху бьет по клавишам», переданы многочисленными паузами, пропуском слов, в синтаксисе — обилием вопросительных и восклицательных предложений.

В диалогах с Райсой Буслов нарочито спокоен, хотя тлеет еще в сердце чувство к бывшей жене. Во время разговора он рассеянно-задумчив, не следит за ходом беседы и думает о своем. Отвлекаясь от темы, Буслов обращает внимание на такие детали, как новое колечко на руке жены: «Колечко-то уже после меня купи-

да?», и в задумчивости дважды повторяет уменьшительное *голубенькое, чудно голубенькое*. Эти слова в контексте с предшествующей фразой: «Не нравится мне твой муж, Ранса. Да, не нравится» — окончательно оформляют мнение Буслова о Гуге как о чем-то неопределенном, слащаво-мизерном.

Фраза в языке Буслова зачастую остро пожевична. Обычно это короткая реплика со смыслом, противоположным сказанному собеседником.

Ранса: ...Счастлива! Глупое слово для глупых и малых.

Буслов: Для сильных и смелых слово!

Когда Буслов волнуется, в его речи появляются ненужные, паразитические слова. Это чаще всего в разговоре с Рансой: извини; потом; по правде сказать; совсем; вообще; откровенно. Буслов способен и на злобную шутку, и на легкую беседу, и на остроумный сарказм. Имея такого противника, как Черваков, он вынужден все время быть готовым к словесной схватке. Буслов дает Червакову меткие характеристики конкретного и обобщенного свойства. В этих оценках преобладают такие слова, как *гъма, мрак*, наряду с прямыми *дурак, дрянь, злой*.

Буслов и Черваков совершенно по-разному оценивают унтиловское приволье. Если у одного преобладают умильные тона, красочно-отвлеченная образность, то другой, наоборот, обращает внимание на конкретные приметы Унтиловска, города «ссылного и заброшенного», где «дым и гарь», «топь и хлябь». Если для Червакова Унтиловск — олицетворение всего наилучшего, то для Буслова — это «гроб», «капля гнилой воды».

Один и тот же образ — унтиловского снега — у Червакова служит приметой приволья и красоты, а у Буслова воплощением неприглядного, замороженного унтиловского быта. Его раздражает глупое мещанское окружение. Купеческое словечко *пожалуйте* употребляется им в проницательном смысле, когда он встречает благопристойного пона Иону. Такого же стиливого назначения слова из религиозного словаря: *помилосердствуйте* в разговоре с тем же попом и *гради, гради* в юмористически-бытовом контексте, где речь идет о горе-женихе Илье Редкозубове. Резкие, точные определения бросает Буслов в лицо всему унтиловскому племени мещан: *мелочь, сутулое племя*. Буслов питает открытую ненависть ко всякой «отъездившей дрянки». Поэтому в его рассказе о прошлом много бранных выражений в адрес духовенства, типа *взлещивый старичок, дурашливый поп*.

У каждого персонажа Леонова есть свой «склад» речи, свои доминирующие стиливые качества, свои любимые словечки.

Буслов часто употребляет слово *еречь*, которое в его языке приобретает различные смысловые и экспрессивные оттенки. Во

время шашечной игры с Черваковым в ответ на реплику последнего: «А мы припррем в уголок», Буслов уверенно отвечает: «Ну-у, врешь, ускользну», где слово *врешь* употреблено в значении 'ошибаешься' и подчеркивает бесплодность черваковских ухищрений. Но вот Черваков начинает соблазнять Буслова Ваской, что тоже составляет часть его программы «обунтилования» Буслова: «И гонит его, напиток этот, солдатка одна с Коровьей улицы. Этакая смутьянская красавица...» — и Буслов загорается от таких речей: «Ну-у... Врешь!».

Стилю Буслова свойственна спокойно-размеренная манера. Когда он говорит о себе в третьем лице, это придает его речи театрально-патетическое звучание: «Ну, Буслова нельзя спонть. Буслов пил сам, потому что ему нравилось... и... потому что нужно было». Здесь предложение обретает распевность, создаваемую посредством однотипных придаточных с повторением *потому что* и перебивки слов паузами.

Но вот Буслов заговорил о талантливом ученике, украдкой нарисовавшем на старом пакете бегущего оленя, и речь его утрачивает спокойно-ритмический характер, приобретает ярко эмоциональную окраску.

Даже из этой лаконичной характеристики речевых особенностей двух персонажей пьесы «Унтиловск» видно, что Леонов уже в начале своего творчества выступил как великолепный мастер слова, раскрывающий посредством языка героев их психологию, привычки, отношение к жизни.

Кандидат филологических наук
Г. Н. ШЕГЛОВА

«Леонов умеет наградить каждого из своих героев прекрасно подчеркнутой индивидуальной речью. Это удастся далеко не каждому даже талантливому писателю. Из неисчерпаемого богатства нашего языка Леонов искусно умеет отобрать именно те слова, изобразительность и звучность которых особенно магически убедительна, и в книгах его почти нет лишних слов. Мастер своего дела, он, почти никогда не рассказывая, всегда изображает, пользуясь словом, как живописец краской»

М. Горький

К сожалению, я играла только в одной пьесе Леонида Максимовича Леонова — Марью Сергеевну в «Золотой карете». Я говорю «к сожалению» отнюдь не из вежливости. Меня крайне привлекает склад авторской мысли, который, вероятно, можно определить, как философскую поэзию или поэтическую философию. Образы его пьес, по-моему, привлекательны тем, что их можно слушать как бы «изнутри»: в каждом из героев собственный, выстроенный автором мир. К сожалению, «падает» в драматургии мастерство «второго плана» персонажа, то есть актера все чаще лишают сути его труда. Оттого так часто появляются в пьесах плоские характеры, благодаря пренебрежению к внутреннему, духовно-личному миру изображаемого лица. Леонов же доставляет актеру наслаждение многослойностью характеров своих героев.

Если говорить о роли председателя горсовета Марьи Сергеевны, которую довелось мне играть, то надо сказать, что она мне мила какой-то особой искренностью сердца, мужеством, прямоотой, а иногда даже и наивностью. Она из породы тех людей, что и Березкин, в роли которого есть удивительное по глубине выражение — «горький хлеб счастья». Я сама актриса и верю в справедливость этих слов. Наверное, они для меня и послужили тем внутренним, эмоциональным толчком, с которого начинается всякая роль. Дорог мне Леонов языком своих персонажей. Мне кажется, что язык этот где-то звучит во мне со времен детства, со времен бабушек и теток из северной деревни. Выпуклый язык!

ЧЕМ ДОРОГ МНЕ ЛЕОНОВ

Язык его несет мелодию, «напев», что всегда сопутствует языку подлинно народному.

Когда вышел спектакль «Золотая карета», некоторые меня спрашивали, почему я *так* разговариваю. Мне казалось, что не я разговариваю, а *это* написано у Леонова, и я всего лишь откликаюсь на это. Послушайте, какие есть фразы: «Какая ж я игуменья? У меня дочка на выданье, муж статный да веселый, в крытой пролетке езжу. Я королевой у вас живу». Она построена почти как сказ, и произносить ее радость. Или отвечаю Непряхину: «Ты просто смутил меня, Палисаныч. С детства, сам знаешь, не было ничего тайного в жизни моей».

Пропадать стал певучий народный язык. Ход цивилизации подравнял до «средне-арифметического» нашу каждодневную речь. И драгоценна не модернизация, которой чужд Леонов, а подлинность, лишенная внешней схожести с народной речью.

И до сих пор, по-моему, неувидаем смысл «Золотой кареты». Она о тех днях, которые требовали от человечества жизнестойкости, честности и главное — доброты, которая не имеет права исчезать за трудностями, как бы велики они ни были.

Твердо могу сказать, что актеры ждут от Леонида Максимовича Леонова новых пьес.

*Народная артистка РСФСР
лауреат Государственной премии
и премии имени К. С. Станиславского
Л. П. СУХАРЕВСКАЯ*

НЕ ПРОСТО ДЕТЕКТИВ

Роман Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны» по своим сюжетным особенностям можно отнести к жанру приключенческому. Советский разведчик под маской офицера СД действует в тылу фашистской Германии в период разгрома гитлеровского режима весной 1945 года.

Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидно, что роман во многом отступает от традиции приключенческих произведений: он не содержит «загадочности», характерной для большинства детективных повестей. С первых же страниц ясно, кто скрывается под личиной офицера СД Штирлица, в чем состоит разведывательная работа героя, кто — его единомышленники и помощники, а кто — враги. Повествование начинается главой, носящей название «Кто есть кто?», и уже тем самым автор как бы бросает вызов установившимся канонам детектива. И все-таки, прекрасно зная, «кто есть кто», читатель волнуется, радуется и сопереживает вместе с автором все события романа. Секрет этого скрывается в художественных особенностях, а совсем не во внешней занимательности произведения.

Напряженность создается прежде всего композицией: стремительное разворачивание действия подчеркивается соответствующим оглавлением: «12.2.1945 (19 часов 56 минут)», «16.2.1945 (03 часа 12 минут)», «17.3.1945 (22 часа 57 минут)» и т. д. Описание хронологически точных событий перемежается «Информацией к размышлению», главами, где даются характеристики деятелей западных государств Черчилля, Даллеса и фашистских лидеров Геббельса, Геринга, Шелленберга и др.

На Нюрнбергском процессе советский обвинитель Р. А. Руденко так охарактеризовал фашистских лидеров «третьего рейха»: «Политические авантюристы, не останавливавшиеся ни перед какими злодеяниями для достижения своих преступных целей, низкие демагоги, прикрывавшие свои разбойничьи планы лживыми идеями, палачи, убившие миллионы невинных, — они объединились в клику заговорщиков, захватили власть и превратили аппарат германского государства в орудие своих преступлений». Приведенная характеристика, одинаково справедливая для любого крупного деятеля фашистской Германии, в романе Семенова обретает всякий раз свою индивидуальность при обращении писателя к конкретному действующему лицу, будь то Гиммлер или Геббельс, Геринг или Борман, каждый из которых показан не только в политических событиях, но и в частной жизни. Художественная достоверность переплетается в романе с достоверностью исторической и определяет синтез художественного и публицистического стилей, придающий произведению гражданственный пафос.

Параллельные сведения о личной жизни заправил «третьего рейха» и о фактах общественно-политических создают своеобразный контраст, делающий персонажи почти гротескными. Сравним два контекста: в первом речь идет о Геббельсе, во втором — о Геринге [цитируется по изданию: «Подвиг». Приложение к журналу «Сельская молодежь». Т. 2. М., 1970].

Геббельс жил тогда на даче, но не с семьей, в большом доме, а в маленьком скромном коттеджике, построенном «для работы». Коттедж стоял воле озера, и ограду можно было обойти по камышам — воды там было по щиколотку, а пост охраны СС находился в стороне. Туда к нему приезжали актрисы: они ехали на электричке и шли пешком через лес; Геббельс считал чрезмерной роскошью, недостойной национал-социалиста, возить к себе женщин на машине... (В этом же коттедже Геббельс записывал указ, присланный ему из канцелярии Геринга, объявлявший берлинское гестапо

уничтожить в трехдневный срок шестьдесят тысяч евреев, работавших в промышленности; именно здесь он написал письмо Адольфу Розенбергу, предлагая уничтожить три миллиона человек вместо полутора миллионов, как было запланировано; именно здесь он подготовил план пропагандистской кампании по поводу уничтожения Ленинграда...).

Геббельс садился к роялю, а Геринг, Карина и Томас, ее сын от первого брака, пели народные песни: в доме лидера нацистов не переносили разнотактных ритмов американского или французского джаза.

Именно сюда, в особняк, снятый на деньги партии, пятого января 1931 года приехали Гитлер, Шахт и Тиссен. Именно этот шикарный особняк услышал слова сговора финансовых и промышленных воротил с лидером национал-социалистов Гитлером...

Сходство этих контекстов подтверждается использованием одинаковых языковых средств, единообразием синтаксических конструкций: именно здесь; именно сюда; именно этот.

Иногда публицистическая струя романа приобретает особенно сильное звучание: автор как бы суммирует конкретные штрихи и детали, подводит итог:

Стоит ли так восстанавливать против себя весь мир арестами служителей церкви? Так ли необходимы издевательства над коммунистами в концлагерях? Разумны ли массовые казни евреев? Оправдано ли варварское обращение с военнопленными — особенно русскими? — эти вопросы задавали друг другу не только рядовые сотрудники аппарата, но и руководители типа Шелленберга, а в последние дни — Мюллера. Но, задавая друг другу подобные вопросы, понимая, сколь пагубна политика Гитлера, они тем не менее этой пагубной политике служили аккуратно, исполнительно, а некоторые виртуозно и в высшей мере изобретательно. Они превращали идею фюрера и его ближайших помощников в реальную политику, в те зримые акции, по которым весь мир судил о рейхе.

Средствами художественного изображения Семенов претворяет одно из главных положений Нюрнбергского процесса: ответственность за злодеяния лежит и на тех, кто отдавал соответствующие распоряжения, и на тех, кто эти распоряжения выполнял. Неслучайно лица, стоящие на разных ступенях фашистской иерархии, при внешнем контрастном сопоставлении ставятся писателем в ситуацию, их уравнивающую:

На аэродроме Темпельхоф его (генерала Вольфа) ждали две машины: одна — тюремная, с бронированными дверцами и с тремя головорезами из охраны подземной тюрьмы гестапо, а в другой сидел бригаденфюрер СС, начальник политической разведки рейха Вальтер Шелленберг. И к трапу самолета шли три головореза в черном, с дегенеративными лицами рядом с интеллигентным, красивым, одетым для этого случая в щегольскую генеральскую форму Шелленбергом.

Если обобщение находит наиболее непосредственное выражение в авторской речи, то сюжетный стержень держится прежде всего на диалоге. Диалог движет развитием действия и обычно определяет ход повествования; в диалоге раскрывается внутренняя сущность действующего лица. Приведем отрывок, где говорится о допросе советской разведчицы, радистки Кэт, гестаповцем Рольфом:

Солдат взял ребенка и хотел уйти, но Рольф остановил его:

— Не уходи. Она сейчас очнется, и я буду продолжать... Барбара, пожалуйста, принесите воды. Ей и мне. И сердечные капли.

— Сколько ей надо капать?

— Не ей, а мне.

— Хорошо. Сколько?

— Откуда я знаю?! Десять. Или тридцать...

Он опустился на корточки перед Кэт и пошлепал ее по щекам.

— Долго это у них продолжается? — спросил Рольф Гельмута.

— Сколько бы времени это продолжалось с вашей матерью?

— Да... С моей матерью... Эти сволочи хотят быть чистенькими, а мне поручают гнусность...

Да, Рольф прекрасно сознает, что совершает гнусность, угрожая Кэт убийством ее новорожденного ребенка, он даже просит сердечные капли. Но как раз Рольф — один из тех, кто исполнительно и виртуозно служил политике Гитлера. Автор не останавливается на внутренних переживаниях действующего лица — он дает их почувствовать через реплику.

Тот же прием используется и в отношении эпизодических персонажей, не принимающих активного участия в развитии действия. У акушерки, присутствующей при родах Кэт, нет сомнения, что о странной пациентке, которая во время родов кричала на каком-то славянском языке, необходимо сообщить в гестапо. Это для нее само собой разумеющееся: «Смотрите, какой роскошный карапуз — не меньше пяти килограммов. Просто красавец...». И сразу же: «— Вы позвоните в гестапо или попозже позвоню я? — Позвоните вы, — ответил доктор, — только попозже». Здесь ничего не говорится о настроении доктора, но его ответ достаточно красноречив: он не в силах противодействовать неизбежному, но хочет по возможности хотя бы оттянуть это страшное неизбежное.

Столь же немногословен автор и в описании внешности действующих лиц: «портрет» в общепринятом смысле слова в романе почти отсутствует. Семенов дает лишь отдельные детали, причем приводятся они обычно через реплику. О Штирлице: «Тебе снятся мои седины..?»; или

о Кэт: «— Если бы не моя грива — мальчика не было б вовсе. Грива приняла на себя первый удар этой стальной балки. — У вас не грива. У вас роскошные волосы».

Порой отдельная деталь дается ощутимо, зримо, но не непосредственно от автора, а от лица героя произведения — Штирлица: «И как дьявольское наваждение отгонял от себя долгие недели после этого фотографически точное цветовое восприятие лица Гимmlера. Веснушки у него были размыто-желтыми на щеках и возле висков и четко-коричневыми около левого уха, а на шее — черными, пупырчатыми» (речь идет о том эпизоде, когда Штирлиц был одним из сопровождающих Гимmlера в инспекционной поездке по концлагерям советских военнопленных). Нет подробного описания концлагеря и авторской оценки описываемого; автор скупко констатирует: «Русские пленные лежали на земле — живые рядом с мертвыми. Это были скелеты, живые скелеты».

Авторская оценка отдельных лиц и событий передается в романе через восприятие героя. То, что автор только отмечает как факт, получает соответствующую характеристику в речи Штирлица:

Он просил разговора наедине, — сказал адъютант с той долей многозначительности, которая делает его работу столь загадочной для окружающих.

Я всегда жалею адъютантов, — сказал Штирлиц, — им постоянно нужно сохранять многозначительность: иначе люди поймут их ненужность.

Оркестр американца Глена Миллера играл композицию из «Серенады Солнечной долины». Этот фильм понравился Гимmlеру, и в Швеции была закуплена одна копия. С тех пор ленту довольно часто смотрели в подвале на Принцальбрехтштрассе, особенно во время ночных бомбежек, когда нельзя было допрашивать арестованных.

— Будет вам, профессор... Взабесившийся маньяк подставил голы миллионеров под бомбы, а сам сидит... в безопасном месте и смотрит кинокартины вместе со своей бандой...

Штирлиц, он же Максим Максимович Исаев, наделен типичными для советского разведчика чертами характера: он мужествен, умен и проницателен, предельно выдержан и хладнокровен. Трафарет? Но ведь это не только, так сказать, личные качества, но и профессиональные. Писатель не декларирует характер Исаева, он показывает его в действии; указанные качества не описываются, а раскрываются самим сюжетным развитием повествования. Исаев не одинок: ему помогают не только его соратники

Кэт и Эрвин, но и немцы — пастор Шлаг, профессор Плейшнер. Это немцы той Германии, которая близка и дорога Исаеву. Данный мотив неоднократно повторяется в романе, каждый раз облекаясь в иную форму. Иногда автор прибегает к приему внутреннего монолога:

Он вдруг поймал себя на том, что подумал о немцах и о Германии как о своей нации и как о своей стране. «А иначе мне нельзя. Если бы я отделил себя, то наверняка уже давным-давно провалился. Парадокс, видимо: я люблю этот народ и люблю эту страну. А может быть, действительно гитлеры приходят и уходят?».

В другом случае происходит полное переключение на голос автора:

...Штирлиц понял, что им овладела иная ненависть к этому государству — не та, что была раньше, а яростная, подчас слепая. В подошвке этой ненависти была любовь к народу, к немцам, среди которых он прожил эти долгие двенадцать лет.

В третьем случае автор прибегает к ассоциативной связи через пейзаж, напоминающий Исаеву его родину:

Потом Штирлиц понял, что его тянуло именно к этому маленькому озеру, оттого что вырос он на Волге, возле Гороховца, где были точно такие же желто-голубые сосны, и белый песок, и черные озера в чащобе, прораставшие к середине лета зеленью.

Гибкость стиливой манеры автора, сказывающаяся и в умелом монтаже документальных текстов, и в искусном построении диалога, и в интересном композиционном использовании пейзажа, совмещается со злоупотреблением одним и тем же приемом: аналогией с актерской игрой. Этот прием наблюдается и применительно к провокатору Клаусу: «Его глаза лучились добротой и мужеством, — он уже вошел в роль, которую ему предстояло сыграть», и по отношению к эсэсовскому генералу Крюгеру: «Но он обязан был сыграть целую гамму чувств: за пятнадцать лет пребывания в СС и в партии он научился актерству»; особенно назойливо применительно к Штирлицу: «Штирлиц... подолгу простаивал возле зеркала в ванной, тренируя лицо, словно актер»; «Разведчик... должен быть человеком бесконечно эмоциональным, даже чувственным — сродни актеру»; «Настоящий разведчик сродни актеру или писателю».

Анализ художественных особенностей романа Семенова «Семнадцать мгновений весны» показывает, что это произведение нельзя определить как «просто» детектив. В то же время оно может служить примером избыточности жанровых ограничений, свойственных приключенческой литературе.

Кандидат филологических наук

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

Рисунок Б. Захарова

СКОРАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

В январе 1968 года в газете «Правда» и в ряде ленинградских газет можно было прочитать, что в Ленинграде появился новый вид помощи — «Скорая лингвистическая». «Она приходит на выручку, когда нужен срочный совет по тому или иному спорному вопросу письма и речи. Справку по телефону каждый может получить от сотрудников Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР» («Правда», 12 января 1968).

Вот уже в течение шести лет за помощью в «Скорую лингвистическую» обращаются люди различных возрастов и специальностей: работники издательств и канцелярий, машинистки, художники-оформители, корреспонденты газет, радио и телевидения, пенсионеры, учителя и школьники.

Вопросы, на которые отвечает информационная служба русского языка, можно разделить на несколько групп: орфографические — касающиеся написания слов; пунктуационные — связанные с расстановкой знаков препинания; семантические — касающиеся значений слов; стилистические — относящиеся к правилам употребления слов и выражений в тексте; орфоэпические — вопросы о нормах произношения и ударения; графические — имеющие отношение к оформлению различных документов и, наконец, вопросы, никакого отношения к русскому языку не имеющие, скажем: С какого вокзала идет поезд в Гродно? или Где можно прочитать про пионеров Болгарии? Понятно, что «Скорая лингвистическая» на подобные вопросы, к сожалению, не столь редкие, ответов не дает. К этой же группе относятся и вопросы поклонников кроссвордов и школьников — любителей быстро и без затраты усилий приготовить домашнее задание. И разгадывание кроссвордов и приготовление уроков — дела, требующие самостоятельности.

На все остальные вопросы «Скорая лингвистическая» считает своим долгом отвечать или, в трудных случаях, искать ответы.

Подобная оговорка необходима, потому что сложности в работе информационной службы встречаются постоянно. Вот некоторые из них: противоречивые рекомендации различных справочников; расхождения предписаний пособий с практикой употребления или преподавания языка; новые слова и термины, значения которых еще не зафиксировано в словарях или карточках; отсутствие инструкций по графическому оформлению документов и т. д.

Но в количественном отношении подобные сложные вопросы значительно уступают простейшим, элементарным, ответ на которые можно найти в любом орфографическом или толковом словаре. Действительно, хоть и могут возникнуть сомнения в написании слов *эксплуатация, диаграммный, задолженность, прийти*, однако эти сомнения можно сразу же рассеять, заглянув в орфографический словарь (будь он под рукой), а значения слов *корифей, донкихотствовать, кат, сомнамбула* — в толковый словарь. Беда в том, что «под рукой» подобных изданий у спрашивающих нет, и первый вывод, который можно сделать, анализируя работу службы русского языка: слишком мало у нас издается словарей, да и неважно поставлена их пропаганда.

Разъясняя принципы русской орфографии и пунктуации, объясняя значения слов, рекомендуя какое-либо словопотребление или вариант написания, служба русского языка накапливает интересный лингвистический материал, вырабатывает единый принцип подхода к трудным или спорным случаям написания или произношения. Материалы «Скорой лингвистической» дают возможность не только выявить типичные трудности русской орфографии и орфоэпии, но и позволяют отметить просчеты в системе школьного обучения русскому языку, недостатки в пропаганде культуры речи, проследить социально-индивидуальное отношение к определенным явлениям языка. С некоторыми вопросами и их решением в «Скорой лингвистической» мы хотим познакомить читателей «Русской речи».

СКЛОНЯЮТСЯ ЛИ ФАМИЛИИ НА -КО?

«Скорой лингвистической» очень часто задают вопрос: склоняются ли украинские фамилии на -ко? На него не так просто ответить, как может показаться. Вот, например, какие рекомендации содержатся в трех авторитетных изданиях.

«Грамматика русского языка» (1952) относит украинские фамилии на безударное *о* к группе несклоняемых существительных,

но сопровождается свое утверждение примечанием, которое практически сводит на нет категоричность первой рекомендации: «Примечание. Мужские фамилии на *-енко* могут склоняться как существительные женского рода: Шевченко, Шевченки, Шевченке, Шевченко, Шевченкой, о Шевченке».

«Справочная книга корректора» (1960) К. И. Былинского и А. Н. Жилина утверждает, что фамилии на безударное *о* склоняются. Авторы справочника допускают несклоняемость фамилии на безударное *е*, если «ее сопровождает имя существительное, обозначающее родовое понятие», хотя и в этом случае они рекомендуют фамилию склонять: к поэту Шевченке.

В «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя (1967) практически только фиксируется сложившееся положение, когда «украинские фамилии на *-ко* (*-енко*) в художественной литературе обычно склоняются, хотя и по разному типу склонения... а в современной печати такие фамилии, как правило, не склоняются». Д. Э. Розенталь отмечает, что в некоторых случаях их изменимость целесообразна для внесения в текст ясности: письмо В. Г. Короленко — письмо В. Г. Короленке.

Все три издания отрицают склонение фамилий на подударное *-ко* (типа *Бринько*) и имеют разные точки зрения на склонение фамилий на *-ко*, находящееся не под ударением. К тому же расплывчатость формулировок („как правило“, „в большинстве случаев“ и т. п.) не может помочь при ответе на многочисленные конкретные вопросы: Как писать на конверте — Демченко Петру Степановичу или Демченке Петру Степановичу? Как писать в приказе — разрешить Наливайко А. А. трехдневный отпуск или Наливайке А. А.? Подходят ли данные случаи под правило склонения или их следует рассматривать как исключения? И что в таком случае считать правилом?

В современном русском языке, как показали авторы исследования «Русский язык и советское общество» (1968), наблюдается усиление процесса аналитизма, в частности падежное значение слова все чаще передается не с помощью падежного окончания этого слова, а другими словами из его окружения. На падеж слова может указывать: управляющее слово (гордимся *чем?* метро), предлог (с *нальто* на руках), согласующееся слово (успехи советского кино). Отсутствие падежных окончаний в фамилиях на *-ко* отвечает этой тенденции современного русского языка, что подтверждается и современным словоупотреблением: «Присудить Государственные премии СССР 1972 года... Зиненко Георгию Даниловичу... Муравленко Виктору Ивановичу... Бондаренко Евгению Степановичу... Петерайченко Ивану Моисеевичу» («Правда», 7 ноября 1972); «Весь день понадобился саперам — лейтенантам

Ю. П. Сурегяну, А. Н. Титаренко, старшему сержанту В. М. Агафонову, сержанту А. А. Киселеву, чтобы извлечь из земли пригвазданную смерть» («Труд», 8 декабря 1972).

Во всех приведенных примерах ошибки в определении надежды произойти не может, потому что на него указывает контекст.

Однако бывают случаи, когда недостаточное словесное окружение или синтаксическая неопределенность в управлении не передает нужного надежного значения слова. Если во фразе «Он написал письмо Петренко» не требуется каких-либо указаний на падеж фамилии, ибо он очевиден (написал кому? Петренко), то во фразе «Там лежит письмо Нестеренко» определить падеж фамилии вне конкретной речевой ситуации невозможно (письмо кому? или кого?). В таких случаях можно употребить фамилию с соответствующим падежным окончанием — «письмо Нестеренки» или «письмо Нестеренке», но можно сохранить и несклоняемость фамилии, прибегнув к сочетанию ее с именем или нарицательным существительным: «Там лежит письмо Бориса Нестеренко» или «Там лежит письмо инженеру Нестеренко».

Таким образом, принципиально признавая, что фамилии на -ко обладают свойством изменяться по падежам, сотрудники информационной службы, как правило, рекомендуют подобные фамилии не склонять. Отсутствие падежных окончаний у фамилий на -ко не мешает пониманию текстов, потому что в них синтаксическими различными способами указывается на соответствующий падеж.

Н. В. СОЛОВЬЕВ

СЛУЖБА ЯЗЫКА

Более десяти лет работает в Институте русского языка АН СССР телефонная справочная служба по русскому языку, или, как у нас ее называют, служба языка. Она пользуется широкой известностью не только среди москвичей. В службу звонят из других городов и даже республик, обращаются за справками лингвистического характера сотрудники различных министерств и ведомств, ВЦСПС, издательства и редакций. Звонят писатели, учителя, врачи, инженеры, артисты, машинистки, редакторы, корректоры, переводчики... Часто службу языка называют «Скорой лингвистической помощью». Вряд ли такое название всегда может быть оправдано. Так, вопрос одного из артистов Московского те-

атра сатиры о значении ряда диалектных слов (он готовил для концертного исполнения отрывок из произведения В. И. Белова «Бухтины вологодские») потребовал не только длительной работы с диалектными словарями, но и консультации с диалектологами.

Очень часто в имеющихся в распоряжении службы материалах невозможно найти ответа, и, чтобы правильно и полно ответить на заданный вопрос, дежурный службы языка отправляется за консультацией к специалистам. В отдельных случаях приходится искать ответ в специальной литературе, тогда нашим абонентам предлагается прислать в Институт русского языка письмо и получить ответ научного сотрудника, компетентного в данном вопросе, уже в письменном виде.

Не всегда вопросы отвечают прямому назначению службы языка. Студентка педагогического института просила порекомендовать ей литературу по теме ее курсовой работы. Других интересует, какой буквой обозначается длина волны, кто из иностранных писателей первый придумал *блокнот*. Читают строки из стихотворений и просят назвать автора.

Телефонная справочная служба нужна многим. Однако не все относятся к ней с должным уважением. Нередко задаются вопросы, которые говорят лишь о том, что человеку не хочется самому заглянуть в словарь, в учебник для средней школы. А из-за этого сотрудники какой-нибудь редакции или учреждения не могут своевременно выяснить сложный вопрос, по-разному истолкованный в различных пособиях. Бывает случаи, когда, не доверяя ответу дежурного по телефонной справочной службе или ожидая услышать другой ответ, звонят с одним и тем же вопросом по несколько раз. Но, к счастью, такие случаи сравнительно редки.

Осложняет работу справочной службы недостаточное количество словарей и справочников. Серьезным подспорьем для службы языка стали новые пособия: вышедший из печати в 1972 году словарь-справочник «Слитно или раздельно?», составленный сотрудниками Сектора культуры русской речи Института русского языка Б. З. Букчиной, Л. П. Калакуцкой и Л. К. Чельцовой, десятое издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, работа К. С. Горбачевича «Изменение норм русского литературного языка» и журнал «Русская речь». А в конце 1973 года на столе дежурного по службе языка появились еще два словаря: словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка», составленный ленинградскими лингвистами К. С. Горбачевичем, Г. А. Качевской, А. М. Невжинской и другими, «Энциклопедический словарь географических названий» под редакцией С. В. Калесника.

Готовится к печати книга, которая ответит на множество вопросов,— «Грамматическая правильность русской речи. Словарь грамматических вариантов» Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской. Уже сейчас дежурные по службе языка часто пользуются материалами и консультациями составителей этого словаря.

Все вопросы, которые задают по телефону справочной службы, фиксируются в специальном журнале, а затем группируются по темам. Часто в журнал заглядывают сотрудники Сектора культуры русской речи. Просматривая вопросы, составители справочника «Слитно или раздельно?» находят материал, не вошедший в словарь, орфографисты — новые слова, правописание которых интересует многих, слова, не вошедшие еще даже в словарь «Новые слова и значения», не говоря уже об орфографическом; сотрудники, занимающиеся ономастикой, пополняют картотеку собственных имен.

УДАРЕНИЯ В НЕРУССКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ

Как служба языка решает некоторые сложные и спорные вопросы? Разберем один из них — вопрос об ударении в ряде нерусских географических названий: Ланкастер, Ливерпуль, Манчестер, Линкольн (города в странах английского языка) и Ланкашир (графство в Великобритании).

Ударение в этих географических названиях проверялось по второму изданию Большой Советской Энциклопедии и трем словарям: «Краткому топонимическому словарю» В. А. Никонова (1966), «Словарю ударений для работников радио и телевидения» (1967) и «Энциклопедическому словарю географических названий» под редакцией С. В. Калесника (1973).

Для наглядности составим таблицу. В столбце 1 приводятся слова, выписанные из Большой Советской Энциклопедии, в столбце 2 — из «Краткого топонимического словаря», в столбце 3 — из «Словаря ударений для работников радио и телевидения», а в 4 — из «Энциклопедического словаря географических названий».

1	2	3	4
Ланкастер	Ланкастер	Ланкастер	-----
Ланкашир	Ланкашир	Ланкашир	-----
Ливерпуль	Ливерпу́ль	Ливерпу́ль	Ливерпу́ль
Манчестер	Манчестер	Манчестер	Манчестер
Линкольн	Линкольн	Линко́льн	Линко́льн

Как видим, ударения, рекомендованные Большой Советской Энциклопедией, полностью отличаются от ударений, приведенных

в «Словаре ударений для работников радио и телевидения», и только частично от тех, которые даются «Кратким топонимическим словарем».

Если мы откроем «Англо-русский словарь» В. К. Мюллера, изданный приблизительно в то же время (1955), что и Большая Советская Энциклопедия, то увидим, что в нем приводятся оба варианта ударения в этих географических названиях: Ланкаши́р, Ланка́стер, Ливерпу́ль, Манчэ́стер, но Линко́льн.

Долгое время у нас пользовались ударением, более свойственным русскому языку: Ланка́стер, Ланкаши́р, Ливерпу́ль, Манчэ́стер, Линко́льн, что отражено в «Словаре ударений для работников радио и телевидения». Однако в последние десятилетия началось сближение русского произношения нерусских географических названий с их «национальным звучанием».

Именно этим и объясняется наличие различных вариантов в разных словарях. Мы рекомендуем придерживаться новой, на наш взгляд, прогрессивной тенденции — произносить географические названия с ударением, соответствующим национальному: Ланка́стер, Ланкаши́р, Ливерпу́ль, Манчэ́стер, Линко́льн.

*Научный сотрудник
Института русского языка АН СССР
Л. Н. КУЗНЕЦОВА*

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ ПУШКИНА

Пушкин... кончил тем, что оставил сам образцы, равные образцам литератур зрелых, образцы, совершенные по форме и самобытному, чисто народному содержанию...

Он... заставлял каждого быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским.

А. Н. Островский. Застольное слово о Пушкине

Многие из современников Пушкина владели словом почти так же искусно, так же легко, как он, но никто из них не мог соединить в стихе простоты и ясности слова с музыкой его, никто из предшественников и современников его не мог возвыситься до таких стихов, какими написан, напр. «Пророк»...

М. Горький. История русской литературы

Молодой Пушкин черпает золотым ковшом народную речь, еще не остывшую от пушечного пожара.

А. Н. Толстой. О драматургии

СУДЬБЫ ВЕРШИТЬ СУДЬБАМИ

В Институт русского языка АН СССР и редакцию газеты «Неделя» обратился ленинградец Б. В. Кетриц. Вот что он пишет в своем письме: «После прочтения заметки Б. Палацкина „Какао и пантера“ в газете „Неделя“ (1973, № 39) мне захотелось высказать критическое замечание по поводу, как мне представляется, абсолютно неправомерного выражения, употребленного в этой заметке, звучащего не по-русски — „вершили судьбой“... Мне думается, что если автор, в силу каких-то причин, ошибся, употребив несоответствующий падеж, то уж редакционным корректорам надо было заметить эту ошибку и исправить ее. Правильным, по мнению оппонента «Недели», является конструкция с винительным, а не с творительным падежом: *вершить что* (судьбу, судьбы), а не *вершить чем* (судьбой, судьбами).

Вопрос, поставленный в письме, представляется интересным и существенным с точки зрения современной литературной нормы и общей эволюции форм грамматического управления в русском языке. Особенно важно попытаться установить причины, приведшие сначала к вариантности, а затем — к постепенной замене конструкции *вершить что* сочетанием *вершить чем*.

Судя по словарям и текстам различного жанра, в XVIII веке глагол *вершить* употреблялся лишь в одном значении: «оканчивать, приводить к конечному решению; совершать». Этот переходный глагол имел тогда единственную форму управления винительным падежом (*вершить что*) и сочетался с ограниченным кругом семантически близких слов (дело, суд, судебное дело и т. п.). У Карамзина: «Чиновники вершили все дела независимо». Почти во всех словарях XVIII—XIX веков в качестве типичного образца употребления данного глагола приводится одна и та же словесная формула: *вершить судебные дела*.

Девятнадцатый век не внес в судьбу этого слова существенных перемен. Значительно расширяется сфера сочетания глагола *вершить* в XX веке. Помимо прежних существительных *дело, суд*, он

все «охотнее» образует сочетания и со словами *судьба, история, подвиг*: «Иногда в нем пробуждалось любопытство, что же это за люди вершат его судьбу» (Фадеев. Молодая гвардия).

**Геройский подвиг трудовой
Народ страны вершит..**

Ж а р о в. Дед Мороз

Как видно из приведенных примеров, глагол *вершить*, употребляясь в значении 'совершать; разрешать', и сейчас сохраняет прежнее, исконное управление винительным падежом.

Однако расширение сферы сочетаемости слова не прошло бесследно. Как это обычно случается в языке, под влиянием внешнего окружения, «новых соседей» глагол *вершить* постепенно стал приобретать другой смысловой оттенок: 'распоряжаться, управлять'. Вот в это-то время и вступила в действие, пожалуй, самая могучая пружина языковых изменений — закон аналогии. Получив новое значение, глагол *вершить* оказался синонимичным глаголам *распоряжаться, управлять* и по аналогии перенял у них управление творительным падежом. Так возникла вариантность в формах управления у глагола *вершить*: традиционное *вершить что* и новое *вершить чем*. Вот лишь некоторые примеры употребления этого слова с новой зависимой формой: «Те же угнетатели, что и при короле, будут вершить судьбами всех, кто работает» (Кольцов. Испанская война); «У Трумэна нет никаких резко выраженных черт, присущих гению. До настоящего времени, когда он вдруг оказался на авансцене как член „большой тройки“, которая вершит судьбами всего мира, вся его карьера состояла из медленного и постепенного продвижения» (Шолохов. Не уйти палачам от суда народов); «— Мужского населения нехватка, что ли?— Мужиков достаточно. Но местная власть из женщин. Вершат делами» (Фесенко. Дубровские вершительницы); «Ну, как тут не бояться Мухи?.. А Льву и невдомек, что Муха так сильна, Что перед ней все лезут вон из кожи И что она В его прихожей Делами львиными подчас вершит одна!» (Михалков. Лев и Муха). Сравните: «Он богат своей свободой И сознанием того, Что от имени народа Он вершит судьбу его!» (Михалков. Быль).

Новая форма управления (вершить чем) узаконена теперь в словарях. Более того, она постепенно вытесняет старую (вершить что). Уже в Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова управление винительным падежом у глагола *вершить* признается устарелым. В качестве нормы Словарь Д. Н. Ушакова приводит речение «Вершить всеми делами». Правомочность употребления творительного падежа существительного при глаголе *вершить* (вершить чем) подтверждается и другими современными словарями: академическим 4-томным Словарем русского языка и Словарем русского

языка С. И. Ожегова (9-е изд.). Нормативным сочетанием нашего времени оба эти словаря признают выражение *вершить судьбами*.

Итак, норма современного русского литературного языка допускает у глагола *вершить* управление творительным падежом. Остается выяснить еще два обстоятельства: во-первых, не несут ли конструкции с глаголом *вершить* какой-либо стилистической или экспрессивной нагрузки и, во-вторых, насколько типично для русского языка такое преобразование формы управления.

Как уже отмечалось, словосочетания *вершить судьбы* или *вершить судьбами* возникли в общелитературном употреблении на основе формулы официальной речи: *вершить судебное дело*. В современном языке для этих сочетаний характерно стремление как бы к полярным ярусам: высокая, торжественная речь или шутливое, ироническое употребление (см. приведенные выше примеры из басни и стихотворения С. Михалкова). Экспрессивно-оценочная поляризация особенно ощутима у производного существительного *вершитель*, которое встречается как в высокой, торжественной речи: «Широко и крупно шагает по земле рабочий человек — вершитель Истории» («Известия», 17 апреля 1970), так и в шутливой, иронической: «— Вы пробовали с кем-нибудь говорить, Дмитрий Ильич?— Пробовал.— С кем?— С вершителем. Одним из главных столпов» (Первенцев. Остров надежды); «Мы чувствовали себя вершителями мировых судеб, и никакие мелкие соблазны, никакая суетность, ничто не могло нас поколебать. Мне тогда еще двадцати не исполнилось» (Горышин. До полудня).

Образование новой формы управления под влиянием аналогии и возникновение вариантности в управлении — распространенный факт современной речи. Уподобление синтаксических свойств слов в результате их смыслового сближения коснулось многих слов русского языка. Так, глагол *поражаться* в прошлом управлял творительным падежом: *поражаться успехом*. Под влиянием синонимичных слов (*изумляться*, *удивляться*) у него развилось управление и дательным падежом: *поражаться успеху*.

Значительный материал, касающийся новых форм управления, собран в книге Н. Ю. Шведовой «Активные процессы в современном русском синтаксисе» (М., 1966).

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ ПУШКИНА

Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его.

М. Г о р ь к и й. О том, как я учился писать.

СТЕКЛ ОЛОВ ЯННЫЙ ДЕРЕВ

Нет, пожалуй, ни одного человека, изучавшего русскую орфографию, который бы на всю жизнь не уяснил это странное исключение из правил: «Прилагательные *стеклянный, деревянный, оловянный* пишутся с двойным *н*». Станным оно кажется потому, что в других отыменных прилагательных с суффиксом *-ян-* правило требует одного *н*: *кожа — кожаный, земля — земляной, лед — ледяной*. А вот в суффиксе *-енн-*, наоборот, два *н*: *солома — соломенный, клюква — клюквенный*.

Вопрос еще больше усложняется, если эти образования рассматривать не отдельно друг от друга, а на фоне других суффиксальных имен.

В словах *кожаный* и *деревянный* *н* и *ни* одинаково входят в состав суффикса. Написание *ни* в прилагательном *деревянный* не разделено морфологической границей на два *н*: *н + н*, как в словах *страна — иностранный, стена — стенной, конь — конный*, где два *н* относятся к разным морфемам (к корню *кон-* и к суффиксу *-н-*).

Дело в том, что морфологическая граница с течением времени может изменяться, и тогда для отдельных слов трудно определить их состав. В конце прошлого века академики Я. К. Грот и А. И. Соболевский бурно обсуждали вопрос о том, как писать, например, слова *гостинный* и *гостинница*. Создатель русской орфографической системы Я. К. Грот полагал, что в слове *гостинница* произносятся два *н*, но писать все равно нужно только одно: *гостинный, гостинница*, как *орлиный, львиный*. Его оппонент возражал: нет, писать нужно *гостинный*, потому что это слово входит в один ряд со словами *старинный, половинный*; тем не менее *гостинницу* можно оставить и с одним *н*, поскольку нет ведь слов *старинница, половинница*. Это

очень важный, принципиальный спор, две точки зрения, которые в наше время, однако, уже не воспринимаются как взаимоисключающие.

Обоих ученых объединяет равнодушие к произношению, их интересует не фонетика: не важно, как произносим, важно лишь, чтобы на письме морфологически самостоятельные части слова обязательно выделялись зрительно. В основе русской орфографической системы лежит морфологический принцип (единство в передаче всех вариантов данной морфемы), следовательно, во всех случаях обязательно нужно передавать на письме морфему, в данном случае суффикс *-н-*.

Расхождение начинается со сложных случаев типа *гостиница*. Для специалиста по истории русского языка А. И. Соболевского слово *гостинный* входило в ряд образований от существительных с суффиксом *-ина-* (*гостина*, как *старина*, *половина*, поэтому *гостин-ная*, *старин-ная*, *половин-ная*). Я. К. Гроту же были интересны только современные для него живые словообразовательные связи. Поскольку из языка исчезло слово *гостина*, то и в производном от него *гостиница* нет другого *н*, а само прилагательное сближается с *орлиный*, *львиный*. Составители орфографических комментариев пишут, например, что в словах *юный*, *конопленный* слышится два *н*, но писать нужно одно («Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии». М., 1965). На самом же деле это всего лишь заблуждение, основанное на смешении разных суффиксальных слов: *юнный* по аналогии со *старинный*, а *конопленный* по аналогии с *деревянный* иногда понимаются как прилагательные с суффиксом *-н-*: *юн-* (корень) + *-н-* (суффикс) + *-ый* (окончание) или *коноп-* + *-ян-* + *-н-* + *-ый*.

Вторая трудность вытекает из предыдущей. Устанавливая правила письма, мы не имеем права ориентироваться на произношение. Орфографическое правило — закон, обязательный для всех, и нарушать его нельзя. А якобы двойное *н* в произношении чаще всего только «впечатление» двойного *н*, точные фонетические исследования показывают, что даже в словах типа *стеклянный* более привычно произношение с одним *н*.

Только ли теперь? Оказывается, нет. Тот же Я. К. Грот сообщает, что в его время, в середине прошлого века, это слово произносили и писали с одним *н*: *стеклянный*. С течением времени изменяется не только морфологическая граница, но и фонетический состав слова.

Вот почему и сто лет назад В. И. Даль и Я. К. Грот, и пятьдесят лет назад Н. Н. Дурново — очень чуткие наблюдатели русской речи — говорили, что в сложных случаях письма нужно «держаться произношения»: *деревянный*, *алюминный*, но обязательно — *стек-*

ляный. В их время такое расхождение определялось произношением. Если ударение приходилось на предпоследний слог, то произносилось (и писалось) два *н*; в остальных случаях могли возникнуть колебания, появились слова *деревянный*, *оловянный* и *серебрянный* при *серебряный*, *стеклянный* при *стекляной*. А может быть, это не разное произношение одного и того же слова, а разные слова: *серебрянный* и *серебряный*?

Ведь в данном случае играет роль еще одно немаловажное обстоятельство, связанное с ударением. Суффикс *-енн-* возможен только тогда, когда ударение приходится на корень: *солбо́енный*. Прилагательные же на *-ан-* (*-ян-*) возможны с ударением и на корне (*кожа́ный*) и на окончании (*земляно́й*). А вот наши исключения *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный* всегда несут ударение на суффиксе. Не в этом ли отличии и заключается секрет их орфографии?

Когда-то ударение имело не только морфологическое значение, но и сохраняло еще свои чисто фонетические свойства, регулировало произношение слова (*во́ды*, *вада́*, *выде́ной* — *во́ды*, *во́да*, *во́дяной*).

Ощущалась исходная разница между *оловянный* и *деревянный* — с одной стороны, и *стеклянный* — с другой. Возникла же эта разница таким образом. Первоначально в древнем славянском языке все отыменные прилагательные образовывались с помощью суффикса *-ан-* (*-ян-*), но при этом получали различное ударение.

Если существительное имело постоянное ударение на корне — прилагательное всегда сохраняло такое ударение: *ко́жа*, *ко́жи*, *ко́жу*, множественное число *ко́жи*, поэтому и *ко́жаный*. Если существительное имело постоянное ударение на окончании — прилагательное всегда сохраняло ударение на суффиксе: *сте́кло*, *сте́кла*, *сте́клу*, множественное число *сте́кла*, поэтому и *сте́клый*.

Если ударение в именах существительных было подвижным, при склонении переходило с начала на конец слова, образованное от него прилагательное получало окончательное ударение: *де́рево*, *де́рева*, множественное число *дерева́*, *дерева́м*, поэтому *дерева́ной* (или с церковнославянской формой корня — *древяно́й*).

И уже от этих суффиксальных прилагательных могли возникать новые формы, с дополнительным суффиксом *-енн-* (наш новый суффикс *-н-*). Образовывались эти усложненные прилагательные по тем же законам ударения, поэтому для первых двух типов ударение оставалось на старом месте: *ко́жаный* и *ко́жаный*, *сте́клый* и *сте́клый*, а в третьем типе прилагательных оказалось различным: *дерева́ной*, *оловяно́й*, но *дерева́нный*, *оловя́нный*. По указанному выше акцентному правилу здесь должно было образовываться ударение *дерева́нный*, *оловя́нный*, однако в связи

с исчезновением сверхкраткого звука *ь* (см.: «Русская речь», 1968, № 5) ударение перешло на предшествующий слог и здесь закрепились, возникли новые слова *деревянный* и *оловянный*.

Как только это произошло, начались колебания между равными видами одного и того же прилагательного, но только в третьей группе слов, в тех самых, которые восходят к «подвижным» производящим корням. Такие колебания широко отражены в русских рукописях XVI—XVIII веков. Тогда встречались, например, такие формы: в списках Домостроя *древянобе*, *древяные*, но *деревянное*; в списках Лечебника *древянное*, *древянное*, *деревянными*, но в *мысль* *древянными*. Как самостоятельные слова они различались и значением. В Лечебнике: *древянное листие* — листья на дереве, *масло деревянобе* — сделанное из древесного сока масло.

К началу XIX века все эти колебания несколько упорядочились: для третьей акцентной группы прилагательных обычным стало конечное ударение, которое всегда сопровождалось одним *н* в суффиксе. По этой причине теперь и пишем слова типа *волосаной*, *водяной* с одним *н* (в старорусских памятниках они различаются: *волосянный* и *волосяной*). И только два слова этой группы — *деревянный* и *оловянный* сохранили вариант со старым ударением и, следовательно, со старым составом фонем и морфем; исторически, по происхождению, здесь два суффикса: *-ян-* + *-н-*.

У прилагательных же первых двух типов условия совпадали: ударение на одном и том же месте, независимо от одного или от двух *н*, и притом всегда на основе, а не на окончании. Никакой существенной разницы между парами *кожаный* и *кожанный* или *серебряный* и *серебрянный* не было, и поэтому оказались лишними в языке либо *кожаный*, либо *кожанный*. И действительно, в старых рукописях мы не находим написаний с двумя *н*, видимо, издавна единственно возможным вариантом стал «более краткий» — *кожанный*. *Серебряный* и *серебрянный* некоторое время еще сохранялись как дублиеты, но скоро и они совпали по форме с прилагательными первого типа: *серебряный*, как *кожанный*. И причиной такому совпадению послужило следующее.

Наряду с формой *серебряный*, *серебрянный* существовала еще форма *серебрный*, родственная предыдущим, но только с другим суффиксом: *серебр-ян-ый* > *серебряный*; *серебр-ян-н-ый* > *серебрянный*; *серебр-н-ый* > *серебрный*. Эта сложная для произношения форма, утрачиваясь, повлияла своим ударением на более привычное *серебряный*. Мы уже видели, что еще в прошлом веке такое влияние одной формы на другую ощущалось в противопоставлении *серебрянный* — *серебряный* (последнее — под влиянием *серебрный*). К тому же ударение в русском языке, утратив свои фонетические функции, стало целиком морфологическим средст-

вом, оно выделяет не фонетические слоги, а морфологически важные единицы — основу и окончание. По этой причине колебание ударения между *серебряный* и *серебряный* оказалось абсолютно неважным и в конце концов привело к устойчивому ударению *серебряный*. Тем самым и здесь наличие одного *н* всегда сопровождается ударением на корне. И только *стеклянный*, сохранив старое ударение на суффиксе, одновременно с этим оставил и «усиленное *н*» — и попал в разряд исключений. Это слово (и только это слово), даже получая суффикс *-н*, никогда не переносило ударения на корень, потому что и корень у него состоял из сверхкраткого *ь*: *стѣкл-ьн-ъ* — все слово состояло из одних сверхкратких гласных. После утраты слабых сверхкратких слово *стѣклънъ* дало форму *стѣлен*, которая настолько сложна для произношения, что не сохранилась в русском языке.

Теперь нам ясно, какого происхождения все три исключения. В русском языке последовательно произошли морфологические, словообразовательные и акцентологические изменения, общие для всех слов языка, но только в этих словах пересечение всех трех закономерностей произошло не так, как в остальных случаях, получился небольшой «перекос», несоответствие правилу. Ударение не на корне и не на окончании, а на суффиксе, и потому суффикс не *-енн-* и не *-ян-*, а *-яnn-*.

Лишь в самом конце XIX века, когда взаимное влияние акцентологических и морфологических условий образования слов окончательно утратилось в русском языке, только тогда все три отклонения и стали восприниматься как исключения. Раздались голоса в пользу устранения нарушений правил словообразования, которые в настоящее время уже не имеют ни фонетических, ни морфологических оправданий. Это следы прошлой деятельности языка, причудливым образом сказавшиеся на истории отдельных слов.

В. В. КОЛЕСОВ

ИЗДАНИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ НА 7 ЯНВАРЯ 1974 ГОДА

Произведения Пушкина издавались 2401 раз общим тиражом в 157 миллионов 199 тысяч на 91 языке, из которых 21 зарубежный: александрийский, английский, арабский, бенгальский, болгарский, венгерский, греческий, испанский, китайский, корейский, куджарам, немецкий, панджаби, персидский, польский, суахили, томийский, урду, французский, хинди, эсперанто.

Произведения Пушкина изданы на 70 языках народов СССР,

МНЕ ГРУСТНО И ЛЕГКО...

Предикативы в роли эмоционально-кодирующего члена

Пожалуй, ни один из лексико-грамматических разрядов русского языка не вызывал таких споров, такого обилия диаметрально противоположных точек зрения, как категория предикативов.

Отсутствие единства взглядов на соотносительную важность синтаксических и морфологических показателей в грамматической природе слова отразилось не только в наименовании этой категории (которая последовательно называлась предикативными наречиями, объединялась с безличными глаголами, выделялась в качестве особой категории состояния, разряда безлично-предикативных слов и, наконец, предикативов), но и определено в значительной степени лексическую и грамматическую пестроту ее состава. Безлично-предикативные формы: *скучно, грустно, жарко, морозно, весело* и другие — наиболее определенный в грамматическом отношении разряд слов, из числа относимых в категорию предикативов. По-видимому, сам вопрос о предикативах в системе современного русского языка будет поставлен гораздо конкретнее, если обстоятельно изучить именно этот разряд слов.

Постепенное лексико-грамматическое оформление и обособление разряда предикативов теснейшим образом связано с развитием и расширением изобразительных средств языка. Именно в языке художественной литературы широко распространены предикативы со значением разнообразных состояний субъекта и окружающей среды.

Возникнув в глубокой древности, разряд предикативов составлял незначительную часть лексического состава языка и не привлекал к себе особенного внимания лингвистов. Так продолжалось приблизительно до 20-х годов XIX века, когда началось

стремительное расширение категории предикативов за счет слов со значением эмоционально-психического состояния субъекта.

Когда-то узкая группа слов типа *тошно, скучно, грустно, холодно* начала пополняться новыми формами, передававшими все разнообразие состояний субъекта и окружающей среды. Постепенно формируется и лексико-грамматическое своеобразие этого разряда слов в системе языка. Предикативы не заменяли, не вытесняли глагол, а в некотором роде восполняли его, выражая те оттенки душевного состояния субъекта, которые глагол просто не был способен передать: (Мне, на душе, на сердце) радостно, грустно, тяжело, мучительно, легко, странно, уютно — все сочетания этого типа не имеют глагольной параллели.

Грамматическая природа и стилистическое использование категории предикативов с необходимой полнотой и доказательностью могут быть определены только в том случае, если мы понимаем под системой языка не только его грамматический строй, но весь комплекс эмоционально-экспрессивных средств языка. Тем более что формирование и совершенствование грамматического строя языка в значительной степени обусловлено развитием системы изобразительных возможностей языка как средства образного мышления.

В условиях реалистического искусства потребовалось тщательное исследование психики современного человека, создание «письменно закрепленного» словесного образа настроения, психического состояния субъекта. Постепенная «психологизация» языка, развитие в нем языковых средств для воплощения тончайших оттенков эмоционально-психических состояний субъекта — основные причины бурного развития категории предикативов в языке произведений Пушкина, Грибоедова, Гоголя.

Категория предикативов очень выразительна в значении состояния, возникновение которого — вне желаний и воли самого субъекта, его «воспринимающего сознания». Поэтому-то так широко распространены предикативы в языке художественной литературы.

Чрезвычайная эмоционально-экспрессивная емкость предикативов и была причиной их употребления в роли «итогового» слова, выражающего обобщенную характеристику состояния.

И все тошнит, и голова кружится,

И мальчики кровавые в глазах...

И рад бежать, да некуда... ужасно!

Пушкин. Борис Годунов

У Чехова: «Когда эта девочка говорила об одиночестве и потом, когда показались красные глаза дьявола, у меня от волнения дрожали руки. Свежо, наивно» (Чайка); «Жарило солнце, восточ-

пые люди за ресторанными столиками вытирали пот со лба не носовыми платками, а бумажными салфетками, шли парные дожди — на тротуары выползали улитки, под подошвами курортников хрустели как спичечные коробки. *Противно*» (Смирнов. Эшелон).

Предикатив в роли итогового слова (эмоционально-конденсирующего члена) выражает состояние, одинаково характерное для прошедшего, будущего и настоящего. Временные пределы неограниченно раздвинуты; это значение вневременности чрезвычайно характерно для предикативов, выполняющих роль эмоционально-конденсирующего члена, который как бы подводит итог размышлениям, выражая состояние субъекта или окружающей среды в восприятии, в оценке субъекта: «Широкие тени ходят по равнине, как облака по небу, а в непонятной дали, если долго всматриваться в нее, высются и громоздятся друг на друга туманные, причудливые образы... Немножко *жутко*» (Чехов. Степь); «Перевожу, хожу по тем местам, где я когда-то, в молодости, тосковал о Любе, а потом — скучал с ней. Как *сладостно*» (Блок. Записные книжки); «Если бы не духота и не спертый запах ржаного хлеба, укропа и лозы, от которого захватывало дыхание, то тут... можно было прятаться от гостей и думать о маленьком человечке. *Уютно и тихо*» (Чехов. Именины).

В языке художественной литературы широко распространены предикативы с общим значением состояния среды в оценке, в восприятии субъекта. Позиция воспринимающего сознания чрезвычайно характерна для этого ряда предикативов, выражающих индивидуальный образ объективного мира:

*Страшно и скучно.
Здесь новоселье,
Путь и ночлег.
Тесно и душно.
В диком ущелье —
Тучи да снег.*

П у ш к и н. *Страшно и скучно*

«Своим простором она [степь] возбудила в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? *Непонятно и странно*» (Чехов. Степь).

Субъективность восприятия среды может поддерживаться и усиливаться соответствующими частицами, относящимися к безличному сказуемому, выраженному предикативом. Частица обычно стоит непосредственно перед сказуемым: «Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвета грязно-зеленого... И снаружи и внутри *как-то негостеприимно и сухо*, все как будто скрывается и таится» (Достоевский. Идиот); «Солнечно, сине, нет дымных пожарниц, нет взрывов. *Как-то странно, пожелай*» (Смирнов. Эшелон).

Частица *как-то* может находиться и в постпозиции: «Подумаешь, раскованка. Не понравилась мне она. *Боязно как-то*» (Друшников. Поездка в Крым). Постпозиция обязательна в том случае, если безличное сказуемое выражено сочетанием предикативов и частица преимущественно относится к одному из членов этой группы: «14 января. Удивительно *серо как-то* и *тошно*» (Блок. Записные книжки). Возможны случаи, когда частица, сообщающая всей конструкции значение «собственно неопределенности, иногда как бы некоторой неосознанности признака» (Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960), преимущественно относится к обстоятельству, уточняющему безличное сказуемое: «И *как-то* вдруг стало скучно» (Чехов. Рассказ неизвестного человека).

По сути дела, то же значение — «неуверенное предположение, сомнение» — вносится в безличное сказуемое частицами *как бы*, *чтой-то*, *что-та*, *как будто*: «Наверху не только просторно, но *как бы* даже *светлее*» (Дорош. Иван Федосеевич уходит на пенсию); «Частный поверенный поднялся порывисто и сел. — Извините, мне *что-та душно*» (Чехов. Печенег).

Состояние окружающей среды может не только оцениваться, определяться с позиций воспринимающего субъекта, но и распространяться с субъекта на окружающую среду: «Мы на горах, — пустая нервность и страшная тревога. Гуляли, ветер, *мерно*, тревога»; «Печаль Летнего сада, он сохранил свое величие среди измелчивания всего. „Интимное“ открытие союза поэтов. *Тошно и скучно*» (Блок. Записные книжки).

Вневременное состояние в этом случае представляется как бы итогом всех последовательно сменяющихся действий: «Я поднимаюсь и жду, когда уйдет гость, а он стоит, смотрит на окно, тербит свою бородку и думает. *Становится скучно*» (Чехов. Скучная история); «Ты вот религиозна и все это любишь, а я боюсь религии, и когда прохожу мимо церкви, то мне напоминает мое детство и *становится жутко*» (Чехов. Три года).

Эмоционально-экспрессивные возможности категории предикативов в передаче состояния, возникшего неожиданно для самого субъекта, независимо от его желаний и целенаправленных действий, поистине безграничны. Изобразительность предикативов усиливается еще и тем, что формы с основным, ведущим значением состояния среды могут переноситься на эмоционально-психическую деятельность человека и в новом своем употреблении выражать состояние субъекта: «А как я рад, что приехал, — сказал Нехлюдов, чувствуя, что на душе у него становится так же *светло* и умирно, как бывало прежде» (Л. Толстой. Воскресенье);

«На душе холодно и пусто, пропали желания, мысли, чувства» (Коптеева, Иван Иванович).

В языке художественной литературы широко распространены предикативы, обозначающие состояния субъекта, как бы диссонирующие с общим фоном эмоционального возбуждения: «Как вам мягко, уютно, тепло, удобно — и как скучно! Да, бывает ужасственно, беспросветно скучно, как в одиночной тюрьме...» (Чехов. Рассказ неизвестного человека).

Эмоционально-экспрессивная характеристика состояния среды может быть контрастно отраженной в сознании воспринимающего субъекта:

Как на древнем, выцветшем холсте
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте,
И не душно в сырости и зное!

Ахматова. Венеция

Само состояние может быть внутренне противоречивым: «Самые великие горы и те в такие ночи робеют, жмутся кучей поближе к нашему дому, к свету в окошках. И от этого мне страшно и радостно» (Айтматов. Белый пароход); «А я вот на зло всем возьму и погибну, возьму вот и погибну... Надо испытать все в жизни. Боже, как жутко и как хорошо!» (Чехов. Пепригуны).

Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

Пушкин. Скупой рыцарь

Состояние, выраженное сочетанием эмоционально-диссонирующих предикативов, может мыслиться и передаваться как слитное, эмоционально не расчлененное: «Пишу милой. Еду в Петергоф к маме. Очень хорошо, грустно...» (Блок. Записные книжки).

В этих конструкциях, выражающих как бы «полемически окрашенное» состояние («И сладко, и легко, и больно...» — Блок), есть что-то от острания, как художественного изобразительного приема, цель которого — уничтожение автоматизма восприятия, возрождение эмоциональной и драматической напряженности слова...

Л. И. ЕРЕМИНА

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

КАКОГО ПРОИС- ХОЖДЕНИЯ СЛОВО ОРАВА

В русском литературном языке слово *орава* употребляется в значении «беспорядочное скопление людей, толпа»: ходить оравой; целая орава ребятшек. В русских народных говорах *орава* и *арава*, помимо толпы, обозначают также артель: так называли артели бурлаков, сплавщиков судов; по Словарю В. Даля, артели рабочих на барках; артель отирающихся на отхожий промысел, по «Словарю русских народных говоров».

Древнейшее употребление этого слова в письменных памятниках относится к XVII веку, оно встречается в Донских делах: «Ко мнѣ, холопу твоему, тѣ вольныя люди приходятъ всею оравою шумомъ и крикомъ» и в переписке Хованских: «И ты накажи имъ накрѣпко, когда прїѣдетъ князь Андрей на дворъ, и ты имъ вели проводить его до передней палаты къ князь Юрью Алексѣевичу или къ Артамону Сергѣевичу, а съ нимъ вели одному итти; въдаешь ты и сама, что они люди глупые: пойдутъ оравою». Судя по приведенным текстам, *орава* и в XVII веке обозначало толпу, скопище людей.

Известно это слово и белорусскому языку, где *арава* значит «толпа, гурьба».

Относительно происхождения слова *орава* было высказано несколько гипотез. С одной стороны, предполагалось заимствование из другого языка.

Таково было мнение А. Преображенского, который не был уверен в источнике заимствования (Этимологический словарь русского языка). В «Словаре русских народных говоров» для формы *о́рава* в качестве возможного источника указано персидское *агава* 'ски-тающийся человек, бродяга', но реальной персидской лексемой со значением 'бродяга', является *авага*. Это снижает вероятность сближения русского слова с персидским.

С другой стороны, предлагались истолкования слова *о́рава* как исконно славянского образования. Так, А. А. Потебня считал его родственным глаголу *реветь*, а С. Микуцкий еще в середине прошлого века высказывал предположение о том, что *о́рава* образовано от *орать* 'кричать' и первоначально обозначало шум. Как некоторые другие слова того же семантического круга, потом оно приобрело значение 'множество'. Именно эта последняя точка зрения преобладает в современной этимологии. Вероятно, сближение *о́рава* с *орать* 'кричать' свойственно и языковому сознанию говорящих, отсюда выражение «Аравую песни орать, а говорить поро́нь» и употребление слова *о́рава* как синонима *орало*, в значении 'крикун' (Словарь В. Даля).

Как это часто бывает в этимологических исследованиях, новое направление в толковании происхождения слова *о́рава* подсказывается появлением нового материала. С 1967 года начал выходить в свет новый словарь кашубско-словинского языка, составленный Б. Сыхтой. С первого же тома стало очевидно, что представленные в Словаре лексические данные имеют огромное значение для изучения происхождения и истории славянского словарного фонда. Дело в том, что географическое положение кашубов на севере Польши (побережье Балтийского моря), на окраине территории, занимаемой славянами, и отсутствие значительных передвижений обусловили архаический характер их словаря, сохранение в нем многих слов в древнейшей форме или с древнейшими значениями, утраченными другими славянскими языками. Поэтому кашубский материал нередко помогает лучше понять развитие форм и значений славянских слов. Возможно, что таково их положение и в отношении рассматриваемого слова *о́рава*. В кашубских материалах Б. Сыхты зафиксировано как устарелое слово *огавá* в значении 'взаимная соседская помощь при пахоте'. О функционировании слова можно судить по приведенному автором Словаря тексту, который переводится так: «Там сегодня о́рава, потому что много плугов работает в поле». Это употребление показывает, что кашубское *огавá* связано с глаголом *огас* 'пахать'. Глагол этот древний, праславянский, представлен во всех славянских языках, есть он и в русском языке: *орать* 'пахать', откуда *орало* 'соха'. Вероятно, рус-

ское *opáwa*, белорусское *арава* 'толпа' и кашубское *ogawa* по происхождению одно и то же слово, и первичное его значение было близко к семантике кашубского слова — 'взаимная помощь, работа сообща при пахоте', откуда позднее развилось более общее значение 'сборище людей, толпа', представленное в русском и белорусском языках.

Взаимная помощь в сельскохозяйственных работах была широко распространена в старой славянской деревне и практикуется до сих пор (при строительстве домов). Существует несколько обозначений этой взаимной помощи, работы сообща, причем все это древние слова, например русское *помочь* в значении 'работа сообща на поле с угощением'. Еще старше уногребляемое в том же значении слова *толока*. Оно известно не только всем славянским языкам, но и находит соответствие в литовском *talka* 'работники, созванные на подмогу'. Обычно и *помочь*, и *толока*, и соответствующие им образования в других славянских языках обозначают работу сообща без уточнения вида сельскохозяйственных процессов. Но иногда взаимная помощь при разных видах работы имеет разные названия. В кашубских говорах *otłoka* (родственное русскому *толока*) обозначает взаимопомощь во время жатвы, а *ogawa* — во время пахоты. Интересно дальнейшее развитие значений слова *толока* и родственных ему. В польских говорах *tółoka* значит 'шум, гомон, говор толпы', польское *łoka* обозначает всякое скопление народа, толпу. Очевидно, такое развитие значения можно предполагать и для русского *орава*.

По способу образования *орава* обычно сравнивают со словом *держава*: как от *держать* образовано *держава*, так от *орать* — *орава*. Это сопоставление формально правомерно и при условии, что *орать* — это глагол со значением 'пахать'. Суффикс *-ва* не был очень продуктивным в древний период развития славянских языков, но он сохранился в ряде образований различных славянских языков (древнерусское *стонава* 'стон' от *стонати*, русское *кропива* от *кропить*). По происхождению суффикс *-ва* связан с *-vo* (*вариво* от *варить*) и суффиксом прилагательных *-v-* (*резавый* от *резать*). Поэтому ближайшими родственными для *орава*, как производного от *орать* 'пахать', должны быть белорусское *араво* 'время пахоты' и сербскохорватское *ogav* 'пахотный'. Следовательно, *орава* хорошо согласуется с другими производными от *орать* 'пахать' и может быть древним славянским образованием.

Более проблематичны, но тем не менее представляют интерес попытки дальнейшего углубления в историю славянского *огав*. Суффиксальному *-v-* славянского слова соответствует такое же *-v-* в образованиях от того же корня в некоторых родственных индоевропейских языках: это латинское *agrum* 'нива, пашня', армян-

ское *haravunk* «пашня», среднеиранское *arbor* «урожай» (здесь также древняя основа на -v-). Особенно близкими представляются отношения славянского *огава* и латинского *agvum* среднего рода: в сравнительной грамматике индоевропейских языков уже накоплен значительный материал, свидетельствующий о соотношении ряда славянских имен существительных на -а с индоевропейскими именами среднего рода (О. Н. Трубачев. — *Этимология*. 1968, М., 1974). Одним из таких соответствий может быть пара: славянское *огава* — латинское *agvum* (множественное число которого — *agva!*).

Существенным различием между славянским *огава* и латинским *agvum* является наличие в славянском слове между корнем -ог- и суффиксом -ва- элемента -а-, воспроизводящего так называемый тематический гласный (показатель основы) -а- глагола *огати*. Форма *огати* является для славянского глагола вторичной, она возникла в результате вторичной тематизации (более поздней вставки тематического гласного -а-) исконного **orti*. От этого древнего **orti* были образованы славянские **ortajь*, давшее русское *ратай*, и **ordlo*, давшее древнерусское *рало* «соха». По аналогии с более поздним *орать*, слова *ратай* и *рало* приобрели варианты *оратай* и *орало*. Возможно, и славянское *огава* восходит к древнему **ogva* (точно соответствующему латинскому *agva* множественного числа), которое было образовано от **orti* и лишь позднее, по аналогии с *огати*, получило тематический гласный -а- — форму *огава*.

Таким образом, есть основания думать, что русское *орава* «толпа» не только является древним славянским словом, но и восходит к индоевропейскому образованию, исконно родственному глаголу *ерать* «пахать».

Древнейшим значением славянского *огава* было «работа сообща на пахоте». В истории русского языка это слово приобрело более общее значение «скопище людей, толпа», поэтому осознание связи *оравы* с *орать* «пахать» было утрачено, а затем слово *оравы* стало ассоциироваться с созвучным глаголом *орать* «кричать».

Ж. Ж. ВАРБОТ

Рисунок В. Толстоногова

Накануне нового 1834 года в Москве вышла брошюра с весьма странным названием: «Подарок ученым на 1834 г. О царе Горохе. Когда царствовал Государь царь Горох, где он царствовал и как Царь Горох перешел в преданиях народа до отдаленного потомства». На обложке ее красовался эпиграф — «Ergo. Мотай себе на ус».

В брошюре описывалось в сатирических тонах университетское заседание Ученого совета, на котором бурно обсуждалась проблема происхождения царя Гороха. Эта была едкая и остроумная студенческая шутка, направленная в адрес некоторых заумных профессоров и схоластических ученых того времени. Характерно, что в этой шутке вопрос о происхождении оборота *при царе Горохе* так и остается без ответа, нарочито затуманенный влечеречивыми рассуждениями о судьбах народа, экскурсами в доисторическое прошлое и даже алгебраическими формулами.

Одним из первых заинтересовался происхождением фразеологизма *при царе Горохе* известный знаток фольклора А. Н. Афанасьев, связывавший царя Гороха с мифическим богатырем Полати-Го-

рошком, который родился из горошины, проглоченной царницей. По мнению Афанасьева, это имя символически означает Перуна, то есть гром и молнию (Поэтические воззрения славян на природу. СПб., 1867).

И. Е. Тимошенко отвергает эту гипотезу, справедливо отмечая малую распространенность у славян данного фразеологизма. Предлагаемая им связь русского имени *Горох* с греческим именем *Κόδρος*, входящим в древнюю поговорку «пресбытерос (или архантерос) Кодру» со значением «более старший (или более древний), чем Кодр» (мифический царь Аттики), кажется, однако, еще менее вероятной. Такое искажение трудно аргументировать как фонетически, так и зонами распространения греческой и русской поговорок, не имеющими промежуточных этапов. Сам Тимошенко подчеркивал и различие в значениях этих выражений в двух языках (Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897).

Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина — авторы сборника русских крылатых слов, подробно излагая гипотезу Тимошенко, приводят зачин народной сказки, записанной Афанасьевым: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь, по имени Горох» (Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1966). Авторы сборника оставляют вопрос о происхождении этого фразеологизма открытым.

Ссылки на известные исторические (Кодрос) и мифические (Перун и Покати-Горошек) имена не делают этимологию выражения *при царе Горохе* убедительной. Необходимы лингвистические факты, большой ряд аналогичных фразеологизмов, чтобы установить, по какому принципу оно образовано, что является основой его образа. Обратимся к фактам народного языка. В нем мы найдем немало оборотов со значением «в незапамятные времена, очень давно». Рассмотрим лишь те из них, в которых есть имена «царей».

Фразеологизм *при царе Копыле*, когда грибы с опенками *воевали* — точная копия выражения *когда царь Горох с грибами воевал*, упоминаемого Н. С. и М. Г. Ашукиными. Слово *копыл* — «деревянная перекладина в санях; деревянная палка».

Выражение *царь Косарь* вошло в поморскую поговорку с тем же значением: «Этот амбар стоял еще при царе Косаре». Диалектное слово *косарь* здесь значит «тяжелый нож, сделанный из обломка косы для расщепления лучины», что сближает это выражение с оборотом *при царе Копыле*. Но здесь, видимо, сыграла свою роль и рифма *царь-косарь* и, возможно, ассоциация с церковнославянским словом *кесарь* «царь», по-народному переосмысленным.

К «растительным» царям можно отнести *Ботуту*, который стал героем народной присказки «Жил царь Ботут, и вся сказка тут». Здесь мы имеем, вероятно, дело с измененным диалектным названием лука-сеянца *ботуна*. Вариантом этой присказки является «Жил-был царь Тофута — и сказка вся тут!». В третьем ее варианте речь идет о растении, всем хорошо известном: «Жил-был царь Овес, он все сказки унес».

Наконец, намек на подобного царя встречаем в народном выражении *Алыса время* 'очень давно', где *алыс* (или *алис*) соответствует названию сорняка *Muagium sativum*, который в говорах называют и *рыжиком*.

Можно было бы привести еще немало русских диалектных выражений с тем же значением. Обычно их образуют имена несуществующих правителей. Нереальность может подчеркиваться прозрачностью мотивировки имени, нарочито насмешливой, как например *бабушка Гуениха* (гну́савая) — прародительница уральских казаков или князь *Бобыл* из сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок». Может она выражаться и нарочитой будничностью имени «прародителя» с его рифмовкой: «Это было при дедушке Мирошки, когда денег было тропки».

Русские цари с нецарскими именами — это лишь начало славянской генеалогии царя Гороха. Кстати говоря, и в украинском, и в белорусском языках этот фразеологизм сохраняет свое «гороховое» имя. Меняется лишь предлог: *за царя Гороха* и *за царём Гаро-хам*, да в белорусских говорах ближе к Польше царский титул меняется на королевский: *за каралём Гарохам*. В белорусских диалектах встречается и беспредложный вариант этого выражения — *цара Гароха помніць*.

В украинских говорах имя царя Гороха может заменяться названиями другого растения: *за царя Хмеля* или именами «подлого» происхождения: *за царя Тимка* (нечто вроде нашего Тимошки), *за царя Томка* (то же) и *за царя Панька* (Павлушки). Характерны и шутливые рифмические прибавки к этим выражениям: *за царя Гороха — як було людей трохи*, *за царя Тимка — як була земля тонка*.

Не менее забавны фразеологические имена государей и в других славянских языках. Вот буквальный перевод некоторых из них: польское — *при короле Сверчке*, *при короле Геводике*, *при короле Чурбанчике*; чешское — *при короле Сверчке*, *при короле Голыше*, *при Марии Теремтеге* (никогда не существовавшей королеве); словацкое — *при святом Виде* (нарочитое искажение имени святого Вита, вызванное ассоциацией с *вид*, *видеть*).

«Родственников» царя Гороха можно встретить и за пределами славянского мира. Немецкое выражение *Appo Tabak* дословно означает 'во времена царствования Табака'. Французское *du temps du*

roi Guillemot — 'во времена короля Гильемо'. Смысл немецкого и французского выражения тот же, что и *при царе Горохе*. Причем имя французского короля вы напрасно будете искать в энциклопедиях. Это имя — говорящее: значит оно 'сойка'. Выходит, и здесь нечто вроде польского и чешского короля Сверчка. Правда, другое французское выражение этого типа — *du temps du Dagobert* 'во времена короля Дагобера' — называет короля, который действительно был, хотя и в истинно «гороховые» времена. Речь идет о Дагобере I (около 600—639 годов) из династии Меровингов, который был правителем западной части франкского государства Нейстрии, а в 632 году был провозглашен королем всех франков. Ясно, что для французов это времена столь же далекие, как и времена, «когда все звери говорили» (*au temps où les bêtes parlaient*) или «когда все сморкались в рукав» (*du temps, qu'on se mouchoit sur la manche*).

Почти все фразеологические цари и короли — плод народной шутки. Царь Горох в качестве исторического лица столь же неправдоподобен, как сказочные говорящие звери, молочные реки с кисельными берегами или летающие жареные куропатки. Именно неправдоподобность, невозможность реального существования таких правителей и создает значение 'очень давно', объединяющее все эти выражения. Царь Горох — это нечто вроде рака, который свистнет на горе, лысого, который станет кудрявым, мухи, которая породит наука, белой малины или дождичка, который выпадет после пятницы в четверг. Именно такие образы «неправдоподобности» созданы нашей народной речью.

И все-таки слово *горох* оказалось самым популярным царским именем в ряду русских, украинских и белорусских выражений, повествующих о допотопных временах. С горохом связаны «обидные» ассоциации, отраженные в пословицах и поговорках: Горох да репа обидные семя; Обидные семена в поле горох да репа, а в мире — вдова да дева; украинское — Роди, боже, жито гоже, а без гороху проживем по троху.

Чем объяснить такие ассоциации? И на этот вопрос отвечает пословица: Мимо девки да мимо репки так не пройдешь; Тем зайдешь в поле горох да репа, что кто ни пройде — щипнет. Потому «репа да горох и сеются пра ворога». Неслучайно слово *гороховый* стало синонимом чего-то плохого, слабого: *гороховая память* «слабая», *гороховые слова* «пустые» и т. д. А назвать кого-нибудь *гороховым чучелом* или *пугалом гороховым* — прямое оскорбление. Возможно, таким гороховым пугалом и представлял себе наш остроумный предок восточнославянского царя Гороха. Выражение *при царе Горохе*, таким образом, — это плод народной шутки, в которой Горох является символом неправдоподобности, невозможности, а тем самым и исключительной давности происходящего.

В. М. МОКИЕНКО

ИНИЦИАЛЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГАХ

русские люди издавна любили книги. Наши предки не только читали их, но и любовались ими как художественными произведениями. И писцы сознательно создавали книги так, чтобы читающий воспринимал не только текст, но и художественные украшения: миниатюры, заставки, концовки, инициалы. Даже композиция страницы — соотношение части, записанной текстом (часто это два столбца), полей и художественных украшений — хорошо продумывалась писцом и могла доставлять эстетическое наслаждение. Почерк древнейших книг, называемый уставом, содержал красивые однотипные начертания строчных букв, сходных с современными печатными.

Миниатюры по содержанию были двух типов, как это и теперь бывает в книгах. На одних миниатюрах изображались настоящие, предположительные или вымышленные авторы содержащихся в книге памятников письменности; другие миниатюры были собственно иллюстрацией: они раскрывали содержание эпизодов, о которых шла речь в рукописной книге.

Кроме красочных миниатюр, книги украшались художественными заставками и более простыми по своему исполнению концовками.

Заставки употреблялись для членения произведения на большие составные части. Между ними существовало своеобразное старшинство.

ство: наиболее крупные смысловые части книги разделялись большими красочными заставками; меньшие — простыми заставочками. Иногда роль заставок выполняли так называемые «малые инициалы», воспроизводящие двойным контуром строчные буквы большего размера, особенно их вертикальные элементы. Эти инициалы рисовали киноварью и иногда раскрашивали. Создание таких заставок не требовало вмешательства художника-специалиста, их, конечно, писали сами писцы.

С течением времени большие заставки стали намечать с помощью циркуля, выполняя им многочисленные круги, сопряжения и пересечения, которые затем раскрашивались в несколько цветов, обычно с большим вкусом. Создавать такие заставки также мог сам писец.

С конца XIV и особенно в XV веке древнерусские писцы вместо заставок и наряду с ними стали употреблять особое декоративное письмо — в я з ь. Для этого использовались сокращения элементов букв и наложение сходных, а также украшение букв небольшими орнаментальными отростками. Вязь превращала строку как бы в непрерывный равномерный орнамент. Вот как сокращалось, например, в заголовке слово *книга*: слева — в Лицевом (сопровождаемом иллюстрациями) Летописном своде времен Ивана Грозного, справа — в Псковском Златоусте XVI века.

Выше помещаем целую строку из рукописи 1587 года, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (собрание Ундольского, № 487). Строка читается: «Сия словеса сотворил есть инокъ» (в слове *сотворил* буква *л* выносная — написана небольшая буква над строкой).

Самым распространенным и разнообразным украшением древней рукописной книги были многочисленные инициалы. В некоторых книгах художественными инициалами писцы начинали каждый самостоятельный кусочек текста, так что на развернутом листе могло быть несколько инициалов. Подобно тому, как это было для заставок, соблюдалась иерархия и в инициалах. Большие красочные инициалы, равные по высоте трем — четырем (или пяти — шести) строкам письменного текста, писец располагал перед каждой самостоятельной статьей памятника. Мелкие инициалы, нарисованные киноварью (редко — чернильные, еще реже — закрашенные краской), занимали одну — две строки. Их помещали перед отдельными важными эпизодами, входящими в статью.

Инициалов в нашем современном смысле — больших букв, начинающих каждое предложение, — в древних рукописях не было. Ведь сам текст в древности писался слитно, точками разделялись отдельные словосочетания. Но и после этих точек текст писали с обычной строчной буквы.

Большие инициалы, как правило, писцы рисовали киноварью; ею же они писали заголовки и иногда начальные слова текста (отсюда пошло выражение *с красной строки*). Изредка большие инициалы рисовали чернилами. Иногда их раскрашивали красками. Кроме красной, употребляли синюю, голубую, желтую, светло-коричневую (охру), разные оттенки зеленого цвета и др.

Гамма красок менялась со временем. Например, зеленый цвет в XIV веке выходил из моды, и мы находим его лишь в книгах, написанных на периферии Руси: в Рязанском княжестве, на северо-востоке. Были также цвета, наиболее любимые в определенных областях страны: хорошо локализуется синия цветовая гамма в новгородской языковой области, Смоленску же и вообще западу более свойственны золотисто-охристые тона.

Остановимся на самых типичных в древних рукописях инициалах, которые рисовали сами писцы и, как правило, только киноварью или с сочетанием киновари и чернил. В некоторых рукописных книгах таких инициалов может быть по несколько сот. Очень много инициалов имели евангелия — полный апракос и апостолы. В них было свыше 300 чтений на каждый день, начиная с пасхи, и еще множество на разные праздники и памятные дни, отмечавшиеся по гражданскому календарю — в определенные числа месяца, независимо от пасхи, с первого сентября. Такая рукописная книга должна была содержать сотни больших инициалов. Но самое интересное то, что найти среди них точные повторения, как правило, невозможно, даже если писец и не пытался особенно разнообразить свои инициалы. И это тем более удивительно, что большинство инициалов в каждой рукописи определенного содержания по-

вторяется. В апостоле это буквы *В*, *Ч*, которыми начинаются обращения «Братие», «Чадю». В евангелии — это буквы *В* (ею начинается традиционный оборот «Въ оно время», что значит «некогда; когда-то, но точно не известно, когда именно») и *Р* («Рече» — «сказал», 3-е лицо единственного числа особой формы прошедшего времени — аориста от старославянского глагола *рещи*, древнерусского *речѣ*).

Откуда же простые писцы имели столько фантазии, чтобы рисовать сотни *В* и сотни *Р* в одной и той же книге, не повторяя их во всех деталях? Принято считать, что образцы для инициалов древнерусские писцы заимствовали из греческих рукописей, написанных в Византии. Но в этом случае надо было бы допустить, что во всех или почти во всех мастерских (причем не только монастырских) должны были бы существовать такие образцы. Но у нас нет данных о столь широком повсеместном распространении греческих книг в Древней Руси. Трудно представить и то, что образцами служили первые книги конца X — начала XI века, поступившие на Русь из Болгарии после принятия христианства в качестве государственной религии. Наоборот, все данные говорят о развитии мастерства украшения книги в самой Руси и использовании для этого наблюдений над окружающей действительностью, над ремеслами и предметами прикладного искусства, прежде всего ювелирного. К сожалению, не выяснены истоки искусства плетения кружев и разнообразных жгутиковых украшений. Сейчас можно лишь поставить вопрос, предшествовали ли находки в плетении и вышивке (образцы «византия» в инициалах древнейших книг не встретились) украшениям в книгах или, наоборот, образцы изобразительного искусства книги предшествовали художественному плетению в быту, вышивке и художественному ткачеству. Специалисты считают, что вязание и плетение кружев появилось у нас позже XIV века и, следовательно, не может сопоставляться с ажурными инициалами древнерусских пергаменных книг.

В сохранившихся до нашего времени древнерусских рукописях XI века представлены инициалы эмальерного типа, в которых отдельные части поделены на небольшие фигурные фрагменты. Чаще всего из них складывается мачта (так в палеографии называют прямые вертикальные линии букв) инициала. Эти составные части раскрашиваются, благодаря чему инициалы напоминают древнерусские ювелирные украшения, выполненные посредством заполнения цветной эмалью мельчайших ячеек, специально сделанных для этого в золотом или серебряном изделии. Инициалы этого типа могли быть и без раскраски. Хорошее представление о них можно получить из Архангельского евангелия 1092 года. Эта рукопись очень простая, написана на небольших (20 на 15 см) листах плохого пергамента с неровными краями, обусловленными конфигурацией шку-

ры животного, из которой изготовлялись листы будущей книги, с пришитыми кусочками листов, с зашитыми и незашитыми дырами от личинок овода. Принято считать, что эта рукопись была изготовлена для какой-нибудь бедной церкви. Но посмотрите здесь и ниже, как точны, умелы и разнообразны инициалы этой русской рукописи, написанной почти 900 лет назад [Инициалы из Архангельского евангелия сопровождаем пометой *Арх.*, следующие за ней цифры обозначают номер листа, помета *об.* — оборотную сторону листа].

На рисунке воспроизведены буквы *Н* (Арх. 113) и *И* (Арх. 142): в XI—XIII веках буква *Н* писалась с наклоном

Арх. 142 об.

Арх. 113

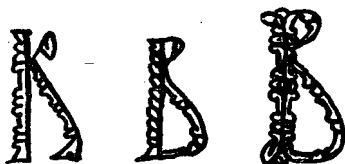
перекладины слева вниз направо, как в современном латинском, а в букве *И* перекладина прямая, как в нашем современном *Н*. Далее воспроизводим букву *В* эмалирного типа (Арх. 84) и особое древ-

Арх. 84

Арх. 144 об.

нее «*И* десятиричное» (Арх. 144 об.). Буква *І* десятиричное обозначала тот же звук, что *И* восьмиричное, но в числовом значении отличалась от нее: *И*, написанное под титлом — особой черточкой — обозначало число 8, а *І* — 10; отсюда происходят и их названия. Очень много красивых эмалирных инициалов в галицко-волинской рукописи — Добриловом евангелии 1164 года. Мы же покажем еще в уменьшенном виде простые эмалирные инициалы также из галицко-волинской рукописи, написанной в XII веке, но до Добрилова евангелия, из Типографского еванге-

Тип-6
224а

Тип-6
55 б

Тип-6
82 а

лия № 6 — далее обозначаем его Тип-6, а именно: *К* (Тип-6 224 а), *В* (Тип-6 82 а и 55 б). [Буквы *а*, *б*, *в*, *г* обозначают столбцы в рукописях, написанных в два столбца на каждой стороне листа].

Детали мачт таких инициалов могли располагаться симметрично (Арх. 113, 142, 84, 144, Тип-6 82 а) и стро-

иться асимметрично (Тип-6 224 а). В приведенных образцах инициалы нарисованы только кивоварью, но все же видно, что они состоят из отдельных ячеек. В более богатых рукописях каждая ячейка могла быть раскрашена отдельно, как в изделиях, выполненных техникой перегородчатой эмали.

Эмальерные инициалы прежние ученые относили к старовизантийскому и даже просто византийскому стилю орнамента. К нему же причисляют инициалы, в которых петли и матчи букв обрамлены разного вида стилизованными веточками, листочками, бутонами, почками, соцветиями и т. п. Инициалы растительного типа встречаются в упоминавшемся Архангельском евангелии. Среди них есть совсем простые (Арх. 38 об. и Арх. 57) и бо-

Арх. 38 об.

Арх. 57

лее сложные. Инициал Р эмальерного типа с растительными элементами о листа 164 этой рукописи помещен в самом начале статьи.

Инициалы растительного типа долго держатся в Древней Руси. Их находим в рукописях всех веков, вплоть до конца XIV века. Особое развитие получает разновидность, представленная в Арх. 38 об., но она существенно усложняется. Таковы в рукописи, написанной в 1357 году

Глч. 34 в

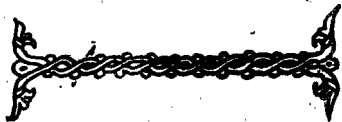

Глч. 37 6

в Галиче Костромском, инициалы В— (Глч. 34 в) и Р— (Глч. 37 б).

Ниже будут показаны отдельные элементы растительного типа в инициалах других типов: витых, плетеных, гермологических. Поскольку в них, кроме растительных деталей, есть что-либо свое, специфическое, их уже не называют растительными.

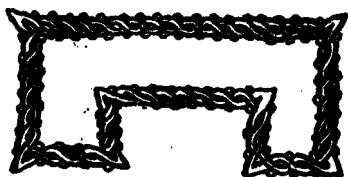
Почти в любой древнерусской рукописи XII—XIV веков можно обнаружить инициалы, в которых воспроизводится свивание, плетение, продергивание жгута (нити), постоянно встречающиеся в жизни: в свивании веревок, в плетении кос, в плетении лаптей или ступней (облегченных лаптей особого фасона), в вышивке, ткачестве и т. п. Так, уже в древнейших сохранившихся книгах находим правостороннее и левостороннее свивание двух жгутов, которые могут образовать маленькую заставку. Воспроизводим из упоминавшейся рукописи Тип-6

Тип-6 82 а

заставку. В ней представлено левостороннее свивание двух жгутов (верхний жгут идет слева вниз направо).

Сходна с ней по типу орнамента заставка из Добрилова евангелия 1164 года (Дбл. 106 в).

Дбл. 106 в

Подобные образцы известны и по более ранним византийским рукописям, и по болгарским. Можно допустить, что они были заимствованы, вернее, заимствован самый принцип, что в инициалах можно изображать свивание.

В древнерусских рукописях свивание чаще всего представлено в мачтах инициалов. Как и в образцах вития в заставках, витые мачты могли быть украшены по бокам кружочками или точками, напоминающими шарики зерни в старинных ювелирных изделиях. Таков инициал *В* из рукописи 1092

Арх. 137

Арх. 69

года (Арх. 137). Но чаще, особенно в рукописях XIV века, они не имеют этих дополнительных украшений: инициал *Р* (Арх. 69).

Направление свивания (левостороннее или правостороннее) могло характеризовать

«руку» писцов в той или иной рукописной книге, написанной несколькими писцами. В Галичском евангелии 1357 года у первого и третьего писцов во многих образцах представлено только правосторон-

Галч. 16 б

Галч. 29 в

нее свивание; у второго же — левостороннее; у четвертого писца этот тип инициалов вообще отсутствует (сравните: Галч. 16 б у первого и Галч. 29 в у второго писца).

Свивание, изображавшееся в мачтах инициалов, могло быть более тугим и более свободным, что можно заметить и по приведенным выше образцам.

Поскольку изображение свивания двух жгутов в рукописях предшествовало появлению в мачтах инициалов изображения плетения (см. ниже), в и т е инициалы можно причислить к особому типу, не объединяя их с плетеными, получившими позднее широкое распространение.

Примерно так же рано, как витые инициалы, появились инициалы, воспроизводящие продергивание отдельных элементов друг через друга. Часто жгут продергивается через кольцо, через перевернутое в виде восьмерки кольцо или через несколько колец: в рукописи 1092 года инициал Арх. 5 об. Продергивание через кольцо в верхней части буквы

и неточно выполненное, сложное, скорее стилизованное, чем натуральное, продергивание

Арх. 5 об.

Арх. 33

раздваивающейся матчи через два или более колец воспроизведено в инициале Арх. 33.

Примеры многих хитроумных продергиваний дает Пanteleymonovo евангелие XII века, хранящееся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (собрание Софийского Новгородского собора, № 1): взаимное равнонаправленное продергивание двух перевернутых

Пан. 133 а

Пан 86 б

жгутов через двойную восьмерку — Пан. 133 в, продергивание стержня через ряд из восьми наложенных друг на друга колец — Пан. 86 б.

Инициалы могут воспроизводить совершенно фантастиче-

ское продергивание, которое осуществить на практике невозможно, например, два инициала О: Пан. 218 б и в рукописи № 17 из собрания Фоллантов Государственной пуб-

Пан. 218 б

Фол-17 127 а

личной библиотеки — Фол-17 127 а. Но вполне реалистическое продергивание видим в нижней части инициала Р — Пан. 133 в.

Вариант инициалов с продергиванием представляют инициалы, в которых матча обвивается своеобразными петлями. Их легко сделать иголкой с ниткой, но не крючком или спицами. Последние пока не

Пан. 114 г

Пан. 130 б

обнаружены в рукописях, что, возможно, является косвенным свидетельством позднего появления на Руси вязания. Приводим примеры из рукописи XII века: В (Пан. 114 г) — петли обвиваются влево от матчи инициала; Р (Пан. 130 б) — петли расположены внутрь (вправо).

Вариант инициалов с продергиванием представляют и узел-

ковые инициалы. Так, в упоминавшемся фоланте № 17 XIV века свободно завязанные жгуты воспроизведены в инициале Фол-17 18 а. Двойной

Фол-17 18 а

Глч. 42 в

узел представлен в нижней части инициала *B* из упоминавшейся галичской рукописи 1357 года (Глч. 42 в).

В рукописях XIII—XIV веков встречаются инициалы, в которых воспроизведена решетка из вертикальных и горизонтальных жгутов. Такая решетка подобна по фактуре ткани. Так, в инициале Глч. 29 г это плетение выполнено всего лишь одним жгутом. В принципе такое же, но более свободное переплетение видим в нижней петле *B* из Холмско-

Глч. 29 г

Хлм. 43 б

го евангелия XIII века (Хлм. 43 б): верхняя петля в нем выполнена путем продергивания в два кольца; второй конец жгута заделан посерединеверху.

Диагональное переплетение из одного жгута (с ошибкой

слева вверху) представлено в инициале *B* (Фол-17 7 г). Инициал Сим. 91 в из Симоновского евангелия 1270 года демонстрирует диагональное

Фол-17 7 г

Сим. 91 в

переплетение, выполненное с помощью добавочного жгута и кольца, изогнутого в восьмерку.

Если переплетение выполнено небрежно, то такой инициал напоминает разношенный лапоть или облегченный лапоть — ступень, который носят без онучей.

Многочисленны, особенно в рукописях XIV века, и разнообразные инициалы, которые имитируют плетение косы из трех, как обычно, или из четы-

Глч. 41 б

Глч. 30 в

рех жгутов. Такое плетение известно из повседневного обихода. Примеры его воспроизводим по галичской рукописи 1357 года (Глч. 41 б и Глч. 30 в). Инициалы воспроизводят и изнаночное плетение, которое можно представить по уже приведенным образцам, если эти инициалы перевернуть сверху вниз.

Реалистические или стилизованные инициалы плетеного типа в двух его основных вариантах — одножгутовые с узелковым, петлевым или решетчатым (прямыми или диагональными) самопереплетением или продергиванием одного жгута (нити) и собственно плетеные, воспроизводящие переплетение нескольких жгутов (прежде всего — плетение «косой»), очень широко представлены в рукописях. В ряде случаев они существенно осложнены тем, что плетение в этих инициалах сочетается со свиванием (Фол-17 86 в и Пан. 115 в), плетение с

Фол-17 86 в

Пан 115 в

продергиванием, с перевертыванием одного из жгутов, образующего при этом узел или петлю.

В древнерусских рукописях были широко представлены инициалы звериного стиля. О наиболее древних инициалах этого типа дают представление образцы из русских рукописей XI — начала XII века, начиная с Остромирова евангелия 1056—1057 годов. В этих инициалах изображены крупным планом животные: конь, птица, волк (?), тела которых замещают определенные части инициала, но не сплетены с ним (см.: «Русская речь», 1971, № 1, стр. 4 обложки; 1972, № 4, стр. 4 обложки; 1971, № 1, стр. 47).

Но в середине XII века уже встречаем инициалы звериного стиля в его чудовищном или тератологическом варианте (от греческого слова *teras* 'чудовище'). В инициалах чудовищного типа непременно находим

Дбл. 3 б

Дбл. 9 а

фантастического зверя или птицу, реже — человека, вплетенных ремнями в корпус инициала. Фигура, чаще лапы, крылья, животного или птицы таким образом участвует в плетении и является не только украшением инициала, но и его составной частью. Без фигуры животного тератологический инициал не может быть прочтен.

Одни из древнейших тератологических инициалов находим

Гл. 35 а

Хм. 43 б

в Добридовом евангелии 1164 года: *Б* (Дбл. 3 б), *В* (Дбл. 9 а). С течением времени сложность тератологических инициалов возрастала.

В тератологическом инициале из рукописи 1357 года отчетливо видно, как заплетены

лапы какого-то чудовищного волка (Глч. 35 г). В инициале Глч. 54 б чудовище тоже влечено в жгут, но этот жгут не переплетен, а, скорее, завязан в узел.

Тератологические инициалы

бывают и без жгутов, но в этом случае роль жгутов выполняют сами заплетенные тела чудовищных змей, драконов и других существ, которых фантазия писцов наделила вытянутыми телами.

Чудовищные инициалы, так же как и растительные (см. выше), это больше результат игры воображения писца, чем отражение каких-то фактов или явлений окружающего мира. Но это не фантазия только самих писцов.

Тератологические инициалы, как и амальберные, являются ярким свидетельством тесной связи ювелирного искусства Древней Руси и мастерства украшения рукописной книги. Ведь именно XII-м веком археологи датируют каменную форму для отливки браслетов, найденную в Киеве. К этому же времени относят серебряный колт — женское украшение вроде очень большой серьги, подвешивавшейся к головному убору около висков или ушей. Обе эти находки читатель легко увидит в 16 томе второго издания Большой Советской Энциклопедии (стр. 565, рис. 15 и 17). На ювелирной форме для отливки браслетов изображены в профиль две волшебные птицы с человеческими головами (сирены; ср. сказочную птицу сирин). Хвосты, лапы и волосы

их сложно переплетены между собою и, кроме того, заключены в круглом, точно очерченном кольце. На колте изображены две крылатые собаки (сенмуравы). Их хвосты взаимно переплетены в кольце, которое само сложено в восьмерку. К XII—XIII векам относится публикуемый здесь фрагмент серебряного браслета.

Серебряный браслет с чермью. Фрагмент. XII—XIII вв.

художественных украшений на архитектурных сооружениях: с резьбы и росписи их. Об этом свидетельствуют предметы, найденные при археологических раскопках, а также сохранившиеся до нашего времени древние здания.

Так, видимо, еще с дохристианских времен сохранилась в Новгороде часть шестигранной дубовой колонны, украшавшей какое-то деревянное здание. Археологи нашли ее при раскопках дома, построенного в конце XI века: бывшая колонна, украшенная

Рисунки инициалов писцы могли заимствовать не только с ювелирных украшений, но и с

великолепной резьбой, была использована в этом новгородском доме в качестве бревна в нижней части сруба. В свое время на колонне были изображены грифон и кентавр, а также мастерски вырезанное переплетение двойных жгутов — сложное сплетение между собой, еще и каждого жгута самого по себе (рис. фото).

Резьба по дереву. Фрагмент дубовой колонны X—XI вв.

Резьба по камню. Фрагмент арки Дмитриевского собора во Владимире. XII в.

Аналогичное сложное плетение двойного жгута, но выполненное в резьбе по камню, можно и до сих пор видеть в порталных арках Дмитриевского собора во Владимире, построенного в конце XII века (рис. фото).

Сложное плетение было представлено в орнаменте стенной росписи на здании XII века (рис., заимствованный нами из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, полутом 43, рис. 59 на таблице 2 перед стр. 175). Очень близкие ему переплетения двух жгутов были воспроизведены выше на материале Пантелеймонова евангелия, написанного также в XII веке.

Как было показано выше, в рисунках инициалов получило широкое отражение бытовое плетение, ткачество, шитье (вышивка). Это особенно относится к случаям, когда писцы старались передать в своих инициалах реальность изображаемого ими плетения. Следя за каждым жгутом, участвующим в таком плетении, мы отчетливо видим, где именно каждый из них проходит сверху, где снизу, откуда он начинается и где кончается. Такое реалистическое переплетение практически можно выполнить самому, используя шнур. При-

меры такого реалистического плетения с тератологией и в чистом виде были продемонстрированы выше на рукописи 1357 года из Галича Костромского.

При всем разнообразии инициалов в древнерусских рукописях вообще и в каждой в отдельности (лишь в редких исключениях инициалы в какой-либо рукописи однообразны у одного и того же писца) они имели нечто общее. Это общее позволяет относить инициалы к тому или иному стилю или типу. Определяя эти типы, мы видели, что нет оснований считать их византийскими или южнославянскими, так как истоки и развитие их отчетливо прослеживаются в самой рукописной книге, в быту и прикладном искусстве Древней Руси.

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Рубрику
ведет
доктор
филологических
наук
Л. П. Жуковская

Определите значения слова *легкий* в следующих строках из сочинений А. С. Пушкина, а также произведения, из которых они взяты.

Ответы на стр. 139

1. Долину брани объезжая,
Он видит множество мечей,
Но все *легки*, да слишком малы.
2. Перстами *легкими* как сон
Мои зениц коснулся он.
3. Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
4. В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком *легким* заменил;
И раб судьбу благословил.
5. ...Ведь есть
Такие праздные счастливыцы,
Ума недалежного ленивыцы,
Которым жизнь куда *легка*!
6. В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах *легкие* узоры,
Деревья в зимнем серебре.
7. Шум, споры — *легкое* вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном.

Продолжение на стр. 127

О ПОЧИТАНИИ КНИЖНОМ

овременное книговедение уделяет большое внимание изучению сложных и многогранных взаимосвязей в системе «книга — читатель». Изменяясь во времени и пространстве, эти взаимосвязи существовали на всех этапах истории книги. За последние 10—15 лет совместными усилиями археологов, историков культуры, искусствоведов, литературоведов достигнуты огромные успехи в изучении многих сторон жизни Руси до нашествия монголов. Сенсационным открытием было появление совершенно нового источника информации — берестяных грамот, первая из которых обнаружена в Новгороде 26 июля 1951 года. Появилась реальная возможность «услышать» живую речь древних новгородцев, сравнить ее с книжным языком того времени.

Общепризнанно, что на первых этапах истории книги основными центрами распространения просвещения и книжности были крупные храмы и монастыри. За их крепкими стенами создавались новые произведения, делались переводы, переписывались уже существующие, формировались кадры «книжных» людей.

По нашим, документально подтверждаемым, данным с XI века и до середины XIII века на Руси в общей сложности функционировало 143 монастыря с несколькими тысячами не просто грамотных, но и достаточно образованных для своего времени людей.

Студийский устав, принятый в Древней Руси, предписывал грамотность монахов, предписывал иметь в монастырях библиотеки. Для хранения книг рекомендовалось выделять специального человека. Существовал порядок выдачи книг в определенное время, когда книги должны возвращаться в «книгохранильницу», регламентировались соответствующие наказания для тех, кто задерживал их. Неизвестно, сколь точно выполнялся этот параграф устава, но стремиться к его выполнению обязаны были все настоятели. Изучение Киево-Печерского патерика убеждает в том, что в Печерском и других киевских монастырях эти требования устава строго соблюдались. Например, в Лаврентьевской летописи читаем: «Преподобный Феодосий не только сам был большой охотник до книг» («в словесах книжных веселился»), но непрерывно поучал братию «почитанию книжному». А Киево-Печерский патерик сообщает сведения о том, что бывший монах Печерского монастыря Владимирский и Суздальский епископ Симон писал иноку Поликарпу, что чтение в келье Псалтыри являлось обычным занятием монахов. Пресвитор Дамиан прославился прилежным чтением все ночи напролет святыx книг. Сохранился рассказ о затворнике Никите, с которым никто из братии не мог состязаться в знании книг Ветхого Завета, так как Никита знал наизусть книги Бытия, Исхода, Левита, Чисел, Судей, Царств и все пророчества по чину.

Только один раз встречается в Киево-Печерском патерике рассказ о человеке, который был «невежа словом». Как бы извиняясь, автор добавляет, что Спиридон был не из города, а из села. Но и этот «простореk» начал энергично учиться в монастыре книгам и скоро достиг больших успехов. Он без конца распевал Псалтырь и даже выучил ее текст наизусть. Отметим, что Псалтырь имела особое значение в средневековой Руси. Она была основной книгой, по которой древнерусские люди учились грамоте. Древнерусские оригинальные сочинения изобилуют отрывками из нее.

Помимо литературного труда и чтения, монахи много упражнялись в «книжном строении». В рассказах Киево-Печерского патерика образно запечатлена картина работы одной из древнейших русских книжных мастерских. Инок Ларион (Иларион) был «хитр» писать книги и писал их в келье игумена «все дни и нощи». Другой монах, Никон, сидя рядом, «строил», то есть переплетал книги, а сам

блаженный прят «верные» «еже на потребу таковому делу». Работа сопровождалась тихим пением Псалтыри.

Монастырские библиотеки комплектовались не только за счет рукописей, выполненных в его стенах. В Арсениевской редакции Киево-Печерского патерика, хранящегося в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, имеется указание на то, что еще в начале XIII века в монастыре хранились греческие книги, привезенные из Византии иконописцами, работавшими в обители в середине XI века.

Черниговский князь Святослав Давидович, постригшийся в Печерском монастыре под именем инок Николай (Святоша) 17 февраля 1106 года, был известен как переводчик и собиратель книг. Многие из них он принес с собою в келью. Судя по словам Симона, некоторые рукописи его собрания дожили до начала XIII века: «Суть же книги его многи и доныне» (Киево-Печерский патерик). У ученика Феодосия инок Григорий все личное имущество в келье заключалось в книгах: «Не бе бо иного ни что же имея, разве книг» (там же).

Крупные библиотеки складывались при соборных церквях. Первой среди них по времени и вообще, вероятно, первой русской библиотекой было книжное собрание киевского Софийского собора.

В «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку под 1037 годом записано, что великий князь Ярослав «книги любил, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество... Ярослав же, как мы уже сказали, читал книги, и много их написав, положил в церкви св. Софии, которую создал сам» (Д. С. Лихачев.— Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957). По всей видимости, в Софийском соборе сложилось уникальное книжное собрание раннего европейского средневековья. К сожалению, в настоящее время мало что известно о подробностях его формирования и составе. Академик В. М. Истрин предполагал, что, утвердив в Киеве митрополичий престол и основав Софийский собор, как резиденцию главы русской церкви, Ярослав потребовал от царьградского патриарха, чтобы митрополиты, прибывая в Киев из Византии, привозили с собой греческие рукописи.

По мнению историка Е. Голубинского, у Ярослава могло работать не более 20 переписчиков. Учитывая, что ве-

ликий князь еще и покупал («снискаша») книги, исследователь предполагает, что в библиотеке Софийского собора хранилось около пятисот томов. Крупные для своего времени книжные собрания сложились и при других епископских кафедрах, соборных храмах.

Местопробыванием новгородского епископа был дом святой Софии. Построенный в 1052 году собор стал признанным центром новгородской книжности. Под сводами патронального храма всей северо-восточной Руси хранились Остромирово евангелие (1056—1057 гг.), Путятинна Минея (Минея служебная, около 1100 г.), Стихирарь праздничный, на крюках (1156—1163 гг.), Мстиславова евангелие (до 1117 г.) и другие книги.

Очевидно, крупной библиотекой обладал также Новгородский Воскресенский св. Лазаря монастырь. Пометы «Лазорева книги» или «Лазорева монастыря» имеются на нескольких рукописях: Минее 1095 года, Минее 1096 года, Минейх XII века, Октоихе XIII века и других.

Уже в XII веке книги рассматривались как большая материальная ценность. Они часто оказывались в числе трофеев, захваченных в кафедральных соборах во время княжеских междоусобиц.

В 1146 году войска князя Изяслава Мстиславича и его союзников захватили Путивль, принадлежавший Святославу. Город был ограблен, «и церковь св. Вознесенья всю облупиша, ссуды серебряные... и платы служебные, а все шито золотом... и Евангелие ковано и книги и колокола... и не оставиша ничто». В 1203 году Рюрик с половцами, ворвавшись в Киев, ограбили Софию, Десятинную церковь и ряд других храмов и монастырей. Они «поимали» драгоценные кресты, сосуды и книги.

Кроме монастырских и церковных библиотек, книги попадали в княжескую казну. Под 996 годом «Повесть временных лет», подробно сообщая о мероприятиях Владимира Святославича в области культуры, подчеркивала любовь великого князя к чтению и книге: «любил словеса книжные».

Большим книголюбом был великий князь Святослав Ярославич (1027—1076 гг.). В 1073 году дьяк Иоанн написал для него «Изборник» — богословскую энциклопедию раннего средневековья. По своему характеру и содержанию «Изборник» предназначался для личного пользования князя.

Большой интерес представляет «Изборник» 1076 года, написанный для того же князя «рукою грешного Иоанна». Примечательна приписка, сделанная рукою переписчика — «Избрано из многих книг княжих». Приписка и сам текст «Изборника» 1076 года позволяют предположить наличие у князя Святослава обширной библиотеки. В некрологе, посвященном князю Владимиру Васильковичу Волынскому, наряду с другими достоинствами усопшего, высокообразованного для своего времени человека («глаголяще ясно от книг, зане бысть философ велик»), подчеркивалось и то, что он занимался перепиской книг. Вполне допустимо предположение, что у князя была личная библиотека. Во всяком случае, книги всегда были у него под руками. Так, в Ипатьевской летописи под 1276 годом сказано, что Владимир Василькович «нача собе думать, абы где за Берестьем поставити город». Чтоб укрепиться в своем решении, князь взял Книгу пророков, раскрыл ее наугад на пророчестве Исаии. Увидев в этом доброе предзнаменование, князь послал градостроителя своего отца Алексея срубить город Кременец.

Книги проникали и в демократическую среду.

Запись сгоревшего Пролога 1229 года говорила, что написан он был в Новгороде «дьяконом Давидом в Шенкурск за Волок в храм Спаса» (Н. В. Волков. Статистические сведения). Паремейник 1271 года написан священником церкви Дмитрия Захарием с сыном Онуфрием «матигорцам за Волок», то есть в село Матигорье на Двине. Тот же поп Захарий списал еще Псалтырь 1296 года, в записи которой упоминается, что поп Захарий «имел издетски обычай, много написал богословских святых книг». В старости, живя на Волоке, он списал еще Евангелие «боголюбивому попу Антонию в церковь Покрова».

У священников Древней Руси, как впрочем и в более поздние времена, имелись личные книги. Ипатьевская летопись под 1288 годом сообщает, что князь Владимир Василькович Волынский вложил в основанную им Георгиевскую церковь в городе Любомле (Люблине) молитвенник, который купил «у протопопины за 8 гривен кун». По всей видимости, протопопина продала князю молитвенник своего умершего мужа. Даниил Заточник, человек небогатый, находясь в ссылке на далеком лесном озере Лача, чтоб создать свое знаменитое «Моление», должен был иметь под руками довольно большое количество книг. Рассказывая о методе своей работы, он писал: «Я, княже... по многим

книгам собирал сладость слов и смысл их собрал, как в мех воды морские» (Д. С. Лихачев.— Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957).

С точки зрения летописца, не было ничего удивительного в том, что во время пожаров в домах горожан горели книги. 13 апреля 1185 года во Владимире на Клязьме вспыхнул «великий» пожар. Владимирские горожане пытались бороться с огнем, спасти свое имущество. Они выносили во дворы из теремов «куны и книги и паволоки» (Лаврентьевская летопись). Можно привести еще одно известие, относящееся, правда, к более позднему времени. 7 июня 1340 года в Новгороде начался огромный пожар. Рассказывая о подробностях бедствия, летописец с грустью сообщает: «Изо многих церквей не успели вынести ни икон, ни книг, тако же ни из домов» (Новгородская I-ая летопись). Известия летописей о том, что книги могли находиться в домах горожан, подтверждаются археологическими данными. Так, А. Л. Монгайт, при раскопках жилых кварталов старой Рязани, погибшей во время нашествия орд Батыя, обнаружил остатки медных застёжек книжных перецетов.

Первое по времени известие о наличии на Руси определенной читательской среды относится к середине XI века. Еще А. И. Пономарев обратил внимание на запись попа Упыря Лихого, написавшего в 1047 году Толкования на книги пророков (текст дошел в списке XV века). В приписке поп Упырь адресовал свою рукопись не только князю, но и другим читателям (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы).

Начиная с середины XI века, на древнерусских книгах встречаются приписки писцов с настойчивой просьбой, чтоб те, кто будет читать их книги, не проклинали переписчика за возможные в тексте ошибки и описки, а исправляли оные, ибо всякий человек грешен и может ошибиться.

Митрополит Иларион уже в середине XI века обращался со «Словом о законе и благодати» к людям «приезлиху насытившимся учения книжного».

Академик В. Н. Перетц в книге «Образованность Древней Руси» привел интересную подборку древнерусских изречений о пользе учения книжного. Многие из них по четкости, лаконичности, глубокому уважению к книге, пониманию ее огромной роли в жизни общества не потеряли своего значения до XX века. Просматривая высказывания

древнерусских людей о книге, невольно задумываешься над тем, какой качественный скачок в развитии русской культуры произошел в XI веке. Самая древняя русская книга «Остромирово евангелие» датируется 1056—1057 годами. Всего от XI века до наших дней 33 рукописи.

Уже со второй половины XI века вырабатываются навыки работы с книгой. В «Изборнике Святослава» 1076 года помещено «Слово некоего калугера о чьтѣи книг [о чтении книг]». Помимо восторженных отзывов о роли книги в жизни человека, там приведены методические советы, как читать книгу.

Большой интерес представляет новгородская берестяная грамота № 271. Она датируется XIV веком. Некто Яков пишет куму и другу своему Максиму, сыну посадника Юрия Онциферовича. После просьбы о покупке овса, Яков добавил: «да пришли мне чтения доброго». (А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. М., 1963). Это, вероятно, пока первое письменное подтверждение интереса к чтению среди обитателей городского посада в столь раннее время.

В. В. САПУНОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЧИТАЯ ПУШКИНА...

Продолжение

8. Еще Мария сладко дышит,
Дремой обьятая, и слышит
Сквозь *легкой* сон, что кто-то к ней
Вещал.
9. Но так и быть: простимся дружно.
О юность *легкая* моя!
10. Перед хозяйкой *легкий* вздор
Сверкал без глуного жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без ноншальных тем.
11. Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На липе *легкой* и небрежной
Старинны были маневать.
12. Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все также ль *легак*
его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?
13. И мысли в голове возмужают в отваге
И рифмы *легкие* навстречу им бегут
И пальцы просятся к перу, перо —
к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

В адрес редакции журнала поступило немало писем от учителей, ведущих в школах факультативные занятия по русскому языку, с просьбой рассказать об образовании фразеологизмов, в частности таких, как *человек в футляре*, *красная суббота*. О фразеологизмах см. заметку Д. Д. Проценко («Русская речь», 1972, № 6). Ниже мы публикуем статью Ю. А. Гвоздарева.

ОБРАЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

При описании фразеологизмов того или иного языка обычно подчеркивается их своеобразие, оригинальность. В данном случае часто пользуются термином «идиома», то есть своеобразная. Действительно, каждый фразеологизм, рассматриваемый изолированно от всей системы языка, может удивить нас своей неповторимостью.

Систематическое и глубокое изучение возникновения фразеологизмов только еще начинается. Однако уже сегодня можно уверенно сказать, что в основе фразеологических образований разных языков лежат определенные образцы. Сравнение трех фразеологизмов славянских языков со значением 'преувеличивать' показывает единство их схемы: русск. — *делать из мухи слона*, чешск. — *делать из кожара вреблюда*, польск. — *делать из иглы силы*.

Для того чтобы установить процесс фразеобразования, необходимо знать, на каком материале языка или речи возникла новая единица, какой процесс сопровождал ее образование и какой тип фразеологизма представляет собой это новое образование.

Фразеологизмы возникают на базе имеющихся единиц языка по определенным образцам. Для русской фразеологии это отдельные слова, сочетания из слов со свободными значениями, пословицы, фразеологизмы русского языка и иноязычные.

Человек в футляре. В записной книжке А. П. Чехова читаем: «Человек в футляре, в калошах, зонтик в чехле, часы в футляре, нож в чехле. Когда лежал в гробу, то, казалось, улыбался: нашел свой идеал». Описывая своего героя, Чехов не употребляет слово *футляр*, а использует синоним *чехол* и только в конце описания Беликова вводит это емкое слово *футляр*: «[Беликов хотел] создать себе, так сказать футляр».

Слово *человек* в этом фразеологизме сохраняет свое привычное значение (человек с большой буквы, настоящий человек). Смысловая нагрузка лежит на предложно-падежной форме слова *футляр*, в результате чего общее значение выражения становится гораздо сложнее, чем значение составляющих его слов.

Суть данного фразеологизма раскрывается автором на протяжении всего рассказа. Отсюда не случайно, что сама эта формула и стала заглавием произведения.

Красная суббота. Это новое образование, обогатившее слово *красный* еще одним фразеологически связанным значением — «свободная, нерабочая». По традиции нерабочие дни в календарях печатаются красным цветом (красный день календаря). Слово *суббота* в этом выражении сохраняет свое свободное значение. Заметим, что проведение всесоюзного субботника не помешало сохранить это обозначение для «рабочей субботы»: «На десять тысяч рублей выпустил в „красную субботу“ различных приборов коллектив кировского завода № 2 „Физприбор“» («Учительская газета», 18 апреля 1972).

Задать храповицкого. Выражение это носит шуточный характер. Оно является как бы аналитической формой глагола *захрапеть* (задать храпа, задать храпака). Выразительность этому сочетанию придает слово *храповицкого*, напоминающее нам фамилию. Известно, что такую фамилию носил близкий друг Державина, писатель, которому поэт посвятил свое послание. Фамильный характер этого слова, однокоренного слову *храпеть*, обыгрывается нередко в художественных произведениях: «Ну, брат-казначей, ты уж расплачивайся за меня, а я пойду на сеновал с Храповицким поговорить!» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

В данном случае происходит не синтезирование слов, а как бы разложение одного из них, причем все выражение сохраняет общее значение слова, с которым оно соотносится. Приведенный пример в русской фразеологии не единичен (удрать — задать деру, заждаться — съесть все жданки, дрожать — продавать дрожжи).

Петь лазаря. Это выражение возникло на базе свободного и конкретного словосочетания. История его возникновения весьма примечательна.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова это выражение сопровождается этимологической справкой: «От евангельской притчи о нищем Лазаре, который лежал в стругах у ворот богача и рад был напиться крохами с его стола». Действительно, в тексте евангелия есть такая притча, но остается при этом неясным, почему «петь Лазаря». Иначе говоря, фразеобразовательная база при таком объяснении не выявляется.

Слово *лазаря* издавна употреблялось в связи с притчей в свободном значении «нищий, бедняк»: «Прокофий Силыч, ты кого морочишь? Вишь, нарядился Лазарем каким!» (А. К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного); «Экий вор мужик-то! Тонкая бестия. Ведь каким Лазарем прикинется» (А. Островский. Семейная картина). В последнем случае можно говорить о цельном выражении — *прикидываться Лазарем* — «прибедняться, стараться быть похожим на нищего, каким был Лазарь из евангельской притчи».

Выражение *петь лазаря* зафиксировано в словаре В. Даля с пометой: «о стихе, который поют нищие». Это положение подтверждается в текстах художественной литературы: «На монастырском дворе сидят целые толпы нищих, калек, слепых, всяких уродов, которые хором поют „Лазаря“» (Герцен. Былое и думы); «Здесь же, около ворот, сидели слепые и немые Лазаря» (Подъячев. Среди рабочих); «Увидел раз [князь] нищего слепца — стоит на базаре, Лазаря поет. Батюшки-светы... привез домой, прямо его в кабинет... да и заставил стихеры распевать» (Мельников-Печерский. Старые годы).

Таким образом, базой выражения явилось свободное словосочетание *петь Лазаря*, которое после фразеологизации означает «прибедняться, жаловаться на свою судьбу»: «Я сам отдаю преферанс сигаркам, но в наших удивившихся краях доставать их чрезвычайно затруднительно. — Да полно тебе лазаря петь, — перебил опять Базаров» (Тургенев. Отцы и дети); «А вот что потом, после своей ошибки человек делает — это другой вопрос! Твой отец Лазаря никому не пел. Встал за свой станок и стоял аа ним, пока жил» (Симонов. Солдатами не рождаются).

Установление фразеобразовательной базы выражения позволяет сделать один важный вывод: это исконно русское выражение, хотя оно и связано определенным образом с текстом евангелия.

Преобразование свободного словосочетания во фразеологизм обычно происходит на основе ассоциации либо по сходству, либо по связи.

Нулевой цикл. Заметный рост в наше время профессиональных и терминологических выражений находит известное отражение и во фразеологии. Фразеологизм *нулевой цикл* возник на основе словосочетания в его первичном значении — 'подготовка строительной площадки и закладка фундамента здания, сооружения'. Перенос на основе сходства привел к образованию фразеологизма со значением 'начало какой-то деятельности': «Специалистам и квалифицированным рабочим, прибывшим сюда из „старых“ нефтяных районов, пришлось начинать с „нулевого цикла“: систематизировать имеющиеся знания, экспериментировать, переучиваться» («Правда», 16 июня 1970).

Кормить обещаниями. Это выражение возникло на базе фразеологизма русского языка *кормить завтраками*, что значит 'многократно обещать что-то, но не выполнять своих обещаний'. В Словаре В. Даля встречаем: «*Завтраки* — обманчивые обещания, посул, надежда, которою манят, проманиха. Кормить (кого?) завтраками, посулом. Завтраками не кормят. Завтраками сыт не будешь. Перехватка — хлеба недохватка, завтрак — завтра, обед — пробег, ужин незаслужен. Сыты завтраками, обещаниями».

Замена слова *завтрак* *обещанием* делает выражение более конкретным: «А чтобы от высоковольтной линии дать энергию, так на этот счет пока еще обещаниями кормят» (Симонов. Люди с характером); «Ты меня обещаниями не корми, а на этой неделе посылай в район Усть-Невинской изыскательскую партию» (Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды).

Аналогичные процессы наблюдаются в других случаях модернизации фразеологизмов: одеться в деревянный тулуп — одеться в деревянный бушлат (профессионализация); мерять на свой аршин — мерять на свою мерку (устранение устаревшего слова); реветь белухой — реветь белугой (замена неизвестного слова известным).

Зеленая волна. Приведенное выражение появилось недавно как терминологический фразеологизм ГАИ. Оно означает 'свободный проезд на всем протяжении пути при условии определенной скорости', поэтому к нему обычно дополняется указание: «50 км», «70 км» и т. д. Основа его — фразеобразовательный ряд: *зеленый свет* 'свободный проезд' → *зеленая улица* 'свободный проезд на всем протяжении пути'. Выражение *зеленая волна* полностью сохраняет значение своей фразеобразовательной базы (выражения *зеленая улица*), а новый компонент *волна* вносит дополнительный элемент.

Рассмотренные фразеологизмы показывают, насколько различны и многообразны процессы русского фразеобразования.

Кандидат филологических наук
Ю. А. ГВОЗДАРЕВ

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИ- ЧЕСКОМ СТИЛЕ

Развитие и обогащение речевой культуры учащихся в значительной степени определяется знанием лексики, фразеологии, синтаксических структур, различных средств выразительности языка.

Широкие возможности в обогащении речи школьников открываются при изучении публицистических статей. Внимание к языку литературно-критических статей, предусмотренных школьной программой (или привлекаемых в дополнение к ней), плодотворно и для характеристики идейно-художественного содержания произведений.

Знакомясь со статьей Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве», учащиеся замечают умелое и целенаправленное использование автором различных синтаксических конструкций, в частности вопросительных, эмоциональная экспрессивность которых приобретает особое звучание.

В познавательном отношении целесообразно выделить риторические вопросы, характерные для публицистического слога.

Но что же им делать, как не спать, когда они сыты?

Какой приказчик, работник, слуга Дикого может быть столько козлан, забит, отрешен от своей личности, как его жена? У кого может накопиться столько горя и негодования против целеных фантазий самодура? И, в то же время, кто менее ее имеет возможности высказать свой ропот, отказаться от исполнения того, что ей противно? [цитируется по изданию: Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в 3-х томах. М., 1952].

Эмоционально-экспрессивная насыщенность риторических вопросов ярко выявляет позицию автора, его отношение к различным явлениям жизни. Анализ структуры риторических вопросительных предложений показывает, что

одни из них включают в себя отрицательные частицы, в других — их нет. Характерно, что риторические вопросы с наличием отрицательных частиц заключают в себе утверждение (позитивное), без отрицательных частиц — отрицание (негативное утверждение).

Без всякого сомнения, замечания обо мне будут сделаны: один найдет, что у меня нос велик, другой — что борода рыжая, третий — что галстук дурно повязан, четвертый — что я утрую и т. д. Ну, и пусть их замечают, мне-то что за дело до этого?

Но, видите ли, Дикой говорит, что «гроза в наказание нам посылается, чтоб мы чувствовали», а Кулигин не чувствует, или чувствует совсем не то и толкует об электричестве. Разве это не своеволие, не пренебрежение (власти и) значения Дикого?

Рассматривая структуру риторических вопросов, важно обратить внимание на наличие в них собственно-вопросительных слов: частиц, местоимений, наречий. В составе риторических вопросов могут использоваться и усилительные частицы. Нередко рассматриваемые предложения представлены структурами как простых, так и сложных конструкций. Интересно показать риторические вопросы с элементами устойчивой лексико-грамматической структуры, то есть своего рода фразеологизированные конструкции типа *что это... как не...*

Мы искали, как и насколько произведения Островского служат выражением народной жизни, народных стремлений: что это, как не народность?..

А что же иное лежит в основании этого вопроса, как не уменьшение произвола и не возвышение прав человеческой личности? То же самое и во всех других реформах и улучшениях. В финансовых реформах, во всех этих комиссиях и комитетах, рассуждавших о банках, о податях и пр., что видело общественное мнение, чего от них надеялось, как не определения более правильной, отчетливой системы финансового управления и, следовательно, введения законности вместо всякого произвола? Что заставило предложить некоторые права гласности, которой прежде так боялись, — что, как не сознание силы того общего протеста против бесправия и произвола, который в течение многих лет сложился в общественном мнении и, наконец, не мог себя сдерживать?

На материале статьи Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» ученикам следует показать некоторые особенности функционирования риторических вопросов как средства полемики. Часто при помощи таких вопросов

раскрывается внутренний мир тех или иных героев, психологическая, социальная обусловленность их поступков, действий, мыслей. Экспрессивность, эмоциональность вопросов усиливается, когда в состав абзацев включаются логические вопросы, конструкции экспрессивного синтаксиса:

О, наивный автор! Как он пренебрегает теориями Кошанского (и Давыдова)! Он совершенно серьезно принимает дошлую метафору, что критика есть трибунал, пред которой авторы являются в качестве подсудимых! Вероятно, он принимает также за чистую монету и мнение, что плохие стихи составляют грех пред Аполлоном и что плохих писателей в наказание топят в реке Лете?.. Иначе — как же не видеть разницы между критиком и судьей?

Вы видите, что она не довольствуется объяснениями Феклуши, которые возбуждают в ней только сожаление о своем невежестве. Она, очевидно, на полдороге к скептицизму. Но где ж ей сохранить свое недоверие, когда оно беспрестанно подрывается рассказами, подобными Феклушиным? Как ей дойти до правильных понятий, даже просто до разумных вопросов, когда ее любознательность заперта в таком круге, который очерчен около нее в городе Калянове? Да еще мало того, как бы она осмелилась не верить да допытываться, когда старшие и лучшие люди так положительно успокаиваются в убеждении, что принятые ими понятия и образ жизни — наилучшие в мире и что все новое происходит от нечистой силы?

Изучение данной темы на материале статьи Н. А. Добролюбова может быть предложено учащимся в форме живой беседы. В этом случае отдельные риторические вопросы целесообразно представить на карточках с тем, чтобы ученики могли определить тип предложений (простое предложение: личное, безличное и т. п.; сложное предложение: сложносочиненное, сложноподчиненное, бессоюзное предложение, сложное предложение с сочинением и подчинением). При этом важно отметить, представляет ли риторический вопрос главное предложение или придаточное, каково его место в составе сложного, начинается он предложением или находится в конце его. На заключительном этапе изучения статьи и выяснения характера риторических вопросов, их значения в раскрытии идеи произведения целесообразно провести сочинения на тему: «Риторические вопросительные предложения в статье Н. А. Добролюбова „Луч света в темном царстве“».

Чтобы направить внимание учащихся на освещение наиболее существенных особенностей языка публицистической статьи, можно предложить развернутый план, со-

ставленный учителем, или отдельные вопросы, касающиеся выяснения природы и структуры риторических вопросов, их функционирования в публицистическом стиле.

Приведем отдельные выдержки из сочинений учащихся 9 класса школы-интерната № 45 Ждановского района города Ленинграда:

Риторические вопросы построены так, что они не требуют ответа. Он часто подразумевается, например, в придаточном предложении (Александр Меркурьев).

Риторический вопрос [Н. А. Добролюбов] не выдает за полный, исчерпывающий ответ. Если читателю недостаточно тех выводов, которые приводит автор, он может сам мысленно дополнить ответ (Игорь Шкляр).

Риторические вопросы могут выражать различные идеи, но, по-моему, общее для всех риторических вопросов то, что писатель, употребляющий их, сначала что-то предлагает, а затем второй частью риторического вопроса показывает, что это действие может или не может совершиться. Автор как бы сталкивает два понятия. Рассмотрим это на примерах... (Владимир Некучаев).

Н. А. Добролюбов в одной части риторического вопроса задает вопрос, а в другой — сразу же отвечает на него (Валерий Панюков).

Вопрос можно разбить на две части: первая — главное предложение, заключающее в себе вопрос; вторая — подчиненное предложение, пояснение, как бы ответ на вопрос. Если же предложение сложноподчиненное, то вопрос может относиться и к первому, и ко второму, и к третьему предложениям (Сергей Головин).

В статье «Луч света в темном царстве» наблюдаются целые цепочки риторических вопросов, следующих один за другим. Одно предложение дополняется другим, и перед глазами читателей вырастает стройно выраженная мысль автора. Эти вопросы не требуют ответа: в них заключен уже ответ на поставленный вопрос. Например, в рассмотренных мною предложениях Добролюбов раскрывает бесправное положение женщины в России в середине XIX века. Причем мы чувствуем в этих строках гнев самого Добролюбова... (Владимир Мигунов).

Ответ на риторический вопрос может быть, он дается для разъяснения сути рассматриваемого предмета (Владимир Шварц).

Характеристика особенностей языка, связанных с функциональными стилями, несомненно, может способствовать развитию творческих возможностей учащихся, обогащению их речевой культуры.

Л. Н. ШЕРДАКОВА, Н. П. СОВОЛЕВА

РЕЧЬ ДОШКОЛЬНИКА

Дошкольники, как известно, с большим интересом включаются в беседы со взрослыми: в беседах удовлетворяется их природная потребность в речевом общении. Под влиянием ежедневного общения, постоянных бесед речь дошкольников становится содержательнее, точнее, выразительнее.

Постоянно возникающие разговоры взрослых с дошкольниками следует поэтому рассматривать как ценную для ребят речевую практику.

В дошкольном возрасте, как подчеркивает Д. Б. Эльконин, происходит «овладение средствами языка (его грамматическим строем), и это создает возможность для осуществления общения, опирающегося на собственные языковые средства» (Развитие речи в дошкольном возрасте. М., 1958).

Участвуя в беседах, ребенок непосредственно делится своими наблюдениями, переживаниями, размышлениями,

сталкиваясь при этом со сложной речевой задачей — сделать понятным то, что намерен сообщить, передать.

Вчитаемся внимательно в короткие рассказы о кролике детей шести лет.

У нас есть кролик. Мы даем ему пить. Он попьет-попьет, потом как чихнет! Вода так из носа и брызнет!

Мы выпустили из клетки кролика, пока убирали клетку, он забился под стол, где цветы, и не вылезает. Потом мы отошли. Он как выскочит и поскачет: скок-скок! А в клетку не идет. Женья сказал: «Давайте морковку положим в клетку». Принесли морковку, положили. Кролик побегал еще и в клетку забрался. Мы и закрыли дверцу. А он из клетки выглядывает.

Мы любим нашего кролика. Он весь белый. Глаза розовые. Уши длинные. И язычок розовый. И носик. Мы чистим клетку, ставим туда блюдо с водой, молока наливаем — кролик пьет молоко. Мы положили ему палочек, чтобы он грыз. Мы нашему кролику даем морковку, капусту, сухари.

Из приведенных отрывков нетрудно сделать вывод, как дети, используя различные средства языка, смогли связно, достаточно обстоятельно и подробно рассказать запомнившиеся им случаи. Более того, выразили свое отношение к окружающему. Хотя в речи детей преобладали простые предложения, для связи отдельных слов и предложений дошкольники уверенно оперировали союзами и союзными словами *и, а, пока, чтобы*. Словарь, который использовали дети, позволил им вполне точно обозначить не только действия, качества, но и взаимосвязи. Обращает на себя внимание широкое использование глаголов, которые придают речи динамичность. Выразительны и точны глаголы: *пьет (попьет-попьет), грызет, чихнет, забрался (в клетку), забился (под стол), вылезает, выскакивает, выглядывает*.

Замечено, что интерес ребенка к слову, чуткость к языковым явлениям повышается, если языковой материал делать объектом анализирующего восприятия, объектом познания и усвоения.

В беседе о зимующих и перелетных птицах дети слышали, как воспитатель в своей речи использовал такие слова, как *грачи, грачиные гнезда, грачиная стая, птенцы-грачата, грачевник*, давая пример точного называния движений птиц, употребил выражения: *грачи кружили над деревьями, садились на ветки, слетали с них, подлетали к гнезду, несли прутики в клюве, громко кричали, взмахивали крыльями, опускались на гнездо*. Слышали в речи воспитателя дети и такие фразы, как *грачиные гнезда*

чернеют на ветках деревьев, грачи шумно хлопочут около своих гнезд.

Меткие слова и образные выражения, услышанные от учителя, дети умело использовали в своих рассказах о птицах.

Я один раз подошел к воробьям, а они сразу же вспорхнули.

А я шла по улице — только дождь кончился и лужи были — и тут я увидела: воробьи в луже одной купались. Побарахтались в воде, встряхнулись и взлетели на куст!

Мы насыпали хлебных крошек на кормушку. Воробьи прилетели — все склевали. Скворцы едят гусениц, клюют их. Я смотрю: капуста растет. Скворец вылетел из скворечника и стал есть гусениц. Я его не испугал. Отошел, чтобы он клевал. Я знаю: есть бабочки, они кладут яички. Из этих яичек появляются гусеницы. Они поедают капусту. А скворец их клюет. Я боялся его спугнуть.

В беседах с детьми важна роль воздействующей на них эмоционально-выразительной речи, образных слов и оборотов.

Воспитатель детского сада с шестилетними дошкольниками беседует на тему «Как зимуют звери в лесу». В самом начале беседы он побуждает детей представить картину зимнего леса. На вопрос: «Как бывает зимой в лесу?» — дети отвечают: «Холодно-холодно! Все покрыто снегом. Снега много. Не пройти. Сугробы целые!». Предложив поговорить о том, как белочка зимует в лесу, педагог спрашивает: «Страшны ли ей зимние морозы, ледяные ветры, снежные вьюги?». Дети живо откликаются:

Нет! Нет! Белке мороз не страшен, потому что у нее шерстка теплая.

Белочка прячется в гнездо. Когда белочку застанет непогода, она к своему гнезду спешит. Гнездо белки сделано из веток, из сучьев. И подстилка есть внутри из меха. Белочка заберется в гнездо, закроет вход подстилкой, чтобы ветер не задувал, вот ей и тепло. Она мягкого мха натаскала в гнездо побольше. Если тоненькая подстилка будет, она замерзнет. Она закроет вход подстилкой, чтобы снег колючий не попал в гнездо.

Я знаю, почему еще белке в гнезде тепло! Она свернется клубком, хвостиком закроется, как одеяльцем, и спит.

В беседе дети старались припомнить все, что им было известно из книг, диафильмов, рассказов взрослых. Речевая активность детей оказалась высокой.

Если речевое общение строится на эмоционально-образном материале, то на протяжении всей беседы легко поддерживается эмоциональный настрой. Дети охотно и обстоятельно рассказывают о том, как они заботятся о белке в своем живом уголке.

Белка у нас живет в клетке. Клетка высокая. Там для белки домик сделан. С крышей. И с входом. Мы каждый день в клетку ставим воду, даем белке орехов. Я принес однажды орешек и дал белке.

Еще желуды даем, сухари, морковку. Мы белке наливаем молочка. Она у нас скакунья: все время скачет.

На даче мы давали белке шишки. Клади в клетку маленькую отелки веточку с шишками. Там семечки есть. Белка выгрызает их, потом бросает шишку. Мы для нашей белки желуды собираем на зиму. У нас в коробке много желудей. А белочка тоже запасы делает — уносит в домик желуды, орехи.

Образная речь, звучащая в беседах с дошкольниками, придает общению радостный настрой, обогащает эстетические переживания. Выразительные языковые средства постепенно выступают для детей как объект познания, усвоения.

В беседах дети с ранних лет приобщаются к богатствам русской разговорной речи, радуются ее меткости, образности, гибкости, звучности.

*Доцент Ростовского-на-Дону
педагогического института
Э. П. КОРОТКОВА*

Рисунок В. Толстоногова

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Ответы. См. стр. 120, 127.

1. Руслан и Людмила	1. Незначительный по весу, не тяжелый.
2. Пророк	2. Едва, легко касающийся (о пальцах).
3. Подъезжая под Ижору	3. Лишенный громоздкости, стройный, изящный.
4. Евгений Онегин	4. Посильный, необременительный.
5. Медный всадник	5. Непричиняющий затруднений, мучений, неудобств.
6. Евгений Онегин	6. Небольшой, малозаметный, слабый.
7. Евгений Онегин	7. Некрепкий, слабый (о вине).
8. Полтава	8. Неглубокий (о сне).
9. Евгений Онегин	9. Беспечный, бездумный.
10. Евгений Онегин	10, 11. Непринужденный, изящный.
11. Руслан и Людмила	12, 13. Совершаемый без усилий, плавный, скользящий (о движении).
12. Песнь о Вещем Олеге	
13. Осень	

Примечание. В «Словаре языка Пушкина» (М., 1957. Т. 2) примеры 1—3 отнесены к одному значению, 4—5 — к другому, 6—8 — к третьему, 9 — к четвертому, 10—11 — к пятому, 12—13 — к шестому.

ЛЮБИТЕ И ЗНАЙТЕ РУССКОЕ СЛОВО

Начиная с этого номера журнала, в отделе «Поступающему в вуз» будут проводиться консультации по наиболее трудным вопросам грамматики, выносимым на устные экзамены. Консультации дают преподаватели кафедры методики русского языка Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Вступительные экзамены в МГПИ имени В. И. Ленина показывают, что одной из самых трудных тем в школьном курсе русского языка является тема «Состав слова и словообразование», поскольку она связана с изучением сложных вопросов лингвистики.

Абитуриенты часто затрудняются ответить на вопросы: К какой части слова относятся подчеркнутые буквы в словах: ищейка, сыщик? Как объяснить различие в написании слов *искусный* и *искусственный*? Для ответа надо разобрать слова по составу, произвести морфемный анализ — вычленить морфемы в каждом слове в определенной последовательности: отделить окончание, определить основу (производную или непроизводную), затем корень, суффикс, приставку.

В слове *ищейка* следующий морфемный состав: ищ-ейк-а, корень *ищ* (от глагола *иск-а-ть*; *и* и *ск* чередуются). В слове *сыщик* (с-ыщ-ик) корень — *ыщ* (тоже от глагола *иск-а-ть*, *и* и *ск* чередуются; *и* переходит в *ы* после приставки *с*). *Искусный* и *искусственный* близки по морфемному составу, так как они имеют одинаковые корни: *искус-н-ый*, *искус-ств-енн-ый*, суффиксы же их различны. Слово *искусный* обозначает 'тонко знающий свое дело, обладающий высоким мастерством; выполненный с большим умением'; *искусственный* — 'сделанный наподобие настоящего; неискренний, деланный'.

Поступающий на гуманитарный факультет должен не только уметь выделить морфемы в слове, но и выяснить значения, связанные с различием этих морфем.

Немало затруднений во время ответов испытывают абитуриенты, когда им необходимо выяснить значение той или иной морфемы: письмо Пете — письмо Пети. Отвечая, надо обратить внимание на

различие окончаний у существительного собственного: письмо (кому)? Пете — письмо (кого? чье?) Пети.

Морфема — значимая часть слова; она вносит в слово определенное значение. Окончание *е* — показатель в данном случае дательного падежа, а *и* — родительного. В связи со значением морфем могут быть предложены такие вопросы:

Почему русский народ называет в сказках своих героинь Василиса Прекрасная и Василиса Премудрая? Как можно объяснить это явление, если исходить из состава слова?

Можно ли заменить подчеркнутые слова в каждом предложении одним словом с определенной приставкой? Какая это приставка? Почему? Например: Край около моря суров. Песок на берегу очень чистый. Полоса около фронта надежно защищена. Блины немного подгорели. Продвижение войска на время остановлено. Ветер несколько утих.

Не вызывают затруднений обычно определения приставки, корня, суффикса, окончания. Но попытки применить эти определения на практике далеко не всегда оказываются удачными.

Трудным нередко бывает и такой вопрос: Есть ли разница в выражениях *имеет окончание* и *оканчивается*?

«Иметь окончание» могут изменяемые слова. Неизменяемые слова могут только «оканчиваться», например: наречие *заново* оканчивается на *-о*.

Не следует забывать и о нулевом окончании, то есть окончании, не выраженном звуками. Оно определяется при сравнении форм слова: вход (входа), встреч (встреча).

При разборе слов по составу необходимо соблюдать определенную последовательность в рассуждениях. Проследим эту последовательность при анализе слова *беловатый* в словосочетании: в беловатой мгле.

В этом слове окончание *-ой*. Оно указывает в данном случае на то, что прилагательное *беловатой* женского рода и стоит в предложном падеже единственного числа. Основа — *беловат-*. Она состоит из корня *бел* (родственные слова — белый, белизна, белить) и суффикса *-оват-*, образующего имена прилагательные со значением «не совсем такой» (*беловатый* — не совсем белый).

Последняя часть разбора, где речь идет об образовании слова *беловатый*, относится не к морфемному, а словообразовательному анализу.

В связи со словообразовательным анализом ставятся следующие вопросы: Чем отличается производная основа от непроеводной? В чем отличие основы слова от производящей основы? В чем отличие производящей основы от производящего слова?

Производная основа включает, кроме корня, приставку, суффикс, а в сложных словах — соединительную гласную; неприводная основа равна корню. Основа находится в слове, которое мы анализируем, а производящая основа в том, от которого это слово образовано: *осиновый* (основа *осинов*) образовано от слова *осина* (*осин* — производящая основа). Основа слова, от которого образовано другое слово, называется *производящей основой*. Слово, от которого образовано другое слово, называется *производящим словом*. Производящая основа *серебро* — *серебряный*; производящее слово *длинный* — *предлинный*.

Н. М. Шанский очень удачно называет «принципом матрешки» выбор способа извлечения корня из слов. Он пишет о том, что «как нельзя в матрешке сразу достать ту, последнюю и самую маленькую, которая далее не делится, не содержит в себе еще более крохотной, так же нельзя во всех случаях правильно уже „с первого захода“ извлечь из многоморфемного слова корень» (В мире слов. М., 1971). Автор приводит следующий пример: «Процесс словообразования, результатом которого явилось слово *писательница*, шел следующим образом: *пис-* (*пиш-*) → *писать* (*пишу, писал и т. д.*) → *писатель* → *писательница*. При разборе слова по составу мы идем в обратном направлении: *писательница* → *писатель* → → *писать* → *писал* → *пишу*».

Самостоятельно готовясь к экзаменам, следует серьезное внимание обратить на морфологический и неморфологический способ образования слов. Это тем более важно, что от знания состава слова и его образования зависит и грамотность сочинений. Подумайте и ответьте. Каким путем образованы слова: *синева, ленинградец, посмотреть, приехать, бескорыстный, приморский*? Почему правописание слов *здесь, здание, здоровье, эи* надо запомнить? В связи с чем появились в языке слова: *колхоз, совхоз, трудодень, сельхозартель*?

Проанализируйте особенности их образования, сделайте выводы о способах образования этих слов.

В конце 50-х годов в нашем языке появились такие слова, как *прилуниться, прилунение*. С чем связано их возникновение и по типу каких слов они образованы?

Спутник — старое русское слово. Оно обозначает человека, с которым кто-либо находится в пути, совершает путешествие. 4 октября 1957 года весь мир услышал это слово в новом значении. О каких особенностях развития языка это свидетельствует?

Разновидность морфологического способа образования слов — это образование их путем присоединения к производящей основе: приставки, суффикса, того и другого аффикса одновременно, путем сложения основ. Неморфологический способ основывается на пере-

осмыслении значения слов (в наших примерах *слутний*), возникновении слова из словосочетаний (ближежащий), на переходе слов одной части речи в другую (столовая).

Вопросы, связанные с составом слова и словообразованием, встретятся на экзаменах в связи с различными темами курса русского языка.

Так, в теме «Фонетика» могут быть предложены такие вопросы:

— Известно, что в начале слов *здесь, здание, здоровье, зги* пишется *з*.

Как вы думаете, почему эту группу слов надо запомнить?

Что следует учитывать, применяя правило разделительных *ъ* и *ь*? Используйте для доказательства примеры: *вьюга, объявление, рысь, безоблачный, съедобный, муравьи, сэкономили*.

Прочитайте вслух и объясните подчеркнутые буквы в словах: *позже визжит, приезжает*.

Приведенные примеры свидетельствуют и о том, что вопросы морфемного словообразовательного анализа связаны не только с фонетикой, но и с орфографией.

Написание таких слов, как *чувствовать и участвовать, шествовать и шефствовать, блистнуть и блистать, блистать и блестящий* и многих других потребует анализа и морфемного, и словообразовательного.

Как и по какому типу слов образовано слово *большущий* и соответствуют ли особенности его образования значению, в котором оно употребляется в наши дни? Чем объясняются различия в значениях слов: *младший, молоденький, молодежный, моложавый*?

Определите различие между числительными в следующих парах словосочетаний: *шесть человек и шестой человек; двадцать книг и двадцатая книга*.

В ряде случаев перед местоимением в разных формах появляется *и* (к нему, с ней, от них и т. д.). Почему? Какие это случаи?

Замените подчеркнутые слова однокорневыми, но относящимися к другим частям речи: *Ловить рыбу — большое удовольствие. Курить вредно. Купаться в жару очень приятно. Рисовать с натуры трудно*.

«На берегу реки сидел дядя Петр, старый рыбак, и с раздражением грозил пальцем буйной компании мальчишек, барахтающихся в воде: „Ох, уж эти мне купающие! Рыба-то не клюет!“». Можно ли, не меняя остального текста, заменить слова *дядя Петр, старый рыбак* словами *наш учитель Петр Иванович*?

Попытайтесь определить грамматико-стилистическое различие предложений: *Пес бросился к крыльцу, отчаянно залааяв. Пес отчаянно залаял и бросился к крыльцу. Чем это вызвано? Докажите,*

Сделайте выводы о путях образования наречий, используя следующие примеры: шутя, зимой, трижды, крепко-накрепко, по-моему, дружески, вечером, нехотя, вверх, угрожающе, черным-черно.

Слова одного ряда свяжите со словами другого при помощи предлогов *от, для*. Найдите признак, по которому можно безошибочно употреблять эти предлоги в речи.

Порошок
Процедуры
Таблетки

Состав

Крем

Нафталин (средство)

Головная боль
Успокоение нервов
Бессонница
Выведение пятен
Сухая кожа
Моль

Укажите различие в написании подчеркнутых слов и объясните, чем оно вызвано:

Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Что бы он ни говорил, что бы ни предлагал, его слушали всегда внимательно. Мы встали пораньше, чтобы отправиться в поход. Используя данные примеры, укажите способ отличия союза от других частей речи.

Как нужно рассуждать, чтобы применить правила правописания частиц *не* и *ни* в следующих словах: ни с кем, некуда, незачем, не к кому, ниоткуда, ни от кого.

Определите сходство и различие подчеркнутых слов: Ау! Ау! — разносилось в лесу. Но как ни аукались ребята, Петя не откликнулся.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что ответ на экзаменах требует от абитуриента творческого подхода к анализу языковых фактов и явлений.

Изучать язык, овладевать его богатствами очень интересно, увлекательно. Это поможет по-настоящему полюбить великое русское слово.

Т. В. НАПОЛЬНОВА

ИЗДАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
НА 7 ЯНВАРЯ 1974 ГОДА

«Евгений Онегин» издавался 114 раз общим тиражом в 9 миллионов 842 тысячи экземпляров на 26 языках.

«Пиковая дама» издавалась 30 раз общим тиражом в 748 тысяч экземпляров на 14 языках.

«Кавказский пленник» издавался 29 раз общим тиражом в 1 миллион 550 тысяч экземпляров на 14 языках.

«Борис Годунов» издавался 38 раз общим тиражом в 1 миллион 184 тысячи экземпляров на 13 языках.

ЛАПИН И ЛАПИНЫШ

Из истории латышских личных имен
в русском языке

Не надо обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить, что всякий раз, когда мы сталкиваемся с написанием (разумеется и с произношением) в русском языке фамилий и личных имен латышей, перед нами встает вопрос, как их передавать по-русски: с латышской флексией (окончанием) *-с, -ш, -ис, -ус* на конце слова или без нее? Ведь на одной и той же странице газеты мы можем прочитать: Гунарс Плаценс, Харий Лиешинь, Карл Пиесис, хотя по-латышски все эти имена и фамилии имеют флексию: *Guņārs Placēns, Harijs Liepiņš, Kārlis Piesis*. Вопрос этот не праздный, так как разноречие в написании отнюдь не является следствием малообразованности пишущего. Причина более глубокая — она коренится в том, что в настоящее время лингвисты сами еще не пришли к единому мнению, как поступать в русском языке с флексией латышских имен собственных. Жизнь, однако, требует ответа, поскольку ежедневно мы должны говорить и писать их. Достаточно появиться очередной картине Рижской киностудии, как сотрудники «Московской кинонедели» оказываются в недоумении, как писать фамилии и имена актеров и постановщиков. А составителям энциклопедий, библиографий, работникам печати и сотрудникам книжной палаты, как быть им?

Попытаемся в этом вопросе разобраться и принять хотя бы предварительное «рабочее» предложение или установку. Начнем с того, что латышский язык, подобно литовскому и большинству славянских языков, флективный. Однако если в русском и в ряде славянских языков флексия именительного падежа в одних классах существительных сохранена (русское *рук-а, озер-о, пол-е*), а в других она исторически утрачена (*дом, конь, ночь*), то в балтийских языках флексия именительного падежа сохранена во всех классах существительных.

Сохраняется она во всей парадигме (совокупность форм словоизменения данной лексической единицы) всех имен собственных, например в именительном падеже литовских географических названий (топонимов): Alvit-as, Adutišk-is, Serdži-us; имен и фамилий (антропонимов): Pran-as Labuck-as, Kaz-ys Blaž-ys, Daili-us Kontrimaviči-us, Alg-is Antanait-is; латышских топонимов: Tukum-s, Ķegum-s, Saldu-s, Daugavpil-s, Ventspil-s; антропонимов: Artur-s Ozol-s, Jān-is Kalniņ-š, Mārtiņ-š Kalndriv-a, Vil-is Lāc-is. Все литовские имена собственные в переводе на русский язык в настоящее время последовательно сохраняют флексии именительного падежа: Альвитас, Адутишкис, Серджюс, Пранас, Лабуцкас, Казис Блажис, Дайлюс Контримавичюс, Альгис Антанайтис. Передача же латышских имен собственных на русский язык в настоящее время еще не унифицирована и юридически не регламентирована, хотя для литовского языка уже имеется «Инструкция по транскрипции фамилий, имен и отчеств с русского на литовский язык и с литовского на русский язык» (Вильнюс, 1972). На практике нарушений в передаче литовской флексии не наблюдается. Встает вопрос, почему передачу литовских имен собственных оказалось возможным упорядочить, в то время как латышские до сих пор остаются «яблоком раздора» у лингвистов и нелингвистов.

Для выяснения причин этого явления обратимся к истории. Началось все с того, что сразу после войны в 1945 году (когда при паспортизации срочно надо было вводить двойное написание: латышское и русское) было издано «Постановление Совета Народных Комиссаров Латвийской ССР». Оно в настоящее время не удовлетворяет требованиям современной лингвистики, требуя при передаче на русский язык отбрасывать флексии латышских имен собственных -с, -ш и частично -ис. В свое время это дало большое количество написаний латышских имен собственных в русском языке в усеченном виде и оказало заметное влияние на последующие трактовки лингвистически как будто бы бесспорного вопроса. Наблюдения над языком русской прессы в Латвии за период с 1945 года до наших дней дают любопытную картину: непрерывно возрастает количество случаев сохранения в русском написании латышских флексий. Это касается пока только географических названий Латвийской ССР, которые теперь принято передавать на русский язык с сохранением флексии: Тукумс, Кегуме, Салдус, Даугавпилс, Вентспилс. Новая передача установлена «Инструкцией по передаче на картах географических названий Латвийской ССР» (изд. 2-е, 1973). Согласно выше установленным принципам передаются также географические названия Латвийской ССР и в «Словаре географических названий Латвийской

ССР» (М., 1967), а также в справочнике «Административно-территориальное деление Латвийской ССР» (Рига, 1973). Издание инструкций, утвержденных Президиумом Верховного Совета Латвийской ССР, отменяет Постановление 1945 года, однако не полностью, а только в той его части, которая касается написания географических названий. Вопрос о юридическом статусе передачи латышских антропонимов и впредь остается открытым. Пока еще не удалось полностью унифицировать передачу всех категорий латышских имен собственных. Речь идет в основном о личных именах и фамилиях латышей, написание которых находится в непримиримом противоречии с написанием латвийских топонимов.

Рассмотрим теперь основные аргументы, выдвигаемые сторонниками усечения флексии латышских имен собственных в русской передаче. Поскольку наиболее вескими в данной ситуации считаются социолингвистические данные, то начнем с них.

Выдвигается требование по-разному подходить к передаче имен собственных с языков народов зарубежных стран и языков народов СССР. Обосновывается это требование тем, что двуязычие и совместное проживание в наших республиках людей разных национальностей и повседневное их общение создают условия для значительной языковой интерференции. Влияние русского языка в этой языковой ситуации, безусловно, огромно. Естественно, что при тесных языковых контактах возникают тенденции уподобить латышские имена собственные по своему морфологическому облику русским с нулевой флексией. Рассмотрим трансформацию латышской фамилии *Лапиньш* (образованной от имени нарицательного лара 'лист'). Отбросив флексию, мы получим *Лапинь*, так в быту легко получается русская фамилия *Лапин*. Это напоминает те переделки иноязычных антропонимов, которые часто встречаются: непривычное кавказское имя *Мухутдин* заменяют русским именем *Миша*, *Дейлу* называют *Лилей* или *Лялей*, а *Джамалдина* — просто *Димой* или *Борей*. В этих стремлениях нет ничего обидного, ситуативно они оправданы и понятны, так как натурализация иноязычного и инационального существовала всегда и во всех языках. Однако кроме устных заимствований, характерных для разговорной речи (а в прошлом распространенных и на литературный язык), в наше время существует и другая — научная передача иноязычных имен собственных. Она характеризует стремление максимально точно (в пределах возможного) передавать звучание и написание иноязычных имен собственных. Поэтому представляется абсолютно необходимым четко разграничивать их употребление в сфере разговорной речи от официальной, требующей, как правило, однозначной передачи. Эта сфера начина-

ется с паспортизации и распространяется на всю официальную и деловую речь.

Сторонники отсечения латышской флексии имен собственных в их русской передаче, как правило, ссылаются на случайный ее характер. Не изменяется во всей парадигме только основа слова, в то время как именительный падеж представляет собой лишь частный случай или одну из семи словоформ. Именно поэтому основу имен собственных как некий инвариант (нечто наиболее существенное) следует так и передавать на другие языки. Это было в прошлом. Имена собственные в классических флективных языках (древнегреческом и латинском), подобно литовскому и латышскому, сохранившие флексию именительного падежа, передавались на русский язык в виде чистых основ: Гомер, Брут, Цицерон, Катон и т. п. Однако теперь из двух современных флективных языков, сохранивших флексию именительного падежа, а именно из новогреческого (*Манолис Гласос*, а не *Манол Глас*) и литовского, мы передаем имена собственные в форме именительного падежа. На третий язык аналогичного строя, латышский, мы этот пример сохранения флексии не распространяем.

Часто приходится слышать, что сохранение в русской передаче флексии латышских имен собственных приводит к беспрерывному «свистению» и «шипению» (имеются в виду флексии *-с* и *-ш*). Они не свойственны для русского слова, однако вряд ли можно утверждать, что они трудно произносимы. Действительно типичны ли для русского языка конечные звуки типа: *-шили*, *-ян*, *-ас*, *-чюс*. Конечно, нет. Встречаясь в русской речи, они воспринимаются как своеобразные сигналы, извещающие о том, что перед нами грузинские, армянские, литовские и другие фамилии. Сохраняя в русской речи латышскую флексию, мы таким образом увеличим число этих формальных показателей, говорящих о национальном колорите фамилии. Сравните, например, фамилии *Лапин* или *Лапиньш*, *Аболин* и *Аболинш*, *Бергман* и *Бергманис*. Хорошо это или плохо, если фамилия становится как бы страничкой паспорта, говорящей о национальной принадлежности ее носителя? Думается, что это нормально и естественно. Если в носителе фамилии *Казлаускас* мы увидим литовское, в *Капанавзе* — грузинское, в *Пономаренко* — украинское, в *Косничану* — молдавское, а в фамилии *Озолиньш* — латышское происхождение, то это будет весьма характерной чертой для нашей многонациональной страны.

В. Э. СТАЛТМАНЕ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРАВИЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ

Продолжение. Начало см.: «Русская речь»,
1973, № 4—6; 1974, № 1, 2

ПО НЕМ — ПО НЕМУ. В XIX веке нормой было употребление с предлогом *по* предложного падежа местоимений *кто, что, он, мы, вы*, в соответствии с дательным падежом существительных в подобных конструкциях, то есть обязательными были сочетания *по ком, по чем, по нем, по нас, по вас*, а сочетания *по кому, по чему* отмечались грамматиками как неправильные. В «Русской грамматике» А. Х. Востокова (1834) приводится такой пример: По ком стреляли? — По неприятелю.

В современном литературном языке местоимения *мы, вы* продолжают употребляться в таких сочетаниях в форме предложного падежа: «Из окна по нас стреляли» (Паустовский. Начало неведомого века); По нас открыли огонь. Построение «по нам стреляли» нельзя признать соответствующим современной литературной норме. Местоимения *кто, что, он* по аналогии с падежной формой существительного теперь обычно выступают в форме дательного падежа: «До эшелона он не дошел — по нему открыли огонь» (Каверин. Два капитана). Встречающиеся иногда формы предложного падежа названных местоимений следует считать для современного состояния языка устаревшими: «При наличии неточностей в чертеже по нем нельзя выполнить сборку машины» (из ведомственной инструкции). Местоимение *они* в подобных построениях с XIX века выступает только в дательном падеже: «И пушка грянула по ним» (Лермонтов. Измаил-бей).

Близки к рассмотренному типу сочетания местоимений с предлогом *по*, зависящие от глаголов *скупать, соскучиться, тосковать, скорбеть, плакать, горевать*, от существительных *скорбь,*

тоска и некоторых других. В этой группе местоимения *кто, что* и другие выступали с предлогом *по* в такой же падежной форме, как и имена существительные. По старой норме существительные и местоимения, зависящие от перечисленных и сходных с ними по значению глаголов, принимали после предлога *по* форму предложного падежа: тосковать по доме, соскучиться по нем. В настоящее время такое употребление устарело, нормой стал дательный падеж: тосковать по дому.

Несколько иначе обстоит дело с местоимениями. Местоимения *мы, вы* выступают в описываемых конструкциях, как правило, в форме предложного падежа: скучать по нас, по вас. Местоимения *кто, он* могут употребляться как в форме предложного падежа, так и в форме дательного падежа: соскучиться по кому, по нему — соскучиться по ком, по нем. При этом вторая форма является уже устаревающей. Местоимения *что, они* обычно принимают форму дательного падежа: скучать по чему, по ним.

Наряду с предлогом *по* названные глаголы могут употребляться в конструкциях с предлогом *о*: горевать, тосковать, грустить о ком, о нем.

ЕХАТЬ НА ПОЕЗДЕ — ЕХАТЬ В ПОЕЗДЕ — ЕХАТЬ ПОЕЗДОМ. Рассматриваемый тип содержит два противопоставления: 1) противопоставление беспредложной конструкции с творительным падежом зависимого существительного и предложной конструкции с предлогом *в* или *на* и предложным падежом существительного: ехать поездом — ехать на поезде, в поезде; 2) противопоставление предложных конструкций с предлогом *в* и с предлогом *на*: ехать в поезде — ехать на поезде. Все три названные модели соответствуют современной литературной норме и различаются лишь некоторыми оттенками значения и семантикой слов, которые могут входить в ту или иную конструкцию, поэтому возможны однородные члены в пределах одного предложения: «Москвичи, ленинградцы, калининцы могут теперь приезжать к Селигеру не только поездами, но и на автомашинах, самолетами» («Правда», 27 апреля 1972).

Творительный беспредложный падеж, обозначающий средство передвижения, в таких конструкциях ограничен лексически: в этой форме употребляются только названия механических самоходных транспортных средств, тогда как в конструкциях с предлогами *в* и *на* может выступать название любого средства передвижения: ехать поездом — ехать на поезде, в поезде; лететь самолетом — лететь на самолете, в самолете; ехать автобусом — ехать в автобусе, на автобусе, при неупотребительности конструкций «ехать санями» «прибыть коляской», «ехать лошадьё». Только в предложных конструкциях обычно выступают несклоняемые

существительные *метро, такси*, а также слова *велосипед, самокат, мотоцикл, мотороллер, мопед*: ехать на метро; приехать на такси, в такси; кататься на велосипеде; гонять на самокате; приехать на мотороллере.

В тех случаях, когда возможна как беспредложная, так и предложная конструкция, построения с творительным падежом без предлога указывают на способ передвижения, предложные же конструкции фиксируют внимание на самом предмете — средстве передвижения: *автобусом* вы доедете за десять минут — мальчик еще ни разу не ездил *на автобусе* (в автобусе).

В конструкциях с предлогами *с* и *на* выбор предлога определяется главным образом положением едущего по отношению к средству передвижения. В тех случаях, когда речь идет о всаднике или положение едущего можно сравнить с посадкой всадника, в таких сочетаниях употребляется предлог *на*: ехать на лошади, на верблюде, на осле; ехать на велосипеде, на мотороллере, кататься на салазках, на санках.

Если едущий находится внутри транспортного средства — в машине, в вагоне, то в таких конструкциях возможен как предлог *с*, так и предлог *на*: приехать на такси — приехать в такси; ехать на автобусе, на троллейбусе — ехать в автобусе, в троллейбусе. В этих случаях построения с предлогом *на* употребляются для подчеркивания способа передвижения (Он приехал *на* автобусе, а на такси), тогда как сочетания с предлогом *с* обращают внимание на пребывание внутри данного средства передвижения (Мы ехали *с* новым автобусе; несмотря на мороз, в нем было очень тепло).

(Продолжение в следующем номере)

Литература

Л. И. Скворцов. Можно ли слететь самолетом? — «Русская речь», 1967, № 3.

От редакции. Во втором номере 1974 года на стр. 139 (третья строка сверху) читайте: вместо *дательного* — *предложного*.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● МЕДЕО

«Мы часто читаем в газетах и слышим по радио о катке Медео близ Алма-Аты. Некоторые утверждают, что название Медеу произошло от сокращения МДО (ме-де-о). Так жители как будто бы именовали местный дом отдыха. Интересно узнать о происхождении этого названия», — пишет В. Ступников из города Миасса.

Высокогорный каток Медео сейчас известен не только советским спортсменам и болельщикам. Великолепный спортивный комплекс пришелся по душе нашим зарубежным друзьям, его посещают многочисленные туристы. Каток еще строился, а уже имел название Медео, полученное по своему географическому положению.

Известный конькобежец неоднократный победитель Олимпийских игр Е. Гришин так описывает рождение этого спортивного сооружения в книге «500 метров» (М., 1969): «Самым главным инициатором строительства высокогорного катка был Константин Кудрявцев. Летом он изъездил горы Казахстана и Киргизии и неподалеку от Алма-Аты, в урочище Медео, нашел площадку для строительства самого современного высокогорного катка. Он договорился с руководителями Казахстана о строительстве. Осенью 1950 года Кудрявцев получил телеграмму: „Каток готов к заливке. Присылайте конькобежцев“. Кудрявцев предложил поехать в Медео следующей бригаде: Пискунов, Писарев, Мамонов, Гришин. Возглавил группу Кудрявцев». Почему же урочище Медео, а затем и каток получили такое странное наименование?

Член-корреспондент Казахской Академии наук А. Т. Кайдаров рассказал, что Медеу (в казахском звучании и написании) как пастбищное угодье принадлежало до Великой Октябрьской социалистической революции одному из местных казахских баев по имени Медеу. Его величали Медеубай. Имя Медеу — очень распространенное у казахов. Можно привести много имен и фамилий,

в состав которых входит *медеу*: Медеубек, Медеуэли, Медеубай, Медеуин, Медеушин. В лексикографических трудах слово *медеу* отмечается как собственно тюркское (Н. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь).

Написание этого слова в виде «Медео», ставшее уже вполне официальным, очевидно, многих «смущает». Оно, по-видимому, получилось в результате произношения русскими слова *медеу*: в русском языке «удобнее» сочетаются гласные *ео*, нежели *еу*.

Таким образом, по собственному имени владельца пастбищных угодий сначала было названо все урочище, а затем и высокогорный каток, построенный в нем. Объяснение слова *медео* (МДО), как аббревиатуры сочетания «местный дом отдыха», о чем пишет В. Ступников, всего лишь народная этимология.

В. Н. Сергеев

● САМОЛЮБИЕ И СЕБЯЛЮБИЕ

Читатель Г. Г. Велицкий из Запорожья пишет о том, что слова *самолюбие* и *себялюбие* в современном русском языке не синонимы. Однако в художественной литературе и языке прессы встречаются случаи употребления слова *самолюбие* вместо *себялюбие*. Какова история этих слов в русском языке?

В современном русском литературном языке слова *самолюбие* и *себялюбие*, несмотря на звуковое и морфологическое сходство (само-любие, себя-любие), различаются по значению и употреблению. «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах определяет *самолюбие* как «чувство собственного достоинства, обычно сочетающееся с повышенной чувствительностью к мнению о себе окружающих». Почти так же определено *самолюбие* в 4-томном «Словаре русского языка». В тех же словарях *себялюбие* дано как «забота только о себе, своих интересах, эгоизм». Исходя из данных определений, можно говорить о наличии синонимической связи слова *себялюбие* со словом *эгоизм* и отсутствии ее у слова *самолюбие*.

Самолюбие и *себялюбие* означают разные понятия, живут в современном языке самостоятельно, каждое из них имеет типичные сочетания и употребления. *Себялюбие* используется в речи сравнительно редко, обычно мы прибегаем к его синониму *эгоизм*. Вот один из примеров четкого употребления слова *себялюбие*: «Чертвое себялюбие завладело Алексеем: гнетет его забота об одном себе, до других ему и нуждушки нет» (Мельников-Печерский. В лесах). *Себялюбие* характеризуется здесь эпитетом *чертовый* (сходные эпитеты — *голодный*, *расчетливый* и др. — можно использовать для слова *эгоизм*).

Подобные употребления не характерны для слова *самолюбие*. Оно означает некое свойство, черту человеческого характера, часто выступает с эпитетами: болезненное, больное, мелочное, мелкое, уязвленное, ненасытное, гипертрофированное и т. д. Самолюбие как чувство собственного достоинства можно *задеть*, *оскорбить*, *цедить*, *удовлетворить*, ему можно *лыстить*, его уколы можно *испытывать* и т. д. И со всеми этими глаголами слово *самолюбие* употребляется: «Ему было немножко стыдно и самолюбие его было оскорблено, — он не ожидал отказа» (Чехов. Ионыч). Чувство самолюбия связано с ревнивым отношением к мнению о себе, оно мешает признаваться в своих ошибках, промахах, любит похвалу, лесть. Эта сторона понятия особенно ярко проявляется, когда речь идет об *авторском, писательском самолюбии*: «Он впился в картину глазами. Я видел, что она поразила его, и мое авторское самолюбие было приятно задето» (Гаршин. Надежда Николаевна). Здесь *самолюбие* по значению очень близко словам *честолюбие*, *тщеславие*.

Мы говорили до сих пор о современном употреблении слова *самолюбие*. В прошлом оно в меньшей мере было противопоставлено слову *себялюбие*. В начале XIX века *самолюбие* имело два значения: одно то, которое соответствует современному (высокая оценка своих достоинств), и другое, ныне отсутствующее, сближающееся со значением слов *себялюбие*, *эгоизм*. Вот пример употребления слова *самолюбие* во втором значении: «Кто самолюбием чрезмеру поражен, Тот мил себе и в том, чем он другим сменон; И часто тем ему случается хвалиться, Чего бы должен он стыдиться» (Крылов. Апеллес и Осленок). Это значение зафиксировано в старых словарях. Так, «Словарь Академии Российской» (1822) определяет *самолюбие* как «любовь, пристрастие к самому себе». Такое значение не соответствует современному употреблению и скорее подошло бы к слову *себялюбие*. «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847) также определяет *самолюбие* как «пристрастную любовь к самому себе», а трехязычный словарь И. Гейма «Новый российско-французско-немецкий словарь» (1802) переводит его как *l'amour propre, l'égoïsme, die Eigenliebe, Selbstliebe* [любовь к себе, эгоизм]. Все это подтверждает наличие в то время близости значений слов *самолюбие*, *себялюбие* и *эгоизм*. Лишь В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» четко разграничил значения: *себялюбие* — «забота об одном себе и равнодушие к благу ближнего; самотность, эгоизм», а *самолюбие* — «самоотрастие, пристрастие [но не любовь!] к себе, суетность и тщеславие во всем, что касается своей личности; щекотливость и обидчивость, желание первенства, почета, отличия, преимуществ перед другими». Это первое определение в словарях, наиболее полно раскрывающее сущность слова в нашем понимании.

Аналогична судьба производных *самолюбивый* и *себялюбивый*. Для современного языка *самолюбивый* — 'отличающийся большим самолюбием' (4-томный Словарь). 17-томный Словарь выделяет еще два оттенка: 'свойственный человеку с большим самолюбием' и 'свидетельствующий о большом самолюбии'. Но если обратиться к материалам первой половины XIX века, то можно заметить, что в ряде случаев употребление *самолюбивый* не соответствует этим определениям: «А ложа, где, красой блистая, Негоциантка молодая, Самолюбива и томна, Толпой рабов окружена?» (Пушкин. Евгений Онегин. Отрывки из путешествия Онегина); «Когда же через шумный град Я пробираюсь торопливо, То старцы детям говорят С улыбкою самолюбивой: „Смотрите: вот пример для вас! Он горд был, не ужился с нами. Глупец, хотел уверить нас, Что бог гласит его устами!“» (Лермонтов. Пророк). Здесь слово *самолюбивый* имеет значение 'самодовольный, тщеславный, эгоистичный', которое отсутствует в современном языке. Именно только это значение отмечено в «Словаре Академии Российской для *самолюбивый* — 'любящий пристрастно самого себя'. Словарь 1847 года приблизил толкование слова к нашему пониманию, сняв из определения 'любящий себя' и оставив 'пристрастный к самому себе'. И опять-таки первое исчерпывающее определение *самолюбивый* в нашем понимании дает Словарь В. Даля: *самолюбивый* — 'честолюбивый, который любит почет и лесть, везде хочет быть первым и требует признания достоинств своих, ставит себя выше других'. А в слове *себялюбивый* В. Даль счел даже необходимым включить указание на различие этих слов, отметив, что *самолюбивый* ближе к *честолюбивый*.

В качестве дополнительного довода в пользу смысловых связей в языке прошлого между *самолюбие* — *себялюбие*, *самолюбивый* — *себялюбивый* можно привести слова *самолюб*, *самолюбец*, которые означают человека, любящего себя одного и заботящегося только о себе, о своих интересах. Они являются производными от того значения слов *самолюбие*, *самолюбивый*, которое отсутствует в современном языке ('самодовольный, тщеславный, эгоистичный'), и синонимичны словам *себялюб*, *себялюбец*, *эгоист*, что отмечено в «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (Л., 1971).

Слова *самолюбие*, *самолюбивый* претерпели с течением времени определенные изменения, они сузили свое значение, отмежевались от слов *себялюбие*, *себялюбивый* и получили в современном русском языке четко выраженное единственное значение: *самолюбие* — чувство собственного достоинства, сочетающееся с ревнивым отношением к мнению о себе, *самолюбивый* — отличающийся большим самолюбием.

М. Н. Судоплатова

● СКАЗАТЬ — ПОДСКАЗАТЬ

Многие читатели в письмах в редакцию указывают на неправильное употребление того или иного слова, выражения. В письме Ф. А. Марголис из Москвы обращено внимание на происходящее в разговорной речи смешение в употреблении слов *сказать* и *подсказать*, в качестве примера приведены фразы: «Вы не подскажите, как пройти к станции метро?»; «Не подскажите, где музей Пушкина?».

Действительно, такие вопросительные предложения приходится слышать довольно часто. И не только слышать, но и читать. Так, в повести А. Адамова «Квадрат сложности», напечатанной в журнале «Юность» (1973, № 10), читаем: «Не скажете, сосед ваш, Иван Харитонович, дома?» и несколькими строчками ниже: «А как бы его дома застать, не подскажите?». В данном случае спрашивающему, очевидно, кажется, что *подсказать* более вежливо. Но он ошибается. Употребить в этом случае слово *подсказать* вместо *сказать* — значит допустить ошибку.

Почему, спросят некоторые, разве *сказать* и *подсказать* не одно и то же? Разве спрашивающему и отвечающему не понятно, о чем идет речь? Конечно, понятно. Однако употреблять *подсказать* вместо *сказать* не следует, так как эти слова имеют разные значения и не могут заменять одно другое. Слово *сказать* означает прежде всего «изложить устно какую-либо мысль, сообщить что-либо, произнести»; приставка *под-* может употребляться «при образовании глаголов и производных от них слов, внося в них значение... совершения действия скрытно, тайком, исподтишка: подглядеть, подговорить... подсказать» (17-томный Словарь).

Слова *подсказать*, *подсказывать* встречаем в различных словарях — и давних, и выпшедших в свет в самое последнее время. Вот как объяснены они в «Словаре современного русского литературного языка» (1960).

Подсказывать, подсказать:

1) тихо, незаметно говорить кому-либо то, что тот должен сказать, произнести.

Ты помнишь, как учили нас
И как не знал я, где Кавказ,
А ты не знал, где Крым?
Как я старался подсказать,
Чтоб выручить дружка?

Михалков. Школа

Подсказывать, подсказать урок, роль, слова и т. п.: «Сын Штольца баловал Обломова, то подсказывая ему уроки, то делая за него переводы» (Гончаров. Обломов); договаривать за кого-либо, добавлять к сказанному им: «— А когда же ты сама будешь знать и жить? — Когда... у меня будут свои... — Дети? — подсказал Райский» (Гончаров. Обрыв); 2) наталкивать, наводить на какие-либо мысли, действия, поступки: «Нам... казалось, что мы все предусмотрели и все спланировали, а вы, товарищи, много нового подсказали нам. Планы наши обогатились» (Николаева. Жатва); Сердце, разум, память и т. п. *подсказывает, подсказжет*:

Простите, родные!
Мне сердце давно
Мое подсказало решение.

Некрасов. Русские женщины

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля дает так: *Подсказывать, подсказать*, что кому, подговаривать, диктовать; передавать потихоньку ответ на сделанный кому вопрос, надуумить кого, что ему должно отвечать или говорить.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова *подсказать*: 1) тихо и незаметно сказать, чтобы помочь кому-н. ответить на вопрос; 2) перен. навести на мысль, внушить какие-н. действия, слова: «Случай подсказал мне правильное решение».

И, наконец, в девятом издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, вышедшем в 1972 году, читаем: *Подсказать*: 1) шепнуть или показать незаметно кому-н. то, что тот должен произнести; 2) перен. навести на мысль, внушить... несов. *подсказывать*.

Итак, мы видим, что у слов *подсказать, подсказывать* нет значения 'сообщить что-либо', 'произнести', поэтому и употреблять их вместо слова *сказать* нельзя, это ошибка.

Вместе с тем следует обратить внимание на следующие особенности сочетания с глаголом *подсказать*. Читатели, вероятно, заметили, что эта конструкция при вопросе-обращении встречается только в разговорной речи, в просторечии, а в письменной, и в частности в языке художественной литературы, — в речи персонажей, но не в речи автора. Уже из приведенных примеров видно, что эта конструкция обычно отрицательна по форме: не подскажите ли..?

В разговорной речи так называемый «вежливый оттенок», кроме глагола *подсказать* (в побудительном обращении-вопросе), имеют и некоторые другие глаголы: *подойти* (вместо *прийти*): «Я подойду часам к пяти»; *подъехать* (вместо *приехать*): «Я подъеду на вокзал прямо к поезду».

В. С. Филиппов

● ПРЕУМНОЖИТЬ И ПРИУМНОЖИТЬ

«Прошу Вас разъяснить, как надо писать: *преумножить* или *приумножить* (славу, богатство и т. п.). В „Словаре русского языка“ (1953) С. И. Ожегов дает *приумножить* ‘еще более умножить, увеличить’, а *преумножить* в Словаре вообще нет. К. И. Былинский и Н. Н. Никольский в „Справочнике по орфографии и пунктуации для работников печати“ (1970) помещают оба слова: *преумножить* (стр. 261) и *приумножить* (стр. 264)». С этим вопросом к нам обратился москвич Г. Н. Капнин.

Приставки *пре-* и *при-* обычно вызывают затруднение у пишущих. Присоединяясь к глаголам, эти приставки вносят разные значения. 17-томный «Словарь современного русского литературного языка», например, отмечает шесть значений у приставки *пре-* и тринадцать у *при-*. Незнание или смешение этих значений и вызывает ошибки.

Приставка *при-* употребляется для образования глаголов и вносит значение ‘полного сближения с местом, в которое кто-либо или что-либо направляется’. Именно поэтому следует писать: *приезжать*, *прибывать*, *пригонять*. Зная вносимое приставкой *пре-* значение ‘запрещение дальнейшего действия, движения’, можно без ошибки написать глаголы: *преграждать*, *пресекать*, *прерывать*.

Одно значение, которое вносятся этими приставками, — ‘чрезмерность действия (увеличение или уменьшение чего-либо)’ — позволяет образовывать от некоторых слов приставочные слова с *пре-* и *при-*. К их числу относятся и глаголы *преумножить* и *приумножить*, *преуменьшить* и *приуменьшить*. «С первого же дня и часа службы молодые воины делают все, чтобы *преумножить* славные боевые традиции роты» («Правда», 18 января 1969); «Все сходятся на том, чтобы сохранить и *приумножить* зеленые кливья парков, которые существуют сейчас, такие, как Измайлово и Сокольники» («Известия», 1 января 1971); «— Инженер Валуев очень толково выступал, — сказал Абрисимов. — Толково? — переспросил Каргин. — Вы *преуменьшаете*, товарищ Абрисимов. Валуев выступал блестяще, талантливо» (Чаковский. Это было в Ленинграде); «На вопросы она отвечает скромно, *приуменьшая* успехи» (Павленко. В Долинах Качи и Альмы).

В некоторых словах значение приставок *пре-* и *при-* не вполне ясно: *презирать*, *преподать*, *преследовать*, *пригодный*. О написании таких слов следует справляться в орфографическом словаре. Так, из «Орфографического словаря русского языка» под редакцией С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шаниро (изд. 9-е. М., 1969) мы узнаем, что можно писать и *преумножать*, и *приумножать* (богатство, славу, традиции).

В. Н. Сергеев

● БУТКАРЬ ИЛИ БУШКАР?

Словарный сектор Института русского языка АН СССР с 1965 года начал выпускать большой сводный «Словарь русских народных говоров», который призван собрать и систематизировать богатый словарный запас русских диалектов по многочисленным печатным и рукописным источникам. К 1974 году вышло девять выпусков этого замечательного по замыслу и исполнению собрания русских народных слов, которое служит ценнейшим дополнением к словарям русского литературного языка.

Словарь основан на обширном по объему и неодинаковом по качеству материале, представленном в печатных публикациях и в рукописных собраниях народных слов и выражений, не нашедших еще применения в литературном русском языке. Такая пестрота источников, безусловно, затрудняет работу составителей, а в некоторых случаях эти трудности оказываются непреодоленными, и в «Словаре русских народных говоров» иногда могут появиться отдельные ошибочные слова.

Таковым, по-видимому, следует признать камское слово *бۇткарь* 'бревно на корме баржи, на котором висит якорь', помещенное в 3-м выпуске «Словаря русских народных говоров» (Л., 1968) со ссылкой на запись А. В. Миртова в 1930 году (здесь, вероятно, имеется в виду большой недатированный «Уральский словарь» А. В. Миртова до буквы *О* включительно, хранящийся в словарной картотеке Института русского языка АН СССР в Ленинграде под № 86).

Ошибка возникла из-за плохой противопоставленности букв *г* и *ш* в современной скорописи. И действительно, в первом томе «Морского словаря» К. И. Самойлова (М.—Л., 1939) есть слово *бушкар* (волжское) «круглый или четырехугольный деревянный брус, укрепленный на носу судна у форштевня. В наружном конце у В[ушкара] врезан шкив, через который проходит дректов (сука), служащий для подъема якоря». Отмечено оно также в «Словаре волжских судовых терминов» С. П. Неуструева (Нижний Новгород, 1914) с более подробным объяснением и указанием, что этот же предмет у морских судов называется *бушприц*. Боковой или кормовой бушкар, по С. П. Неуструеву, назывался *крамбалка* или *крамбал*. (Словари К. И. Самойлова и С. П. Неуструева упомянуты в качестве источников сводного «Словаря русских народных говоров», но слово *бушкар* из них не извлечено.)

Известный финский лингвист Мартти Рясанен в статье, опубликованной в 1946 году в журнале «*Finnisch-ugrische Forschungen*» (Bd. XXIX), сделал попытку увязать русское слово *бушкар* с лексикой других поволжских языков. Первоисточником он считал чуваш-

ское многозначное слово *пушкар*: «1) шушья, катушка (для ниток); шушечный, катушечный; 2) косточки, которыми прикрепляют подложки ткацкого станка к ниточкам; 3) палки, сложенные крест-накрест в улье для прикрепления вошины; 4) завертка (дверной запор); 5) наконечник». Это слово попало также и в марийский язык в более древней форме (еще до перехода *а* начального слога в *у*) *пашкар*: «1) приспособление для закручивания чего-л., закрутка; 2) колод (у скрипки); 3) затычка (у бочки); 4) чека (в оси)». Однако следует заметить, что как чувашское слово *пушкар* не имеет связей с другими тюркскими языками, так и марийское *пашкар* — с другими финно-угорскими языками, если не считать сомнительного сопоставления последнего с коми-зырянским *пашкыр* «раскидистый, кудрявый валохмаченный» (В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970).

Было бы желательно, чтобы знатоки старой волжской судовой терминологии откликнулись на данную заметку и сообщили свои суждения по существу вопроса: какая из приведенных в заголовке форма правильна — *бугкар* или *бушкар*? При этом важно обратить внимание и на место ударения в именительном и косвенных падежах.

И. Г. Добродомов

При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),

Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,

В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,

В. А. ЕРЕМИН, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,

И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ,

Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

и. о. отв. секретаря О. А. ХАМИЦАЕВА

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2.

Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией И. М. Беспалова

Художественный редактор Т. А. Михайлова

Корректоры В. В. Беляев, Н. М. Кузьмина

Сдано в набор 12/II-1974 г. Подп. к печ. 20/IV-1974 г. Т-06539 Тираж 80 000 экз.
Формат бумаги 84×108 $\frac{1}{2}$ Усл. печ. л. 8,4 Бум. л. 2,5 Уч.-изд. л. 10,1. Зак. 160

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10